

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ISSN 2307-1494

ПУТИ К МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1(44) 2013 апрель

**Москва
ИМЭМО РАН**

Научно-аналитический журнал «Пути к миру и безопасности» подготовлен
Группой по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-
политических проблем ИМЭМО РАН

Журнал основан в 1987 г.

ISSN 2307-1494

Учредитель: Институт мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук

Ответственный редактор: Л.Г.Истягин

Редакционная коллегия

д.и.н. Л.Г.Истягин, д.полит.н. Е.А.Степанова,
д.полит.н. А.В.Фролов, к.э.н. Ю.В.Андреев, к.и.н. Н.И.Косолапов;
отв. секретарь Л.И.Тулупова

Адрес редакции: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23
Тел.: (499) 128-93-89; (499) 128-89-87
e-mail: tulupova@imemo.ru

Издается на полиграфической базе ИМЭМО РАН:
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

© ИМЭМО РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Contents.....	4
От редакции.....	5

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ

Новые угрозы и концепции безопасности

Крылова И.А. Природоохранная компонента в системе коллективной безопасности.....	7
Гудев П.А. Американско-китайский антагонизм в использовании пространств и ресурсов Мирового Океана.....	23
Евтихевич Н.С., Израелян Е.В. Концепция «безопасности личности и общества»: канадский подход.....	38

Кризисы и конфликты

Девятков А.В. Днестровский узел: перед новым витком?.....	52
---	----

Военная политика и контроль над вооружениями

Корсаков Г.Б. Инновационный компонент в системе военного механизма США.....	61
Фролов А.В. Россия и проблемы контроля над экспортом вооружений.....	90

СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ, КОММЕНТАРИИ

Куклина И.Н. Российский пацифизм – новое дыхание?.....	100
Васильев В.И. Антивоенные акции германской общественности.....	106
Мизюркин Ю.А. Роль Интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока.....	113
Андреев Ю.В. Киевское уравнение в евразийском проекте.....	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Калядин А.Н. Дорожная карта ядерного разоружения.....	123
---	-----

О КНИГАХ

Воронов К.В. Роль дипломатии в кризисах: желание и действительность.....	138
Бэйлисс К. «Афганцы» глазами британца.....	141
Истягин Л.Г. Сирийский урок новейшим революциям.....	146
Сейер М. Этносепаратизм в России и Грузии.....	148
Истягин Л.Г. Милитаризм против природы.....	153
Гиголаев Г.Е. Ф.Д.Рузвельт: практик политического реализма.....	155

Сведения об авторах.....	157
--------------------------	-----

CONTENTS

From the editors	5
-------------------------------	---

ARTICLES

New threats and security concepts

Krylova, Irina. Environmentalist component in collective security system.....	7
Gudev, Pavel. U.S.-China antagonism in the use of space and resources of the World Ocean.....	23
Yevtikhevich, Natalia and Israelyan, Yevgeniya. "Human security" concept: the Canadian approach.....	38

Crises and conflicts

Devyatkov, Andrei. The Dniester knot: approaching a new turn?.....	52
--	----

Military policy and arms control

Korsakov, Georgi. The innovative component in the U.S. military system.....	61
Frolov, Alexander. Russia and the problems of arms export control.....	90

OPINIONS AND COMMENTS

Kouklina, Ida. Russian pacifism – a new breath?.....	100
Vasiliyev, Viktor. Anti-war activity in the German society.....	106
Mizyurkin, Yuri. The role of the Internet communication in the protest movements in Maghreb and in the Near East	113
Andreyev, Yuri. The role of the Kiev equation in the Eurasian project.....	120

CONFERENCES

Kalyadin, Aleksander. A road-map for nuclear disarmament.....	123
---	-----

BOOK REVIEWS

Voronov, Konstantin. The role of diplomacy in crises: желание and reality.....	138
Bayliss, Christopher. The Russian "Afghans": a British view.....	141
Istyagin, Leonid. The Syrian lesson for the new revolutions.....	146
Seyer, Michael. Ethnoseparatism in Russia and Georgia.....	148
Istyagin, Leonid. Militarism against the environment	153
Gigolayev, German. Franklyn D. Roosevelt: a practitioner of political realism.....	155

About the authors	157
--------------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск в основном посвящен комплексу новых угроз безопасности, резко обострившихся и усложнившихся, в том числе под воздействием экономического кризиса и разнообразных социально-политических взрывов, а также стратегиям и методам противодействия этим угрозам и их предотвращения.

Речь идет, прежде всего, о проблематике *экологической безопасности*, которой посвящен комплекс материалов номера. В статье И.А.Крыловой не только освещены концептуально-теоретические аспекты проблемы, рассматриваемой как неотъемлемый аспект «коллективной безопасности», но и подчеркивается, что в современных условиях степень разрушения природы переросла границы узко-экологической проблематики, а ограничение его последствий требует неотложных усилий всего человечества. Проблема борьбы за ресурсы Мирового Океана – в данном случае, между США и Китаем – одна из основных тем, затрагиваемых в статье П.А.Гудева. В этом контексте внимания заслуживает и рецензия на работу Р.Г.Мамина – новейшую российскую монографию, посвященную экологическим аспектам и последствиям войн.

Второй комплекс материалов выпуска традиционен для нашего издания и включает материалы по различным аспектам современных *кризисов и вооруженных конфликтов*. Основная статья номера непосредственно по этой проблематике – анализ современного состояния Приднестровского конфликта и урегулирования тюменским коллегой А.В.Девятковым. Еще одна статья посвящена более широким вопросам пересмотра самой концепции безопасности в сторону большего внимания к так называемой безопасности человека и общества (“human security”) и, более конкретно, тому ведущему вкладу, который в развитие этой концепции внесла Канада. Эта статья, написанная молодыми учеными Н.С.Евтихевич и Е.В.Израелян, содержит и критический анализ ряда гуманитарных интервенций недавнего прошлого. В аналитическом материале Ю.А.Мизюркина на базе статистики исследуется влияние новейших средств связи и информации, особенно интернет-коммуникаций, в событиях «арабской весны». Комплекс материалов, посвященных конфликтам, замыкают рецензии авторов из России, США и Великобритании на новые зарубежные издания, посвященные проблемам кризисной дипломатии и ведения переговоров, сирийскому конфликту, «афганскому» опыту СССР и проблемам этносепаратизма в России и Грузии.

Третьим тематическим блоком номера служит проблематика *антивоенных движений*, которая хотя и является профильной для данного издания, в последние годы затрагивалась в нем нечасто. В своих статьях специалисты ИМЭМО РАН И.Н.Куклина и В.И.Васильев отмечают определенную активизацию антивоенного движения после периода некоторого затишья и отхода на второй план, причем на основе синтеза с движениями–партнерами. Так, в России антимиитаристы тесно сотрудничают (вплоть до форм организационного слияния) с правозащитниками, а в Германии – с защитниками

окружающей среды и неосоциалистами. Более обстоятельный анализ всего спектра неоантимилитаристских и иных гуманистических общественных течений предстоит осуществить в дальнейших выпусках журнала.

Наконец, на фоне анализа антивоенных движений особенно отчетливо видно, как велика еще роль *традиционной военной проблематики* в общем контексте национальной и международной безопасности. Этим вопросам в номере посвящены статьи наших коллег по ИМЭМО Г.Б.Корсакова, который подробно анализирует американскую литературу по проблематике «революции в военном деле» (включая концепцию «сетевой», или «сетевцентричной», войны), и А.В.Фролова, делающего экскурс в историю регулирования торговли оружием. В материалах своеобразного круглого стола – Ученого Совета ИМЭМО РАН – обстоятельно анализируются новые аспекты переговоров по ограничению и нераспространению вооружений. В.Г.Барановский, А.Г.Арбатов и А.Н.Калядин в своих выступлениях высказываются в пользу перехода от преимущественно двустороннего американско-российского формата переговоров и договоренностей по вопросу сокращения вооружений к многосторонней, мультисубъектной фазе этого процесса.

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ

Новые угрозы и концепции безопасности

И.А.Крылова

ПРИРОДООХРАННАЯ КОМПОНЕНТА В СИСТЕМЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современная система безопасности не адекватна новым вызовам и угрозам XXI века, связанным как с углублением глобальных кризисов (энергетического, сырьевого, экологического, демографического, продовольственного и т. д.), так и с глобализацией, «американская модель» которой порождает острейшие противоречия и быстрое нарастание в мире экономического и социального неравенства. Становится все более очевидно, что новый век должен стать «веком безопасности». Обеспечение безопасности в новом столетии является главной проблемой для каждого народа и всего мирового сообщества. По существу, выработка механизмов обеспечения национальной и коллективной безопасности становится основой самосохранения. Отсюда следует, что необходимы новые подходы к безопасности, новые организационные структуры и механизмы ее обеспечения.

Проблема безопасности предполагает ограничение или снятие опасности. Однако, как показывает история, такого состояния, когда нет опасности, не удавалось достичь ни отдельному человеку, ни различным формам его сообщества. Скорее безопасность следует воспринимать как идеал, к которому должен стремиться человек и образуемые им формы общежития в целях самосохранения. Как правило, безопасность неразрывно связана с опасностью, обретая свое существование лишь как ответ на вызов угрозы. И, напротив, ее отсутствие в нормальных условиях вовсе не осознается как безопасность, а скорее как естественное состояние.

В рамках глобальных проблем безопасность (военно-политическая, экономическая, технологическая, демографическая, экологическая и др.) представляет собой концепцию национального, регионального и глобального уровня, исходящую из того, что принятие политических решений не должно нарушать сложившихся геополитических отношений (военно-политическая безопасность); экономическая политика должна быть направлена на удовлетворение рациональных потребностей человека (экономическая безопасность) на основе современных технико-технологических решений (технологическая безопасность), рост народонаселения не должен превышать параметров (демографическая безопасность), нарушающих природное равновесие, угрожая благополучию индивида и цивилизации в целом (экологическая безопасность).¹

Традиционно, а во многих случаях и до сих пор, в государственной политике и общественном сознании вопросы безопасного развития ассоциируются исключительно с военной угрозой. Между тем в новом столетии значительно возрастает опасность чрезвычайных ситуаций и глобальных катастроф как природного, так и антропогенного характера (ядерных, радиационных, технологических, экологических, продовольственных и других), не связанных непосредственно с международными военными конфликтами, однако способных поставить под вопрос существование самого общества как системно развивающегося целого. «Если в XX веке возможность вымирания человечества связывалась в первую очередь с угрозой глобальной ядерной войны, – подчеркивает эксперт фонда «Наука за продление жизни» А.В.Турчин, – то в начале XXI века мы можем без труда называть более десяти различных источников рисков необратимой глобальной катастрофы... и число это постоянно растет».² По мнению автора, к глобальным рискам вымирания человечества в новом столетии можно отнести: риски, связанные с использованием атомного, химического и биологического оружия; риски, связанные с воздействием на человека; риски, связанные с роботами и нанотехнологиями; технологические способы провоцирования природных катастроф; риски, связанные с принципиально новыми открытиями; антропогенные риски (исчерпание ресурсов, перенаселение, социально-экономический кризис, война, генетическая деградация); риски, связанные с природными катастрофами; глобальное потепление; риски, создаваемые космическими технологиями и др. Причем вероятность глобальной катастрофы весьма велика. «Ник Бостром оценивает вероятность глобальной катастрофы как “не менее 25%”, Мартин Рис – в 30%... По моему... мнению, – пишет А.В.Турчин, – она больше 50%. При этом ее вероятность больше 1% и продолжает расти. Пик этого роста придется на первую половину XXI века. Следовательно, очень многое сейчас зависит от нас».³ По существу, со всей остротой встает вопрос о защите общества от «самого себя». То есть от стратегически непродуманных, ошибочных решений в сфере политики, экономики, науки и т.д., которые прямо или косвенно ведут к возникновению чрезвычайных ситуаций и такого рода катастроф. «История катастроф XX века показывает, что гигантские бедствия и сокрушительные техногенные катастрофы обычно имели предвестников – беды того же типа, развивающиеся по схожему сценарию, но гораздо меньшего масштаба, – пишет доктор физико-математических наук, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики им. М.В.Келдыша (ИПМ РАН) Г.Г.Малинецкий. – И те страны, которые смогли оценить их смысл и значение и принять необходимые меры, избежали многих трагических событий. Государства, проигнорировавшие предвестников, часто несли огромные потери. В МЧС России в свое время был принят принцип “каждая катастрофа должна учить”. И гораздо лучше учиться, осмысливая предвестников, чем переживая глобальную катастрофу».⁴ В связи с нарастанием угрозы планетарной климатической и экологической катастрофы в XXI в. особенно остро стоит проблема коллективной безопасности.

Согласно современным социально-экономическим и климатологическим моделям, в 2030–2050 гг. в результате истощения минерального сырья, загрязнения окружающей среды, глобального потепления и нарастания массы других негативных явлений, усиления различного рода опасностей во всех сферах жизнедеятельности для существования человеческой цивилизации возможна планетарная климатическая и экологическая катастрофа.⁵

Разбалансировка климатической системы, как и нарастание угрозы планетарной экологической катастрофы – научно установленный факт. Научные доказательства глобального изменения климата и его антропогенного происхождения представила Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Она была создана в соответствии с Рамочной конвенцией ООН по изменению климата в 1992 г. и подготовила ряд научно обоснованных докладов.⁶ Климатические изменения являются одной из глобальных экологических проблем, порожденных совместным действием природообусловленных и антропогенных причин. «Климатические изменения вызывают особую озабоченность мирового сообщества в связи с тем, – пишет В.И.Данилов-Данильян, – что для преодоления их последствий понадобятся колоссальные экономические затраты, которые могут оказаться непосильными для цивилизации. В этом случае стартуют социальные и политические процессы, способные дестабилизировать ее, привести в состояние хаоса и в конечном счете к гибели».⁷ Нынешние темпы климатических изменений, на которые оказывают влияние скорости роста численности населения Земли, экономического и научно-технического развития, представляют собой проявления разбалансировки климатической системы, которая выведена из стационарного состояния.

Дело в том, что до конца XIX в. масштабы воздействия человечества на окружающую среду не превышали пределы экологической емкости биосферы. Это не исключало возникновения локальных и региональных экологических кризисов, но не вызывало глобальных катастроф. Конечно, хозяйственная деятельность человека с давних времен приводила к тем или иным отдельным нарушениям локальных экосистем. Однако серьезные последствия для биосферного равновесия в планетарном масштабе наступили лишь в Новое и Новейшее время. По мнению А.Б.Вебера, это произошло под воздействием двух фундаментальных факторов. Во-первых, вследствие значительного ускорения темпов роста населения сначала в Европе в XVIII–XIX вв., а затем в Азии, Африке и Латинской Америке в XX в. (так называемый демографический переход). Во-вторых, в результате промышленной революции XIX в., благодаря которой, в частности, ускорились темпы роста мирового населения и его концентрации в городах. «Переход к эпохе индустриализма и урбанизации сопровождался нарастанием масштабов добычи и использования минерального сырья, ископаемых углеводородов (сначала преимущественно угля, а затем все больше нефти и газа), а также других невозобновимых и возобновимых природных ресурсов, – пишет А.Б.Вебер. – Росту населения производства и потребления сопутствовали соответствующее увеличение массы промышленных и бытовых отходов, в том числе токсичных, загрязнение и деградация окружающей среды в глобальных масштабах».⁸

В результате на рубеже XIX–XX вв. эти воздействия по своим масштабам стали сравнимы, по словам В.И.Вернадского, с геологическими силами, что не могло не повлиять на климатические изменения. Нередко не только в отдельных публикациях, но и в официальных документах происходящие климатические изменения сводят исключительно к потеплению, что представляется ошибочным, поскольку регистрируются и другие явления, типичные для разбалансированной системы: «рост количества и силы стихийных бедствий и погодно-климатических аномалий: засух, наводнений, ураганов; смерчей, резких выбросов температуры как вверх, так и вниз (их количество за последние 20 лет XX в. увеличилось на 40% в сравнении с несколькими предшествующими двадцатилетиями».⁹ Так, с 1975 по 2006 г. число произошедших стихийных бедствий в мире выросло в четыре раза. В 2003–2004 гг. зарегистрировано около 326 климатических катастроф, от которых пострадало 262 млн. человек, что почти в три раза больше, чем во второй половине 1980-х гг. Причем до 98% пострадавших в результате климатических изменений – это население беднейших стран.¹⁰

Специалисты пытаются прогнозировать возможные негативные последствия глобальных климатических изменений для различных стран. Так согласно имеющимся прогнозам, таяние материковых льдов Гренландии и Антарктиды вызовет подъем уровня Мирового океана и затопление низменных прибрежных территорий, особенно многих островных государств. Практически вся прибрежная зона всех континентов, на территории которой расположены крупнейшие города мира и проживает огромное количество населения, окажутся под водой. Обширные территории вечной мерзлоты превратятся в топкие болота, в результате чего всем расположенным на них сооружениям: нефтяным и газовым скважинам, трубопроводам и пр. (в том числе и в России) – грозит разрушение. Значительным территориям угрожает опустынивание, что нанесет огромный ущерб сельскому хозяйству и продовольственной безопасности. Такие же проблемы возникнут в лесном хозяйстве. Все это может привести не только к неконтролируемым потокам миграции населения из районов бедствий, но и к колоссальным экономическим потерям для большинства стран мира.

Угроза эта вполне реальна. 19 июля 2012 г. спутники Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) и Канадская ледовая служба зафиксировали, как от одного из крупнейших ледников на севере Гренландии – Патермана, откололся гигантский айсберг площадью в 120 кв.км (в два раза превышающий размеры Манхэттена). Гигантский ледник в высоту достигает в центре острова до 3,5 км. Площадь заповедника – 972 тыс. кв. км. В летние месяцы ледник тает обычно на 50%. Но в этом году, по мнению специалистов, площадь таяния льда была беспрецедентна – от прибрежных районов до центра, где толщина льда достигает трех км., что позволяет говорить об экстраординарной ситуации. Ничего подобного не происходило на протяжении 30 лет, в течение которых ведутся спутниковые наблюдения за островом. Изменение ледяного покрова было отмечено даже на научно-исследовательской станции «Саммит» – высочайшей точке Гренландии, которая является самым холодным ее местом.

Согласно архивным данным, последний раз лед там таял в 1889 г. Площадь таяния общей ледяной массы острова подскочила с 40% до 97% всего за четыре дня, начиная с 8 июля 2012 г.¹¹ Ученые считают, что «попадание огромной массы льда в открытую воду не приведет к немедленному повышению уровня моря. Этот лед является частью шельфа всего ледника, который уже находится в воде, хотя и прилегает к земле. При этом айсберг-гиганты представляют большую опасность для судов, нефтяных вышек и плавучих станций».¹²

Впервые раскол в леднике был обнаружен еще в 2001 г. В 2010 г. от этого же ледника откололся еще больший по размеру айсберг площадью в 260 кв.км, который также был обнаружен спутником NASA примерно в тысяче км от Северного полюса. Ученые пока не могут понять, что происходит. «Есть версия о том, что это одна из стадий глобального потепления и один из показателей того, что этот процесс идет быстрее, чем, допустим, предыдущие пять-семь лет, – считает заместитель декана исторического факультета МГУ Алексей Власов. – Но и есть ученые, которые считают, что есть определенная цикличность в этом процессе и не происходит ничего, выходящее за рамки обычного состояния природной среды в этом регионе».¹³ Отделение айсбергов от ледников является естественным процессом. Однако большинство экспертов приходят к заключению, что после таяния ледника Петермана сдвинутся пласты, просевшие под тяжестью льда. Между Североамериканской и Евразийскими плитами образуется огромный разлом, куда хлынут тонны воды, которые достигнут верхней части мантии Земли и вызовут все разрушающие на своем пути цунами. Это будет похоже на гигантскую раскаленную сковородку, на которую брызнули холодной водой. По мнению кандидата географических наук, академика Николая Жаврина, «сверхцунами, которые уйдут на тысячи километров, затронут всю Россию, от края до края. Но, конечно, не в такой степени как, допустим Великобританию, которая будет смыта и уничтожена вдребезги, также как и большая часть Северной Америки».¹⁴ Ясно одно, что катастрофа неизбежна. Другое дело, что трудно предсказать, когда это произойдет – через два года или двадцать лет. Но в связи с учащением подобных случаев и огромными размерами откалывающегося льда растет убеждение, что «это может быть вызвано глобальным потеплением».¹⁵

Не меньшее беспокойство вызывает и ускоренное таяние льдов в Антарктиде. Британским исследователям с помощью специального радара удалось обнаружить в западной части Антарктиды огромную рифтовую долину, скрытую под толщей льда, о существовании которой до настоящего времени ничего не было известно. Это в значительной степени объясняется ее удаленностью от обычных маршрутов антарктических экспедиций. По данным BBC Британии, она располагается под одним из движущихся ледников на глубине около 1,6 км, а ее размер сопоставим по площади с Калифорнийским Гранд-Каньоном. По мнению специалистов, полутораклометровый разлом в ледяном покрове Антарктиды может быть взаимосвязан с интенсивным таянием льдов в регионе. В сравнении с другими районами ледяного континента лед здесь тает гораздо быстрее в среднем на метр в год. Это, в

свою очередь, повышает уровень воды в мировом океане, что представляет глобальную опасность. Британские ученые полагают, что найденная долина является не единственной в Антарктиде и в самое ближайшее время могут быть обнаружены и другие. Если эта теория верна, то вывод напрашивается сам собой – льды в регионе тают гораздо интенсивнее, чем принято считать и это может быть связано с потеплением климата.

Нарастание угрозы климатической и экологической катастрофы воспринимается как вполне реальная и серьезная проблема, волнующая все большее количество людей во всех странах мира. Некоторые аналитики, в частности, американский социолог П.Рей, на основе многолетних исследований, установил появление в США нового культурного типа, который был обозначен как «новатор в культуре» (Cultural Creatives), к которому принадлежат «...люди, в большей мере озабоченные социальными, экологическими и гуманитарными проблемами...».¹⁶ Речь идет фактически о представителях той части американской общественности, которая еще в 1960-е гг. принимала активное участие в так называемых «движениях совести» -- антивоенных, студенческих, женских, в защиту окружающей среды, за гражданские права, за социальную справедливость, право на труд и др. В современных условиях носители этой новой ценностной парадигмы становятся не только серьезной политической, но и экономической силой, оказывают значительное воздействие на поведение рынка, побуждая многих производителей отказываться от «грязных» технологий, переходить на производство экологически «чистых» продуктов, соблюдать нормы экологической безопасности соответственно законодательству. «Хотя бизнес-сообщество в основной своей массе не является большим энтузиастом экологических ограничений, многие его представители разделяют озабоченность по поводу ухудшения состояния окружающей среды и глобального изменения климата».¹⁷

Если говорить о России, то приходится констатировать, что с начала 1990-х гг. экологические движения стали «сворачиваться», что привело в дальнейшем, по словам О.Н.Яницкого, к «деэкологизации менталитета».¹⁸ Более того, представители власти, крупного бизнеса и средств массовой информации начали обвинять экологов в экстремизме, называя их главным тормозом для экономического роста. Как справедливо пишет А.Б.Вебер, научному сообществу стали приписывать «создание “хорошо оплаченных” заказных “страшилок” (прямо называя таковыми изменение климата, истощение озонового слоя, инфекционные пандемии), намеренное развязывание “апокалиптической истерии”. Говорят об “экофобии” как болезни, присущей российской интеллигенции, об “экологическом рэжете”, даже об “экологическом терроризме”. Намекают на “огромные бабки”, будто бы получаемые защитниками окружающей среды. За этими инвективами явно или неявно стоит “меркантильный” мотив: “нам” экологические ограничения “невыгодны”, это “дорогое удовольствие” и т.п. Особенно показательное обострение антиэкологического синдрома в связи с феноменом глобального потепления».¹⁹

Однако климатические изменения уже происходят. Поэтому задача заключается в том, чтобы сократить отрицательное воздействие цивилизации

на биосферу для уменьшения по возможности масштаба климатических изменений. «Мировое сообщество, однако, не готово к этому. Все социальные, экономические и демографические процессы, обуславливающие антропогенные факторы климатических изменений, весьма инерционны, так что при любых реалистичных сценариях развития цивилизации еще несколько десятилетий будут продолжаться не только негативные воздействия на климатическую систему, но и накопление их потенциала».²⁰ А это лишь приближает наступление глобальной климатической и экологической катастрофы на планете. «Мы находимся в совершенно новых условиях, отмеченных беспрецедентной ответственностью, и что по незнанию, по неосторожности или по неопределенности, если не по глупости, мы можем вызвать наступление катастрофического будущего... – писал А.Печчеи. Проектирование будущего – самый важный и самый трудный из человеческих замыслов... он может быть только творческим актом. И будущее или станет великим культурным возрождением, или не настанет вовсе».²¹ В XXI в. это предостережение становится особенно актуальным в связи с тем, что катастрофа надвигается гораздо быстрее, чем наше сознание осознает глобальные изменения.

Очевидно, что в XX в. после столкновения с природными ограничениями, фактически закончился период стихийного развития цивилизации. Отныне все, что не согласуется с требованиями законов устойчивости биосферы, неизбежно ведет к усилению глобальных угроз и повышению риска планетарной климатической и экологической катастрофы. Поэтому глобальные цивилизационные процессы: политический, социальный, экономический, технологический, демографический, культурный и др. – должны быть согласованы с требованиями этих законов в пределах коридора хозяйственной емкости биосферы, а в локальном и региональном случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем, а в тех направлениях, которые не соответствуют им – кардинально изменены. «Человечеству и науке брошен вызов, сравнимого с которым еще не было – считает Г.Г.Малинецкий. – Состояние ресурсов, биосферы, общества заставляет нас в очень короткий срок – 15-20 лет – обновить или радикально изменить весь набор жизнеобеспечивающих технологий (энергетика, производство продовольствия, транспорт, управление обществом и многое другое)».²² К сожалению, человечество ограничено во времени. Поскольку уже сейчас допустимый уровень воздействия на биосферу превышен, по оценкам специалистов, примерно десятикратно, общей целью для мирового сообщества должно стать сохранение ее стабильности.

Дело в том, что в качественно измененной среде обитания человек как биологический вид существовать не может. Ученые давно уже предупреждали о том, что умирание биосферы может привести к исчезновению человечества. «Причем оно исчезнет гораздо раньше полной деструкции биосферы, – писал Н.Ф.Реймерс. – Человек как биологическое существо генетически приспособлен к определенным условиям жизни, тем, что были в период его первоначальной эволюции».²³ То есть результатом подрыва ресурсной базы и качества окружающей среды может стать полное исключение *Homo sapiens* из списка

видов, населяющих Землю. «Угроза возможной гибели популяции в целом в результате изменения качества среды обитания мирным путем делает бессмысленными военные действия за передел территорий и ресурсов, – подчеркивает доктор биологических наук, заведующий лабораторией функциональной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН А.С.Керженцев. – Изменения химического состава воздуха, воды и пищи вкупе с ростом дефицита ресурсов жизнеобеспечения становятся несовместимыми с жизнью каждого жителя Земли, независимо от возраста, национальности, общественного статуса, размера капитала и т. д. Человек не может снять экологическую проблему с повестки дня. Под давлением экологического кризиса люди должны отказаться от пагубной идеи милитаризации, нацеленной на уничтожение и пожирающей гигантский интеллектуальный и материальный потенциал. Ведь эти средства можно переключить на решение экологических проблем, связанных с выживанием на планете Земля».²⁴

Известно, что обсуждение экологических проблем на международном уровне началось на конференции по окружающей среде, проходившей под эгидой ЮНЕСКО, в Париже в 1968 г. В 1972 г. на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде была принята рекомендация о создании комплексной программы по исследованию глобальных проблем и поиску выхода из кризиса современной цивилизации. Именно в этот период крупнейшими представителями интеллектуального мира на Западе были использованы возможности системного анализа, математических методов и вычислительной техники для моделирования и прогнозирования различных сценариев намечающихся кризисов в развитии человечества в глобальном масштабе. Несмотря на различия в подходах, большинство ученых указывало на неизбежное и неразрешимое в своей основе противоречие между ростом материального производства и численности населения и принципиально ограниченными природными ресурсами планеты. В связи с этим наибольшую известность в мире получили доклады Римскому клубу (президентом был А.Печчеи), в которых было показано, что при сохранении существующей ориентации развития промышленно развитых стран весь мир неминуемо ждет глобальная экологическая катастрофа.

Речь шла фактически о пределах роста – одном из основных понятий глобалистики. Представление о пределах роста приобрело особую актуальность в начале 1970-х гг. в рамках компьютерного моделирования и впервые нашло отражение в работе Дж.Форрестера «Мировая динамика» (1971 г.). Далее в первом докладе «Пределы роста» (1972 г.) Римскому клубу группа ученых во главе с Д.Медоузом²⁵ пришла к заключению, что при сохранении существовавших в то время тенденций роста народонаселения, промышленности и сельскохозяйственного производства, истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды достигнут критических пределов, угрожающих глобальным экологическим кризисом в начале XXI в. Предотвращение его представлялось возможным лишь в случае принятия соответствующих мер по достижению «глобального равновесия в мире». В 1992 г. Д.Медоуз во втором издании книги под названием «За пределами роста» сделал вывод, что современная цивилизация уже находится за

физическими пределами, налагаемыми на мировое производство и потребление конечностью земных ресурсов, и возможно, не имеет достаточного времени для предотвращения надвигающейся угрозы экологической катастрофы.²⁶ Через 12 лет в третьем издании книги новые научные данные подтвердили, что по многим параметрам допустимые пределы давно уже превышены.²⁷ Фактически построение первых компьютерных моделей мира, математических расчетов пределов роста (несмотря на многие недостатки первого доклада), способствовало развенчанию широко распространенного мифа о беспредельном экономическом росте как средстве решения всех проблем. Наряду с этим внимание широкой общественности было привлечено к кризисным процессам, связанным с пределами роста, что послужило толчком к переосмыслению сложившихся ранее представлений о прогрессе общества и человечества.

Исходя из этого, на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. было указано, что модель развития, которую использует десяток западных стран, а также идея «американского мира», направленная на безудержный рост и максимальное потребление ресурсов планеты, полностью исчерпала себя. При этом подчеркивалось, что если в мире утвердится модель развития «потребительского общества», а значит, образ жизни и метод мышления господствующей ныне евроамериканской цивилизации (что представляет дурную перспективу для всего человечества), то это лишь ускорит наступление глобальной климатической и экологической катастрофы на планете. Несмотря на очевидную необходимость кардинального изменения ценностных ориентаций, стиля потребления и жизни развитых стран, «неустойчивая» «ресурсопотребительская» евроамериканская модель развития стремительно распространяется сегодня в мире, в том числе и в России, что может только приблизить наступление катастрофического будущего.

Нарастание угрозы планетарной климатической и экологической катастрофы в условиях глобализации, интенсивного мирового развития, экономического роста незападных стран фактически меняет перспективы формирования нового мирового порядка. «На сегодняшней фазе своей эволюции произошло усложнение проблемы в связи с активной потребностью в ресурсах новых стран индустриального развития в Азии, Латинской Америке и посткоммунистическом мире. Это поднимает проблему убывания ресурсов до уровня угрозы человечеству. Речь идет уже не только об убывании ресурсов и конкуренции в сфере обеспечения ресурсами, которые усилились активной устремленностью не только западных, но и незападных стран к экономическому процветанию. Некоторые исследователи... говорят о начале новой эры – “эры энергии и климата”».²⁸ В связи с этим многими учеными рассматривается как чрезвычайно опасный для мира в целом опыт новых незападных стран, стремящихся к быстрому экономическому росту, что угрожает стремительным истощением невозобновимых природных ресурсов и нарастанием остроты экологических и климатических проблем. По оценкам экологов, если весь мир сегодня «начал бы жить по стандартам Калифорнии, то всех разведанных запасов полезных ископаемых хватит по одним видам на 2,5 года, по другим – на 4. Человечество живет не по средствам – за год оно потребляет такое

количество углеводородов, на создание которого у природы уходило более 2 млн. лет. Несколько лет назад был пройден важный рубеж – более трети нефти начало добываться на шельфе и с океанических глубин. Бразильские и американские кампании начали бурить в море на глубине 2,5 км. То, до чего легко было дотянуться, уже освоено или исчерпано».²⁹ Однако в силу ограниченности природных ресурсов весь мир не может жить по западным образцам и стандартам потребления.

По существу, речь идет о необходимости значительных изменений в ценностных ориентациях, сфере потребления, стиле жизни не только западных, но и незападных стран, без которых вряд ли будет достигнута мировая стабильность, в том числе между богатыми странами и людьми. «В конечном итоге гонка за богатством в форме экономического роста привела, как это ни парадоксально, к победе в глобальном масштабе бедности над богатством. Происходит усиление контраста между бедными и богатыми странами».³⁰ А это в условиях глобализации ведет к нестабильности и «взрывоопасности» в современном мире, что может стать источником глобальных социальных потрясений. Об этом, в частности, свидетельствуют события 15 октября 2011 г., социальный взрыв населения в США и большинстве стран Евросоюза, выражающего недовольство своим экономическим положением, призыв ко всем трудящимся планеты объединиться против засилья финансовых олигархов и «сильных мира сего» ради социальной справедливости. «Неудовлетворенность неолиберальной моделью глобализации кристаллизовалась в транснациональное движение протеста, получившее название антиглобалистского, или альтерглобалистского, как сегодня себя именуют участники движения, объединившего самые разнообразные организации и движения – экологические, феминистские, студенческие, профсоюзные, движения борцов за мир и широкий спектр политических движений – от крайне левых до крайне правых».³¹ И с углублением глобального финансового и экономического кризиса протестные движения в мире только нарастают.

Закономерно возникает вопрос: что представляет собой разразившийся финансовый и экономический кризис – внутренний кризис рыночной системы или свидетельство деградации рыночной системы как таковой? Конец экономики роста или смену парадигмы развития? Для одних специалистов разразившийся мировой кризис свидетельствует о необходимости смены самой парадигмы экономического развития.³² Другие – главным аргументом в пользу признания необходимости кардинальной трансформации сложившейся экономической модели считают экологический.³³

В связи с этим весьма показательным является возникновение нового сектора мировой экономики, основанного на применении в производстве и, прежде всего, в сфере энергетики экологически чистых технологий, а также на мониторинге и прогнозировании возможных последствий той или иной экономической и хозяйственной деятельности для человека и окружающей среды. Речь идет фактически о «зеленой» экономике, общепринятого определения которой пока не существует. Согласно экспертам ЮНЕП ООН в широком смысле под «зеленой» экономикой понимается хозяйственная деятельность, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает

социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и обеднение природы».³⁴ Это определение, по существу, совпадает с концепцией устойчивого развития.

В узком смысле «зеленую» экономику понимают как «разработку, производство и эксплуатацию технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, мониторинга и прогнозирования климатических изменений, а также технологий энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики. Сюда же включается разработка, выпуск и использование технологий и материалов для защиты зданий и сооружений от резких колебаний температуры, влажности и ветровой нагрузки; производство экологически чистой продукции, в том числе сельскохозяйственной (продукты питания, естественные волокна) и потребительских товаров (например, лекарства и предметы личной гигиены на естественной, природной основе без химических добавок). Иными словами, к «зеленой» экономике относят те виды и результаты хозяйственной деятельности, которые, наряду с модернизацией и повышением эффективности производства, способствуют улучшению качества жизни и среды проживания. При этом практически во всех концепциях «зеленой» экономики ее фундаментом выступает альтернативная, или экологически чистая, энергетика, основанная на использовании неуглеводородного топлива и энергоэффективных технологий».³⁵ Если говорить о масштабах «зеленого» сектора экономики в мире, то они еще достаточно небольшие. Так, общая стоимость производимой продукции и услуг оценивается в 2 трлн. долл. или 2,7% мирового ВВП, прибыль – в 530 млрд. долл., занятость – около 10 млн. человек. Но уже в ближайшем будущем в условиях жестких экологических ограничений при переходе к новому технологическому укладу «зеленая» экономика будет играть все большую роль.

По мнению член-корреспондента РАН, руководителя лаборатории анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Б.Н.Порфирьева этому будут способствовать три важных фактора. «Два из них тесно связаны друг с другом, – пишет автор, – фактор экологической чистоты и экологической безопасности и фактор снижения рисков климатических изменений».³⁶ В сфере потребления это, прежде всего, экологически чистые продукты питания; в сфере производства благ – сокращение выбросов в окружающую среду загрязняющих веществ и парниковых газов, а в сфере национальной безопасности – снижение рисков крупномасштабных аварий, подобных радиационным катастрофам в Чернобыле (СССР, 1986 г.) и в Фукусиме (Япония, 2011 г.) или промышленно-экологической катастрофе в Мексиканском заливе (США, 2010 г.). Третьим фактором является высокая наукоемкость разработок и высокий уровень технологичности «зеленых» производств, обеспечивающих «ускоренный переход к новому (шестому) технологическому укладу, который будет определять лицо мирового хозяйства и конкурентоспособность национальных экономик, вероятно, уже в середине нынешнего века».³⁷ К 2050 г. прогнозируется трансформация мирового хозяйства в «зеленую» -- низкоуглеродную, ресурсоэффективную экономику. Предполагается, что

ежегодное инвестирование в нее в течение 2012–2050 гг. может составить около 1,3 трлн. долл. Другое дело, что существуют объективные факторы, которые существенно ограничивают масштабы и эффективность прогнозируемых глобальных трансформаций мирового экономического развития.³⁸

В конечном счете, речь идет о необходимости формирования нового типа общества, основанного не только на коренном изменении отношений человека с человеком, но и с природой. Это требует принципиально новых представлений о том, что считать критерием развития в новом столетии. «В настоящее время наша цивилизация совершает поворот, равного которому не было в истории... На смену техногенной индустриальной цивилизации должен прийти новый жизненный уклад. В течение нескольких ближайших десятилетий должны измениться алгоритмы развития нашей цивилизации в широком смысле – в сфере производства и управления, науки и культуры. И главное – должно измениться само понятие прогресса, представление о целях, структуре общества, жизнеобеспечивающих технологиях. Это – один из самых серьезных вызовов, с которыми столкнулось человечество».³⁹ Очевидно, что этим критерием не могут быть ни наука, ни техника, ни экономический рост сами по себе. Необходимо общество, в котором материальное производство более не будет являться самоцелью ни в интересах одного, нескольких или всех людей. Таким обществом должно стать общество, основанное на экологических принципах. Речь идет об обеспечении тех требований к деятельности людей, которые налагаются экологическим императивом (о чем писал академик Н.Н.Моисеев), что возможно лишь при становлении экологической культуры и экологически воспитанного и образованного человека.

Основным средством построения такого общества должен стать механизм самоограничения. Чтобы выжить в условиях нарастания угрозы климатической и экологической катастрофы необходим переход от потребительской цивилизации к новому типу цивилизации, базирующейся на сознательном самоограничении потребностей в рамках жестких экологических ограничений ради выживания в новом столетии. «Удовлетворение материальных потребностей людей достигло практически насыщения в рамках разумного, и исчерпало себя как один из главных стимуляторов прогрессивных изменений... Такое направление движения цивилизации губительно для человеческого общества, вступающего в эпоху риска экологических потрясений».⁴⁰ У мирового сообщества нет иного выбора, как ответить на глобальный экологический вызов. «Но есть немало скептиков, которые подвергают сомнению способность человечества подчинить свое существование экологическим ограничениям, – справедливо пишет А.Б.Вебер. – Ссылаются на опыт прошлого, на исторические примеры истребления человеком флоры и фауны, на разрушение локальных экосистем, действительно погубившее некоторые цветущие когда-то цивилизации... Но примеры из прошлого – недостаточный аргумент для суждений о настоящем и будущем. Прошлое изменить нельзя, но будущее открыто. История не линейна, и альтернатива возможна...».⁴¹ Она возможна в условиях нарастания угрозы климатической и экологической катастрофы при условии отказа от признания экономического роста в качестве главного и

единственного показателя развития цивилизации. Речь идет по существу о новом проекте в связи с ростом проблем ресурсов, нехватки энергии и изменения климата, вызванных нынешним подключением к высокому экономическому росту западных стран: «Решение социальных проблем, сохранность природы, здоровье населения, воспитание детей, состояние молодежи, образование, благосостояние: могли бы стать в этом проекте факторами, не уступающими экономическому росту». ⁴² Во многом это будет зависеть от политической воли и коллективной деятельности мирового сообщества. Однако в современном разделенном мире «политика слишком завязана на национальных интересах, геополитических схемах, военной безопасности, – пишет А.Б.Вебер – и слишком мало занимается преодолением массовой бедности, глобального неравенства и другими глобальными проблемами. Национальный и групповой эгоизм мешает сосредоточиться на главном вызове цивилизации – экологическом». ⁴³

Наращение угрозы климатической и экологической катастрофы ставит все государства и народы мира перед необходимостью принятия срочных мер по обеспечению коллективной безопасности, одним из элементов которой должен стать мониторинг глобальных рисков. «Анализ рисков глобальных катастроф дает новую точку зрения на историю, – считает А.В.Турчин. – Теперь следует оценивать режимы и политических деятелей не с точки зрения того, что хорошего они сделали для своей страны, а с той точки зрения, с которой видно, насколько эффективно они предотвращали глобальную катастрофу. С точки зрения будущих жителей XXI века будет важно не то, как хорошо или плохо мы жили, а насколько мы постарались, чтобы вообще дожить до будущего». ⁴⁴

Примечательно, что 3 декабря 2001 г. Президент РФ В.В.Путин на встрече с руководством Российской академии наук (РАН) поставил перед научным сообществом новую задачу, связанную с независимой экспертизой принимаемых государственных решений, прогнозом и отработкой мер по предупреждению бедствий и катастроф. В 2002 г. Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН (ИПМ) и десять других академических институтов выдвинули идею создания Национальной системы научного мониторинга кризисов, опасных явлений и процессов в природной, техногенной и социальной сферах. По поручению Президента РФ и заданию Совета безопасности в РАН была разработана соответствующая межведомственная комплексная программа. «В ее основе лежал системный, междисциплинарный подход к управлению рисками... Этот проект, связанный с комплексным мониторингом состояния страны, с активным использованием современных алгоритмов прогноза, созданием соответствующих структур (виртуальных институтов, мозговых центров, центров экспертизы) и включением их результатов в контур государственного управления, получил поддержку Президиума РАН, был согласован с МЧС РФ и рядом других заинтересованных ведомств». ⁴⁵ К сожалению, предложенный проект был остановлен на уровне Правительства РФ. После известных событий, связанных с «челябинским метеоритом» стала очевидна необходимость создания глобальной системы мониторинга рисков, способных привести к катастрофам планетарного масштаба.

Из мировой статистики известно, что каждый рубль, вложенный в прогноз и предупреждение бедствий и катастроф, позволяет сэкономить от 10 до 100 рублей, которые пришлось бы вкладывать в ликвидацию негативных последствий произошедших бедствий. Своевременный анализ и предупреждение о глобальных рисках способны парировать или значительно отодвинуть опасности планетарного масштаба. Поэтому обеспечение коллективной безопасности требует усилий всех стран для создания глобальной системы мониторинга рисков и выработки мер по предупреждению угрозы общепланетарной катастрофы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие. М., 1977. с.189–190.

² Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке / Отв.ред. И.В.Следзевский, Валерия Прайд; предисл. Г.Г.Малинецкого, Н.Бострома. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. с. 23.

³ Турчин А.В. Ук. соч. с. 354.

⁴ Малинецкий Г.Г. Размышляя о немыслимом // Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. с.19–20.

⁵ Привалов Н.Г. О возможной катастрофе 2030–2050 гг. // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2009. №1. с. 63–69.

⁶ Climat Change 2007. Fourth Assesment Report. Summary for Policymakers / Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), 2007. <<http://www.ipcc.ch>>.

⁷ Данилов-Данильян В.И. Климатические изменения // Глобалистика.Энциклопедия. – М: ЦНПП «Диалог», ОАО изд-во «Радуга». 2003. с. 446.

⁸ Вебер А.Б. Человечество перед глобальным экологическим вызовом // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2011. № 1. с. 111.

⁹ Данилов-Данильян В.И. Ук. соч. с. 448.

¹⁰ Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире. – М.: Весь мир, 2007. с. 75.

¹¹ <http://republic.com.ua/article/25899-NASA-grenlansciy-led-taet-s-nebyvaloy-scorostyu-VIDEO>

¹² <<http://www.newsland.ru/news/detail/id1999486>>.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ <http://www.golos_ameriki.ru/content/greenland-ice/441178.html>.

-
- ¹⁶ Доклад о развитии человека 2007/2008. с. 114–115.
- ¹⁷ Вебер А.Б. Ук. соч. с. 115.
- ¹⁸ Яницкий О.Н. Россия: Экологический вызов (общественное движение, наука, политика). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. с. 19.
- ¹⁹ Вебер А.Б. Ук. соч. с. 117–118.
- ²⁰ Данилов-Данильян В.И. Ук. соч. с. 448.
- ²¹ Печчеи А. Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. – М.: Прогресс, 1984. с. 32.
- ²² Малинецкий Г.Г. Ук. соч. с. 8.
- ²³ Реймерс Н.Ф. Надежды на выживании человечества. Концептуальная экология. – М.: Россия молодая, 1992. с. 221.
- ²⁴ Керженцев А.С. Новое перспективное научное направление // Вестник РАН. 2012. Т.12. №5. с. 439.
- ²⁵ Медоуз Д. (и др.). Пределы роста. – М., 1991.
- ²⁶ Медоуз Д. За пределами роста // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1992–1994. – М., 1996.
- ²⁷ Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. Limits to Growth: The 30-Year Update. – Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004.
- ²⁸ Уткин А.И., Федотова В.Г., Федотов Л.Н. Экологополитический и экологосоциологический дискурсы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. с. 64.
- ²⁹ Малинецкий Г.Г. Ук. соч. с. 6.
- ³⁰ Привалов Н.Г. Ук. соч. с. 66.
- ³¹ Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире. – М.: ИНИОН РАН, 2006. с. 5.
- ³² Извлекаем уроки из кризиса // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 7. с. 601.
- ³³ См.: Порфирьев Б.Н. Экономика климатических изменений. – М.: Анкил, 2008.
- ³⁴ Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. Резюме. – Найроби: ЮНЕП, 2011. с. 50.
- ³⁵ Порфирьев Б.Н. «Зеленая» экономика: общемировые тенденции развития и перспективы // Вестник РАН. 2012. № 4. с. 323-324.
- ³⁶ Порфирьев Б.Н. Ук. соч. с. 327.
- ³⁷ Там же.

³⁸ Там же. с. 328-331.

³⁹ Малинецкий Г.Г. Ук. соч. с. 8.

⁴⁰ Безопасность. 1994. № 4. с. 86.

⁴¹ Вебер А.Б. Человечество перед глобальным экологическим вызовом. С.110-111.

⁴² Уткин А.И., Федотова В.Г., Федотов Л.Н. Экологополитический и экологосоциологический дискурсы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. с. 69.

⁴³ Вебер А.Б. Ук. соч. с.120–121.

⁴⁴ Турчин А.В. Ук. соч. с. 354.

⁴⁵ Малинецкий Г.Г. Будущее: вызовы и проекты. Междисциплинарный контекст // Будущее России. Вызовы и проекты. История. Демография. Наука. Оборона / Под ред. Г.Г.Малинецкого. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. с. 19.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЙ АНТАГОНИЗМ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОСТРАНСТВ И РЕСУРСОВ МИРОВОГО ОКЕАНА

I. КНР и Конвенции ООН по морскому праву

Факты последних лет достаточно убедительно демонстрируют нарастание американо-китайских трений в мировом океане. Китайская Народная Республика (КНР) по-своему трактует некоторые положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – UNCLOS). Так, в Законе о территориальном море и прилежащей зоне (февраль 1992 г.) Пекин прописал необходимость получения со стороны военных кораблей других государств предварительного разрешения на проход через его территориальное море. В 1996 г. при присоединении к UNCLOS было также заявлено, что положения Конвенции, касающиеся права мирного прохода через территориальные воды прибрежного государства, не затрагивают права прибрежного государства требовать получения предварительного разрешения/уведомления на проход военных кораблей. Эти ограничения были подтверждены в новой редакции Закона о территориальном море и прилежащей зоне (январь 1998 г.), наряду с предписанием получения предварительного разрешения для всех судов с ядерной силовой установкой, перевозящих ядерные и другие опасные вещества.

В соответствии с UNCLOS прибрежные государства имеют возможность распространять свой суверенитет на территориальные воды, которые могут простираться на 12 морских миль от исходных линий. Однако, несмотря на то, что суверенитет государства в территориальном море распространяется как на воды, дно и его недра, так и на воздушное пространство, корабли и суда других стран обладают правом мирного прохода по этим водам, если «не нарушается мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства» (ст. 19 UNCLOS).¹

Между тем США настаивают на том, что прибрежные страны имеют право ограничивать мирный проход через свои территориальные воды только в том случае, если этот проход подпадает под определение «немирного». В этой связи все суда, в т. ч. военные корабли, могут пользоваться правом мирного прохода вне зависимости от характера груза, вооружения, вида двигателя, флага, пунктов отправления и назначения. Признание прохода как «немирного» должно, по американской версии, основываться исключительно на оценке деятельности того или иного судна, а не на характере перевозимого им груза, виде двигателя и т. д. С точки зрения США, прибрежные государства не имеют прав требовать уведомления или получения специального разрешения на мирный проход со стороны любых судов, в т. ч. и военных кораблей.² США категорически не согласны с ограничениями на проход военных кораблей и других судов через территориальное море и прилежащую зону, введенными КНР, и опротестовали их в 1992 и 1996 гг. путем подачи соответствующих дипломатических

протестов, а в 1986, 1991, 1992, 1996 и 1997 гг. путем оперативных действий своих ВМС.³

Еще в 1958 г. КНР в специальной Декларации о территориальном море установила прямые исходные линии без указания их точных координат и географических точек. При этом залив Бохай и пролив Хайнань (соединяет залив Бакбо с Южно-Китайским морем) были объявлены внутренними китайскими водами. В 1992 г. в Законе о территориальном море и прилежащей зоне установление прямых исходных линий было подтверждено повторно.⁴ Затем в мае 1996 г. были обозначены прямые исходные линии практически вдоль всего китайского побережья, а также вокруг спорных Парасельских островов. США не признают прямые исходные линии, обозначенные КНР, считая, что они проведены с нарушением положений UNCLOS и значительно расширяют юрисдикцию Китая на море. В 1996 г. американская позиция была отражена в соответствующей дипломатической ноте протеста.

Китай настаивает на своем исключительном праве осуществлять дополнительные меры безопасности в 24-мильной прилежащей зоне, помимо разрешенного UNCLOS контроля над соблюдением таможенных, фискальных, иммиграционных и санитарных норм. Кроме того, все острова, расположенные в этой 24-мильной зоне, объявлены находящимися под полным суверенитетом китайского государства. США в 1992 г. выразили протест по этому вопросу.

Помимо территориального моря и прилежащей зоны Китай всячески старается ограничить военную деятельность иностранных государств в своей 200-мильной исключительной экономической зоне (ИЭЗ). Так, КНР не признала воздушное пространство над своей ИЭЗ «международным воздушным пространством» и резко выступает против разведывательных полетов иностранной (прежде всего, американской) авиации над своей ИЭЗ. В Законе об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе (1998 г.) было прописано право Китая на установление особой зоны безопасности вокруг любого объекта в ИЭЗ.

США, со своей стороны, не согласились с такими ограничениями своей деятельности в ИЭЗ КНР, подчеркнув, что ИЭЗ не принадлежит прибрежному государству, в этой зоне оно имеет лишь суверенные права и определенную юрисдикцию (ст. 56 UNCLOS). При этом сделан акцент на том, что в ИЭЗ все государства располагают правом свободы судоходства и полетов, а также правом на любое другое законное использование морских пространств, вытекающее из этих свобод, в том числе на военную деятельность (постановка на якорь, взлет и посадка летательных аппаратов, сбор разведывательной информации, ведение наблюдения, проведение рекогносцировки и военных исследований). Кроме того, с позиции США, формулировка статьи 58 UNCLOS о том, что «государства при осуществлении своих прав... в исключительной экономической зоне должным образом учитывают права и обязанности прибрежного государства и соблюдают законы и правила, принятые прибрежным государством», никак не наделяет прибрежные государства дополнительными полномочиями, которые могли бы ограничивать военную деятельность США в ИЭЗ других стран.

Наконец, в «Правилах по регулированию морских научных исследований, осуществляемых иностранными судами» (октябрь 1996 г.) китайское руководство установило систему наблюдения и одобрения морских научных исследований, которая включает в себя инспектирование иностранных судов. В Законе о морских научных исследованиях и картографировании (июнь 2002 г.) было прописано уголовное преследование за осуществление морских научных исследований другими государствами в зонах, находящихся под суверенитетом КНР. Кроме того, Китай отказался проводить различие между просто морскими исследованиями и военно-морскими исследованиями и, соответственно, выступил против проведения американских военно-изыскательных работ в своей ИЭЗ.

С точки зрения США в рамки научных исследований не попадает любая военная деятельность, включая военные исследования, т. е. сбор океанографической, геофизической, химической, биологической и акустической информации в военных целях. Кроме того, Вашингтон против отнесения к научным исследованиям гидрографической съемки; поиска и разведки природных ресурсов; поиска затонувших объектов и подводной археологии; метеорологических исследований.⁵ Соответственно, под морскими научными исследованиями США готовы понимать исключительно деятельность, осуществляемую в морских пространствах для расширения знаний о морской среде в мирных целях, т.е. океанографические, биологические, геологические, геофизические и другие исследования. Учитывая, что определение морских научных исследований в UNCLOS достаточно расплывчаты, а некоторые прибрежные страны выступают в том числе против проведения дистанционных (морские погружные буи и т. д.) научных исследований в своих ИЭЗ, США тем самым обозначают свое намерение не соглашаться с такими «претензиями».⁶

На сегодняшний день споры между Вашингтоном и Пекином по поводу применения положений UNCLOS пока носят политико-дипломатический и теоретический характер. Но в случае эскалации двухсторонней военно-политической напряженности нельзя исключить использование обеими сторонами тех или иных форм силовых методов.

II. Позиции сторон в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях

Одним из источников напряженности в американо-китайских отношениях служит наличие неразрешенных конфликтов между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) относительно правового статуса целого ряда островов, коралловых рифов, скал и атоллов. КНР и Япония оспаривают друг у друга право владения группой о-вов Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-китайском море. Эти о-ва были захвачены Японией в конце XIX в., а после окончания Второй мировой войны оказались под юрисдикцией США. В 1972 г. вместе с Окинавой они были возвращены Японии. Начиная с 1970-х гг. КНР выдвигает исторические правооснования на владение этими островами, соглашаясь с тем, что в случае урегулирования спора, они могут перейти под управление Тайваня. Запросная позиция Китая строится на несогласии с японским предложением о разграничении налагающихся друг на друга 200-мильных ИЭЗ и континенталь-

ного шельфа в этом морском районе (общая протяженность акватории составляет менее 360 морских миль) по срединной линии, т. е. на равном удалении от берегов друг друга. Более того, Пекин считает нелегитимным отсчет японской ИЭЗ от Окинавы, претендуя на значительно большую протяженность своих ИЭЗ и континентального шельфа.⁷ С точки зрения Пекина, т. н. Окинавская дуга, являясь естественной границей между шельфом КНР и Японии, доказывает китайскую принадлежность о-вов Сэнкаку и позволяет Китаю именно от них отсчитывать границу своей ИЭЗ и континентального шельфа.

Архипелаг состоит из восьми необитаемых островов, расположенных на континентальном шельфе, что дает возможность использовать прибрежные воды и недра как для добычи минеральных и энергетических ресурсов, так и для промышленного рыболовства. Рядом с ним в пределах и японской, и китайской ИЭЗ еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг. было обнаружено несколько крупных месторождения углеводородов. Именно это обстоятельство побудило китайское руководство к выдвиганию претензий относительно суверенитета над архипелагом. В результате любые действия одной из сторон по разведке и добыче нефти и газа расцениваются другой стороной как попытки извлечения ресурсов из залежей, находящихся на её территории. Совместная разработка могла бы привести к урегулированию конфликта. Однако для этого требуется, чтобы запросные позиции КНР и Японии были взаимно существенно смягчены. На деле появление новых данных об обнаруживаемых объемах энергоресурсов ведет лишь к росту напряженности. В перспективе существует вероятность того, что Соединенные Штаты, до сих пор воздерживающиеся от поддержки какой-либо из сторон конфликта, займут более жесткую позицию, так как статья 5 американо-японского Договора о гарантиях безопасности 1960 г. включает в себя и зону о-вов Сэнкаку, что неоднократно подтверждалось представителями американского госдепартамента.

Правовые притязания КНР в Южно-Китайском море целиком основаны на «пунктирной линии из 9(11) точек», которая была проведена еще правительством Гоминьдана в 1948 г. Пекин официально заявляет о своих исторических правооснованиях на острова, акваторию и недра Южно-Китайского моря в рамках этой линии. При этом Китай нигде не поясняет, является ли эта линия границей его административной юрисдикции, территориального моря или же континентального шельфа. Предоставление карт с её указанием в Комиссию по границам континентального шельфа в 2009 г. с целью не допустить рассмотрения совместной малазийско-вьетнамской заявки по определению внешней границы континентального шельфа (ВГКШ) вызвало законные протесты всех других стран региона. Они не без оснований подчеркнули, что «линия» противоречит всем нормам международного морского права и, прежде всего, UNCLOS.

Однако это не мешает китайскому ВМФ регулярно задерживать как рыболовные, так и научно-исследовательские суда, а также жестко ограничивать любые изыскательные работы по нефти и газу в регионе (особенно активно у побережья Вьетнама такие изыскания пытается осуществлять Индия). Кроме того, с целью осуществления тотального контроля над любой экономической деятельностью других государств в Южно-Китайском море, Пекин делает ставку на развитие собственной Службы морского надзора, официальной целью ко-

торой декларируется не только защита окружающей среды, проведение научных исследований (в т.ч. в интересах ВМФ), но и борьба с нарушениями морского законодательства в тех регионах, на которые распространяются интересы Китая. Предположительно к 2015 г. штатная численность этой службы составит 15000 человек, а в ее распоряжении будут до 16 самолетов и 350 судов, что фактически даст ей возможность контролировать огромные акватории не только Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, но и Индийского океана.

Вьетнам и Китай (Тайвань) ведут многолетний спор относительно правовой принадлежности Парасельских о-вов, доказывая факт их эффективной оккупации в течение нескольких столетий. Вьетнам оспаривает претензии Китая, заявляя, что Китай никогда не утверждал своего суверенитета над этими островами вплоть до 1940-х гг. С точки зрения Вьетнама, именно он активно распоряжался этими островами начиная с XVII в., что подтверждают некоторые вьетнамские документы. При этом Вьетнам в деле противостояния с Китаем старается заручиться поддержкой не только Соединенных Штатов, но и соседней Индии, предоставив ей возможность дислокации своих кораблей в порту Нячанг.

Бруней, Вьетнам, Китай и Тайвань, Малайзия, Филиппины оспаривают между собой принадлежность о-вов Спратли, делая соответствующие акценты как на исторических правооснованиях и эффективной оккупации, так и включая их в состав собственных ИЭЗ. На сегодняшний день все острова этого архипелага оккупированы участниками конфликта, за исключением Брунея, который, однако, также заинтересован в расширении своей юрисдикции на акватории, острова и недра Южно-Китайского моря в рамках своей 200-мильной ИЭЗ и континентального шельфа. Сложность ситуации заключается в том, что ни одно из возможных решений конфликта не может быть приемлемым для всех 6-ти его участников.

Китай и Тайвань оспаривают у Филиппин право на владение банкой Маклесфилда и рифом Скарборо (он же о-ва Хуанъянь), расположенных к востоку от Парасельских островов в 160 милях от Филиппинского побережья и в 500 милях от китайского. В этом регионе регулярно происходят столкновения между китайскими и филиппинскими военно-морскими силами и рыболовными судами. США поддерживают претензии Филиппин и осуществляют в этом районе регулярные военно-морские учения.⁸ Индонезия хоть и не выдвигает собственных территориальных претензий, но активно выступает против притязаний КНР и Тайваня на акватории и недра своей 200-мильной ИЭЗ и континентального шельфа, расположенные в нефтегазоносной провинции севернее островов Натуна.

Этот регион, несомненно, имеет стратегическое значение для Пекина. Здесь сходятся важнейшие судоходные пути, по которым из региона Персидского залива и Африки в Китай через Малаккский пролив поступает до 70% нефтепродуктов; значительная часть китайского экспорта осуществляется морским путем по этим же морским маршрутам. Здесь также сосредоточены огромные запасы водных биологических ресурсов; шельфовые зоны Южно-Китайского моря по прогнозам содержат промышленные запасы углеводородов. Соответственно, для китайского руководства очевидным является тот факт, что

любое ограничение экономической деятельности, свободы судоходства в этих акваториях способно привести к коллапсу экономики КНР. С этой точки зрения, провозглашение и защита суверенитета над островами региона, включение акваторий Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей под юрисдикцию Пекина – это попытка достичь максимальных выгод в деле защиты стратегических интересов страны, которая, однако, небезосновательно характеризуется в зарубежной историографии как «картографический империализм».⁹

Существует несколько вариантов разрешения территориальных споров в Южно-Китайском море. Первый из них основан на проведении равноудаленных линий без учета Парасельских островов и о-вов Спратли, второй – по равноудаленным линиям без учета о-вов Спратли, но с учетом Парасельских о-вов; третий – по границам 200-мильной зоны без учета о-вов Парасельских и Спратли; четвертый – по границам 200-мильной ИЭЗ с учетом Парасельских о-вов. Однако каждый из вышеперечисленных вариантов требует существенного сокращения изначальных территориальных претензий КНР.

Кроме того, некоторые эксперты заявляют о возможности применения таких правовых моделей урегулирования конфликта, как, например, модель Договора об Антарктике (все территориальные претензии замораживаются), Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (освоение ресурсов проводится исключительно при одобрении и под контролем участников Договора, при приоритетном внимании к состоянию окружающей среды и экосистем), Договор между Австралией и Республикой Индонезия «О зоне сотрудничества, расположенной в области между Индонезийской провинцией Восточный Тимор и Северной Австралией» (временный отказ от территориальных претензий и совместная разработка минеральных и энергетических ресурсов). Однако применимость любой из этих моделей предполагает введение многосторонних механизмов урегулирования конфликтов, в то время как Пекин продолжает делать ставку исключительно на двухсторонний формат ведения переговоров и достижения каких-либо соглашений.

США, с одной стороны, демонстрируют полный нейтралитет и не обозначают на официальном уровне своей позиции относительно территориальных претензий стран региона, одновременно подчеркивая, что территориальные претензии Китая и его политика по их отстаиванию идут в разрез с принципами свобод открытого моря, среди которых базовым является принцип свободы судоходства. Однако, с другой стороны, очевидна заинтересованность Вашингтона стать посредником в урегулировании этих конфликтов. Так, выступая на форуме стран АСЕАН во Вьетнаме летом 2010 г., госсекретарь США Х.Клинтон дала понять, что национальные интересы США состоят в том, чтобы сыграть роль посредника в урегулировании конфликта из-за примерно 200 островов и атоллов, на которые претендуют Китай, Вьетнам, Бруней, Малайзия, Тайвань, Индонезия и Филиппины.¹⁰

Китай резко выступает против любых вариантов интернационализации процесса урегулирования споров. Пекин неоднократно и беспрецедентно заявлял о том, что Южно-китайское море – это сфера его коренных интересов, ставя проблему разрешения этих конфликтов на один уровень с проблемой Тайваня, Тибета и Синьцзяна. По китайским представлениям, это исключает

всякую возможность иностранного вмешательства, даже в форме дипломатического посредничества.

Однако перспектива присоединения США к UNCLOS может принципиально изменить ситуацию. В таком случае все обвинения китайской стороны относительно того, что США, не являясь участником UNCLOS, не имеют законных полномочий вмешиваться в процесс делимитации морских пространств Южно-Китайского моря, будут безосновательны. В то же время США при присоединении к UNCLOS получают дополнительные полномочия по защите позиций своих союзников (Филиппин, Тайваня, Южной Кореи). Присоединение к UNCLOS способно стимулировать вовлечение государств АТР в русло переговорного процесса относительно делимитации пространств Южно-Китайского моря. С точки зрения некоторых американских экспертов, скорейшая ратификация UNCLOS способна изменить наступательную политику КНР, основанную на приверженности «пунктирной линии из 9 точек», а также усилить позиции США в этом регионе по отстаиванию норм международного права.¹¹

III. От наращивания сил к конфронтации

Стратегия развития ВМС Китая исходит из решения трех основных задач, которые последовательно планируется реализовать на трех этапах. На первом этапе, который можно считать завершенным, китайское руководство предполагало создать морскую буферную зону безопасности в рамках «первой цепи островов» – архипелага Рюкю, Филиппинских о-вов, а также акваторий Желтого, Восточно-китайского и Южно-китайского морей.¹² Задача второго этапа – довести боевые возможности флота до уровня, позволяющего осуществлять боевые операции в пределах «второй цепи островов». В этом качестве китайские стратеги рассматривают о-ва Курильские, Хоккайдо, Марианские, Каролинские и Новой Гвинеи, акватории Индонезийского архипелага, Японского и Филиппинского морей.¹³ Задача третьего этапа – создание мощного флота, способного действовать в любом районе Мирового океана.¹⁴

С целью реализации этих амбициозных планов уже теперь перед китайским ВМФ, наряду с традиционными задачами – защитой границ и территориальной целостности, повышением боеготовности на случай вооруженного решения тайваньского вопроса и силового обеспечения территориальных претензий в Восточно- и Южно-Китайском морях – вынашиваются более амбициозные планы. Среди них – проведение поисково-спасательных операций; защита жизненно важных морских коммуникаций и гражданских судов.¹⁵ Решение о присоединении к антипиратской кампании в декабре 2008 г. стало первой попыткой размещения китайских ВМС за пределами АТР.

Американские эксперты выражают все большую озабоченность тем, что новым регионом постоянного присутствия ВМФ Китая становится Индийский океан.¹⁶ Подобного рода политика экономически детерминирована: на Индийский океан приходится половина всех мировых контейнерных перевозок; 70% мировой торговли нефтепродуктами проходит по Индийскому океану с Ближнего Востока в страны АТР; более 80% нефтепродуктов направляется в КНР по Индийскому океану через Малаккский пролив. Расширение военно-морского

присутствия в регионе призвано обеспечить безопасность судоходства и доставки энергоресурсов. С этой точки зрения, участие в антипиратской кампании для китайского ВМФ – это не только отработка навыков корабельного состава, способ демонстрации флага, но и форма закрепления военно-политического влияния в регионе, необходимая для контроля над транзитом энергоресурсов.¹⁷

В соответствии с т. н. концепцией «жемчужных бус», Китай создает линию стратегических партнеров вдоль морских коммуникаций в направлении стран Ближнего Востока. Это порт Гвадар в Пакистане, базы электронной разведки на о-вах Бенгальского залива, попытки военно-технического сотрудничества с Бирмой, военное соглашение с ЮАР и Камбоджей, финансирование постройки канала через перешеек Кийра в Таиланде, а также строительство контейнерного порта на Шри-Ланке. Одновременно КНР укрепляет собственные военно-логистические возможности. Например, создание базы подводных лодок на о. Хайнань производится не только на случай возможного конфликта вокруг Тайваня, но и на предмет обеспечения беспрепятственного выхода китайских подводных кораблей для проникновения в Баб-эль-Мандебский, Ормузский и Малаккский проливы.¹⁸ Следуя логике А.Т.Мэхэна, Пекин фактически ведет себя так же, как Соединенные Штаты действовали после Второй мировой войны – создает военно-морские базы и порты в ключевых районах Мирового океана с целью проецирования силы, защиты своих экономических интересов и разрыва той цепи союзников США, которые окружают КНР с разных сторон и частично блокируют выход китайского ВМФ в Тихий океан.¹⁹

Кроме того, Пекин расширяет практику проведения научных исследований, имеющих двойное, в том числе военное, назначение. Так, Китай рассчитывает получить окончательное одобрение от Международного органа по морскому дну права в течение 15 лет заниматься разведкой и разработкой полиметаллических сульфидов в Международном районе морского дна площадью около 3900 миль в Индийском океане. Разведка этих ресурсов, сопряженная с получением данных о глубинах и рельефе, будет способствовать плаванию китайских подводных лодок. Разработка же этих ресурсов может стать легальным прикрытием для осуществления постоянного мониторинга, в том числе с применением погружных буев, за перемещением иностранных подводных лодок в этом районе. При этом Индия, имеющая право на разработку гораздо более обширных по площади районов морского дна, вследствие отсутствия необходимого оборудования отказалась от разработки некоторых блоков, посчитав их бесперспективными. Китай же активно финансирует государственную программу по глубоководным работам, которая за последние годы принесла значительные результаты – более 70% морского дна уже стало доступным для китайских ученых.²⁰

Американо-китайская конкуренция за влияние на ситуацию в районе Индийского океана и важнейших для АТР транспортных артерий только намечается. Но едва ли можно сомневаться в том, что она усилится в ближайшем будущем. США заинтересованы как в сдерживании КНР, так и в обеспечении бесперебойных поставок энергоресурсов, в том числе своим союзникам в АТР. С этой целью Вашингтон совместно с НАТО постепенно создает коалицию флотов в регионе Аденского залива и Малаккского пролива, способную одновре-

менно патрулировать морские пространства и защищать торговое судоходство от пиратских нападений. В Джибути располагается американская Объединенная оперативная Группа Африканского Рога (CJTF-НОА), а также международная Объединенная оперативная группа 151 (CTF-151), призванные противостоять террористическим угрозам в районе Африканского Рога, Йемена и других государств Красного моря и Аденского залива.²¹

Одновременно с этим США расширяют свое присутствие в АТР. В январе 2012 г. Б.Обама официально объявил о смещении акцента американского военного присутствия с Ближнего Востока в сторону Тихого Океана. Пока на этом направлении делаются первые и достаточно скромные шаги. Но начало положено. В планах США создание небольшой базы около австралийского города Дарвин, предусматривающей размещение до 2500 морских пехотинцев к 2016 г. (возможен вариант их переброски из Окинавы). На восточном и западном побережьях Австралии планируется модернизация и создание военно-морских баз, способных принимать и размещать авианесущие корабли и подводные лодки ВМС США. В сингапурском порту Чанги предусмотрена дислокация четырех новейших американских кораблей ближней береговой зоны, что позволит патрулировать Малаккский пролив, а также близлежащие акватории Южно-Китайского моря. Возможно усиление корабельного состава американских ВМС на Филиппинах, а также модернизация взлетной полосы и строительство базы для беспилотных самолетов-разведчиков на Кокосовых о-вах. США также планируют восстановить свои старые военно-морские базы времен холодной войны.²² В частности, речь идет об американской военно-воздушной базе на вьетнамском полуострове Камрань, которая после окончания вьетнамской войны стала пунктом дислокации советских кораблей. Кроме того, Соединенные Штаты заинтересованы в расширении своего военно-морского присутствия в Таиланде в районе Утапао, который в 1960-е – 1970-е гг. использовался в качестве военного аэродрома в процессе противостояния с Вьетнамом.

Действия по укреплению 7-го Флота ВМС США, американские усилия по развитию системы оборонных союзов с государствами АТР, размещение новых военно-морских баз в регионе направлены на ограничение относительно свободных условий оперативной деятельности ВМФ Китая. Основная цель этих мер, открыто признаваемая американскими военными – исключить возможность применения Пекином силы с целью решения территориальных конфликтов в прилегающих морях, а также постановка под контроль ключевых морских коммуникаций, от которых зависит энергетическая безопасность союзников США.²³ Такие действия США способны побудить Пекин к увеличению своих расходов на оборону и общему наращиванию его военно-морской мощи, что неизбежно негативно скажется на отношениях Китая с другими странами Тихоокеанской Азии, которые в еще большей степени начнут опасаться гипотетической китайской агрессии.

IV. В контексте нераспространения

США и КНР расходятся во взглядах относительно механизмов реализации американской Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового поражения (здесь и далее – PSI, Proliferation Security Initiative). Страны, участвующие в этой программе, обязываются следить, чтобы корабли под их флагами, а также под флагами других стран-участниц не использовались для перевозки оружия массового поражения и технологий, которые могут быть использованы для его создания. При этом США стремятся расширить практику задержания и обыска судов в международных водах (в американской трактовке это все акватории Мирового океана за пределами территориального моря и внутренних вод прибрежного государства), которые подозреваются в осуществлении незаконных поставок оружия массового уничтожения (ОМУ), систем его доставки и связанных с ним материалов.

Однако такая практика противоречит положениям UNCLOS, согласно которым все «суда, принадлежащие государству или эксплуатируемые им и состоящие только на некоммерческой государственной службе, пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага» (статья 96). UNCLOS жестко ограничивает перечень ситуаций, когда военный корабль может принять решение по осмотру подозрительного судна. Такое право может быть реализовано лишь в тех случаях, когда есть подозрения, что данное судно занимается пиратством, идет без флага, занимается работоторговлей или же перевозкой наркотиков (статья 110). Наконец, статья 23 Конвенции дает право иностранным судам, перевозящим ядерные, опасные или ядовитые по своей природе вещества, при осуществлении права мирного прохода, следовать через территориальное море прибрежного государства, если оно имеет все необходимые документы и соблюдает особые меры предосторожности. Таким образом, передача и перевозка вооружений, в том числе ОМУ, полностью легализованы в рамках UNCLOS. Такая политика на момент заключения UNCLOS полностью отвечала экономическим интересам ядерных держав, связанным с продажей и поставкой вооружений в другие страны.

США считают, что указанные статьи UNCLOS существенно ограничивают возможности в борьбе с распространением ОМУ. С целью обойти эти положения UNCLOS, Вашингтон планомерно расширяет практику заключения двусторонних соглашений с другими странами по осуществлению досмотра тех судов, которые подозреваются в осуществлении незаконных поставок ОМУ, систем его доставки и связанных с ним материалов. Страны, заключившие такие соглашения, обязуются способствовать выработке процедур досмотра таких судов в международных водах, а также имеют возможность запросить другую сторону подтвердить принадлежность того или иного судна, а также получить разрешение высадиться на борт такого судна, произвести там обыск и в случае необходимости произвести задержание судна и его груза.

На сегодняшний момент соглашения такого типа заключены с рядом государств, включая Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Белиз, Кипр, Либерию, Мальту, Маршалловы острова, Монголию, Панаму, Сент-Винсент и Гренадины,

Хорватию. Выбор этих стран не случаен, так как во всех этих государствах зарегистрировано большое количество судов под так называемыми «удобными флагами» (flag of convenience). Всего в мире насчитывается порядка 32 государств с «удобными флагами», 11 из них являются участниками PSI, а суда под «удобными флагами» Панама и Либерии осуществляют большую часть международной торговли морским путем.

С точки зрения некоторых экспертов, такая модель двусторонних соглашений по перехвату судов вполне может подорвать многосторонний характер режима UNCLOS. Как и другие двусторонние соглашения, которые поддерживает американская администрация, все они в той или иной степени противоречат многосторонним договоренностям. Склонность Вашингтона использовать двусторонние переговоры как средство обхода или ослабления существующих многосторонних договоренностей становится все более очевидной.²⁴

Между тем Соединенные Штаты демонстрируют намерение подключить к этой инициативе как можно большее число участников. Прежде всего, это касается некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона – в частности, Индонезии и Малайзии. Однако желание Вашингтона подключить к PSI другие государства зачастую наталкивается на сопротивление последних. Дело в том, что неприсоединение США к UNCLOS заставляет их сомневаться в следовании США всем нормам международного права при реализации этой международной программы. С другой стороны, оставаясь вне рамок UNCLOS, Соединенные Штаты сохраняют свободу рук и маневра в рамках реализации программы. Это дает основания противникам присоединения к UNCLOS настаивать на том, что UNCLOS не способна предотвратить распространение ОМУ, так как в современных условиях террористам не составляет никакого труда использовать для транспортировки опасных грузов суда, принадлежащие тому или иному государству. С их точки зрения, лишь жесткие действия Вашингтона, в том числе выходящие за рамки международного права, будут иметь более действенный характер.²⁵ Однако нельзя полностью исключать варианта, в соответствии с которым США при возможной в перспективе ратификации UNCLOS будут стремиться пролоббировать изменение некоторых её положений с целью упрощения досмотра и задержания подозрительных судов в международных водах.

Индия, Индонезия, КНДР, КНР, Малайзия, Пакистан и Южная Африка отказались присоединиться к PSI. С точки зрения китайского руководства, действия этой программы подрывают нормы международного морского права, а также могут привести к усилению военной напряженности и помешать законному судоходству в Восточной Азии. Кроме того, Пекин не готов пойти на односторонние ограничения своей политики по экспорту вооружений и технологий без предоставления гарантий со стороны США относительно того, что они также изменят собственную практику по перевозке ядерного оружия, плутония для реакторов, ракет и систем противоракетной обороны. Наконец, задержание судов и их грузов можно рассматривать как средство оказания давления на страну, как реализацию экономических санкций. Учитывая взаимное сотрудничество в ядерной области между КНР, Пакистаном, Ираном и КНДР, китайское руководство опасается «избирательности» в осуществлении американской инициативы.

Очевидно, что реализация PSI на сегодняшний момент направлена против получения такими странами, как Иран и Северная Корея, каких-либо новых технологических возможностей по созданию собственного ядерного оружия, а также обмена технологиями с другими странами. Кроме того, она предполагает контроль и за перемещением других видов вооружений (не только ядерных, химических и биологических, т. е. относящихся к ОМУ) такими странами, которые США склонны причислять к «оси зла» и «странам-изгоям». Помощь Ирану оказывают КНДР и Китай. Китай продает Ирану тактические и оперативно-тактические ракеты, однако, не желая ссориться с Израилем и странами арабского мира, воздерживается от передачи Ирану своих технологий по созданию баллистических ракет среднего радиуса действия. При этом Китай еще в 1980-е гг. продал Саудовской Аравии свою баллистическую ракету средней дальности (БРСД) «Дунфэн-3», которая может нести как ядерную, так и обычную боеголовку. Учитывая желание ближневосточных режимов получить максимальную защиту от Ирана, можно предполагать, что ядерные боеголовки для саудовских ракет либо уже поставлены Китаем, либо могут быть поставлены в любое время (возможным вариантом является приобретение Саудовской Аравией ядерных боеголовок в Пакистане).²⁶ США также озабочены вероятностью возобновления военно-технического сотрудничества между Пакистаном и КНДР: в начале 2000-х гг. Пакистан, как предполагается, поставлял Северной Корее ядерные технологии в обмен на ракеты. Стремление привлечь Малайзию и Индонезию, с одной стороны, направлено на усиление прямого контроля над КНДР, а косвенно – и над КНР, которая активно сотрудничает с Пакистаном и Саудовской Аравией. Кроме того, Малайзия, по некоторым данным, была пунктом переправки пакистанских ядерных технологий в другие страны – прежде всего, Ливию и Иран.²⁷

Таким образом, с одной стороны, борьба с распространением оружия массового поражения (Договор о нераспространении ядерного оружия, контроль со стороны МАГАТЭ, программы PSI) – одно из приоритетных направлений политики США. С другой стороны, США оставляют за собой исключительное право перевозить ОМУ. США не только активно занимаются перевозками ракет и систем защиты от ракет, передачей и перевозкой ядерного оружия в другие государства, но и транспортируют плутоний, используемый в качестве топлива для ядерных реакторов. Более того, США традиционно настаивают на своем праве использовать пространства Мирового океана для военных целей и для целей обеспечения национальной безопасности. Вашингтон, в частности, не перестает отстаивать свои права на проход американских подводных лодок с ядерным оружием, в том числе через территориальное море других государств, причем в подводном, а не надводном положении, как того требует UNCLOS.²⁸

Отдавая приоритет обеспечению своей национальной безопасности, Вашингтон, вероятно, будет и в дальнейшем действовать в нарушение норм международного права, создавая тем самым прецеденты к его «условному» пересмотру. Можно полагать, что реализация программы PSI в области задержания судов в международных водах может привести к усилению применения силы, а ее применение в отношении стран-неучастниц PSI способно существенно уси-

лить напряженность – в первую очередь, в китайско-американских взаимоотношениях.

Подводя итоги, следует отметить, что с фактической точки зрения между США и КНР существует весьма значительное, а главное, растущее число расхождений по вопросам освоения и использования пространств и ресурсов Мирового океана. При этом как Вашингтон, так и Пекин по некоторым вопросам занимают позиции, прямо противоречащие современным нормам международного морского права и, прежде всего, UNCLOS. Существующие противоречия в краткосрочной перспективе вряд ли станут катализаторами какого-либо крупного вооруженного конфликта. С большей степенью вероятности можно утверждать, что они будут использоваться обеими сторонами как удобный механизм «торга» по тем или иным вопросам. Но это обстоятельство отнюдь не исключает возникновения локальных очагов напряженности. Кроме того, Китай, повторяющий путь Соединенных Штатов по превращению в великую морскую державу, расположен все в большей степени следовать этим курсом по особым мотивам, вытекающим из различного рода «частных» обязательств. Сегодняшние запросы Пекина все еще относительно маргинальны, и задача создания имиджа великой, но миролюбивой державы, вероятно, потребует их корректировки. Соединенные Штаты, в свою очередь, вынуждены проводить политику частичного военно-стратегического сдерживания Китая с целью не допустить его превращения в единственный центр силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А возможное в перспективе присоединение Вашингтона к UNCLOS действительно способно укрепить позиции США и их союзников в АТР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf>.

² Senate Executive Report. 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110-9. 19 Dec. 2007. – p. 12-13, 20. <<http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>>.

³ Maritime Claims Reference Manual / U.S. Department of Defense, Under Secretary of Defense for Policy. – Washington D.C., 23 June 2005. – p. 126. <<http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/MCRM.pdf>>.

⁴ Ibid.

⁵ Свиных Е. Перспективы присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. с. 78.

⁶ Wilson B. and Kraska J. American security and Law of the Sea // Ocean Development & International Law. 2009. V. 40. p. 284. <<http://www.cnr.uidaho.edu/fish510/PDF/Wilson%20and%20Kraska%202009%20Law%20of%20Sea.pdf>>.

⁷ Подробнее см. Senkaku: <<http://www.globalsecurity.org/military/world/war/senkaku.htm>>.

-
- ⁸ US, Philippines hold war games // Hindustan Times. 14 April 2012.
- ⁹ Forbes V.L. Conflict and cooperation in managing maritime space in semi-enclosed seas. – Singapore: Singapore University Press, 2001. p. 141.
- ¹⁰ США вмешались в спор Китая с соседями. Вашингтон ищет новых партнеров в Юго-Восточной Азии // Независимая газета. 28.07.2010.
- ¹¹ Bower E.Z. and Poling G. Advancing the National Interests of the United States: Ratification of the Law of the Sea. – Washington D.C.: CSIS, 25 May 2012. <<http://csis.org/publication/advancing-national-interests-united-states-ratification-law-sea>>.
- ¹² Шлындов А.В., Тебин Н.П. Поднебесная выставляет рубежи в океане // Независимое военное обозрение. 03.11.2011.
- ¹³ Cordesman A.H. and Yarosh N.S. Chinese Military Modernization and Force Development: A Western Perspective. – Washington D.C.: CSIS. 30 July 2012. <http://csis.org/files/publication/120727_Chinese_Military_Modernization_Force_Dvlpment.pdf>.
- ¹⁴ Хорунжий Н. Китай поставил цель быть великим и на море // Российский миротворец. 09.11.2011.
- ¹⁵ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2011. – Washington D.C.: Office of the Secretary of Defense, 2011.
- ¹⁶ Каплан Р. Центральная арена XXI века // Россия в глобальной политике. Март-апр. 2009. Т. 7. № 2. С. 103–119.
- ¹⁷ Еще одной причиной включения КНР в антипиратскую кампанию стало то обстоятельство, что в Аденском заливе существенно увеличилось число нападений именно на китайские суда.
- ¹⁸ Кузарь В. Океанский бастион Поднебесной // Красная звезда. 09.12.2011.
- ¹⁹ Kaplan R.D. The geography of Chinese power: how far can Beijing reach on land and at sea? // Foreign Affairs. May/June 2010. V. 89. № 3. P. 22–41.
- ²⁰ Saurav Jha. India, China in race for the bottom in Indian Ocean // Special Report: Naval Rivalry, Maritime Diplomacy. World Politics Review. April 2012.
- ²¹ Richardson M. A Time Bomb for Global Trade: Maritime-Related Terrorism in an Age of Weapons of Mass Destruction. – Singapore: ISEAS, 2004. p. 17.
- ²² U.S. eyes return to some Southeast Asia military bases // Washington Post. 23.06.2012.
- ²³ Игнатченко И.В. Антикитайская стратегия Вашингтона // Независимое военное обозрение. 27.04.2012.
- ²⁴ Чаффи Д. Свобода или сила в открытом море? Запрет на распространение оружия массового уничтожения и международное право // Энергетика и безопасность. 2005. № 29. <<http://www.ieer.org/ensec/no-29/no29russ/lawofsea.html>>.

²⁵ Prepared Statement of Frank J. Gaffney, Jr., President and CEO, Center for Security policy, Washington D.C. // The United Nation's Convention on the Law of the Sea (Treaty doc. 103-39): hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Tenth Congress. 1st session, September 27 and October 4, 2007. p. 86. <http://www.fas.org/irp/congress/2007_hr/lots.pdf>.

²⁶ Ibid.

²⁷ Тайная сеть атомщика // Интернет-газета «Столетие». 21.02.2005. <http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/tanaya_set_atomschika.htm>.

²⁸ Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110-9 (December 19, 2007). p. 12. <<http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>>.

КОНЦЕПЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА»: КАНАДСКИЙ ПОДХОД

Вопрос о путях обеспечения безопасности личности в ходе войн и конфликтов, о правомочности военного вмешательства в условиях массовых преступлений против гражданского населения вызывает острые разногласия в международном сообществе. Речь идет о сути появившихся в политическом лексиконе понятий «гуманитарная интервенция», «гуманитарный кризис», о легитимности коллективных действий по защите прав человека в контексте соблюдения обязательств по защите национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. В центре споров – вопрос о том, что считать точкой отсчета в международном праве – государство или личность. С момента подписания в 1648 г. Вестфальского мирного договора краеугольным камнем правовой модели мира была идея государственного суверенитета, позднее зафиксированная в Уставе ООН и других международных документах. Принцип суверенитета лежит в основе положений о равенства прав государств, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела. Тем не менее, мировая система, субъектами которой были суверенные государства, никогда не была совершенной, а на рубеже XX-XXI вв. противоречия между Вестфальским правовым миропорядком и реальностью усилились.

Большинство правовых норм сохраняет свою ориентированность на государство. При этом дискуссии о правомочности гуманитарного вмешательства не снизили роль международного права в современном мире, а лишь свидетельствуют о том, что оно, как и любая другая сфера, развивается, реагируя на меняющуюся картину мира.

Авторы статьи поставили перед собой следующие задачи: рассмотреть эволюцию концепций «безопасности личности и общества» (“human security”) и «ответственности по защите» (“Responsibility to Protect”), обозначить вклад Канады, которая была одним из основных разработчиков этих концепций, в их формирование и применение на практике, а также показать возможности и пределы гуманитарных интервенций (в Косово, Афганистане и Ливии).

I. Основные положения концепции «безопасности личности»

Активное развитие концепция безопасности личности и общества получила в 1990-е гг. Появление термина «безопасность личности и общества»¹ (human security) ассоциируется с Докладом о человеческом развитии 1994 г.² Согласно определению, данному ООН, безопасность личности включает в себя «защищенность от угрозы голода, болезней, репрессий, а также защиту от неожиданного нарушения образа повседневной

жизни, имеющего пагубное значение».³ Авторы доклада выделили семь составляющих безопасности личности и общества: экономическая, продовольственная, экологическая, физическая безопасность личности, отсутствие опасности для здоровья личности, безопасность сообществ, политическая безопасность.⁴ Трактовка безопасности личности и общества Организацией Объединенных Наций базируется на основных человеческих потребностях и основывается на нескольких положениях, вытекающих из этих потребностей. Подчеркивается необходимость исходить из того, что угрозы безопасности личности легче предупредить, чем отразить.⁵

Одним из приверженцев, разработчиков и последователей концепции безопасности личности был министр иностранных дел Канады Ллойд Эксуорзи. В предисловии к монографии Л.Эксуорзи «Прокладывая курс в новом мире: глобальное будущее Канады» безопасность личности определяется как «философия, содержащая призыв к глобальному сообществу нести ответственность за соблюдение, в первую очередь, интересов индивидов, а не национальных государств или транснациональных корпораций».⁶ Концепция безопасности личности и общества стала своего рода брендом канадской внешней политики. Итоговый вариант концепции изложен в программном документе 2000 г. «Свобода от страха: канадская внешняя политика за безопасность личности и общества».⁷

Канада была не единственной страной, продвигавшей теорию «безопасности личности и общества». Аналогичные шаги предпринимались Японией, Норвегией, Швецией. При формировании нового канадского внешнеполитического мышления учитывались результаты международных исследований последних десятилетий XX в., прежде всего, выводы докладов Программы развития ООН (ПРООН) о развитии человеческого потенциала. В этих документах человек рассматривался как непреложная ценность глобального миропорядка, и, соответственно, как единица измерения происходящих в нем процессов.

Л.Эксуорзи как политик и идеолог находился под влиянием теории «мягкой силы» американского ученого Дж.Най. «Мягкая сила» по Наю – способность добиваться желаемого не силой, принуждением и военной мощью, а плодотворностью идей и моделей.⁸ Такие элементы «мягкой силы», как умение использовать новейшие информационные технологии, склонность к поиску развязок сложнейших международных проблем, навыки построения партнерских отношений и высокий уровень интеллектуальных наработок, позволяют относить Канаду к разряду обладателей «мягкой силы».

Однако Л.Эксуорзи нередко критикуют за то, что он вырвал модель Най из американского контекста.⁹ Дж.Най, в частности, подчеркивал, что «мягкая сила» также опирается на военную и экономическую мощь – иными словами, «мягкая сила» не заменяет собой «жесткую» (экономическую и военную мощь), а они дополняют друг друга. Тем не менее, логика Л.Эксуорзи по-своему последовательна и базируется на определенных реалиях. В 1990-е гг. Канада переживала бюджетный дефицит и нуждалась в «недорогой», но имеющей сильный позитивный заряд внешнеполитической концепции, которая позволила бы стране сохранить авторитет на мировой арене. Возникла необходимость в

идеях, не уступающих по привлекательности концепции «средней державы», образам «честного брокера», «находчивого посредника», «щедрого донора», созданным канадскими правительствами в «золотое десятилетие» канадской дипломатии (1945–1957 гг). На этом фоне доктрина безопасности личности и общества послужила интеллектуальным зонтиком, вобрав многие «человекоцентричные» концепции и направления внешнеполитической деятельности, которые развивались в Канаде в предыдущие годы – миротворчество, помощь в области социально-экономического развития, защиту прав человека.

Ключевые положения канадского варианта концепции безопасности личности и общества сводились к следующему. Придерживаясь расширенного толкования понятия «международная безопасность», разработчики включили в число глобальных угроз, помимо войн и конфликтов, новые, нетрадиционные вызовы (дестабилизацию экономики, истощение экологических ресурсов, инфекционные болезни и т. п.). В такой трактовке обеспечение мира и благополучия человека становится всеобщей проблемой, влечет за собой стирание государственных границ и размывание прежнего понятия национального суверенитета. Отсюда – смещение основного акцента с безопасности государства на безопасность человека, как в индивидуальном, так и в коллективном качестве; именно безопасность человека ставится в центр мировой политики.

Другой важный тезис – о взаимосвязи обеспечения безопасности человека и экономического развития – был позаимствован канадцами из упомянутого доклада ПРООН. Хотя эти два процесса не тождественны, оба они направлены на достижение близких по характеру целей: освобождение людей от страха за свою жизнь и избавление их от нищеты. Безопасность человека содействует развитию, а в ходе развития, соответственно, возникают предпосылки для защиты личности и общества.

Собственный вклад канадской интерпретации концепции безопасности личности и общества касается, прежде всего, *проблемы безопасности человека в контексте современных вооруженных конфликтов*. Данный аспект, по существу, выпал из внимания авторов доклада ПРООН, за что он подвергся критике на Всемирной встрече по социальному развитию в Копенгагене в 1995 г. и что послужило одной из причин отказа от поддержки этого доклада многими участниками форума.¹⁰ В отличие от доклада ПРООН, который сделал основной упор на угрозы, порожденные бедностью и отсталостью, документ канадского правительства практически полностью посвящен проблеме вооруженных конфликтов. Поскольку для современных конфликтов, развивающихся не столько на межгосударственном, сколько на внутригосударственном уровне, характерны высокие потери среди мирных жителей, проблема обеспечения их безопасности признавалась в канадских публикациях первостепенной.

Безопасность индивидов далеко не всегда вытекает из безопасности государства. Более того, в определенных условиях само государство может стать источником опасности для человека. В зависимости от типа государственного устройства безопасность личности и национальная

безопасность могут либо взаимно дополнять, либо противоречить друг другу. Отсюда канадские идеологи сделали далеко идущий, можно сказать, революционный вывод: в случае нарушения государством своих обязательств перед народом международное сообщество должно урегулировать гуманитарный кризис, используя все возможные средства, в том числе и применение силы.¹¹

При этом основное внимание при обеспечении безопасности личности и общества Оттава предлагала уделять превентивным мерам, призванным снизить степень риска разрушений и вероятность гибели людей. Предполагалось, что вопрос о вмешательстве в конфликт можно рассматривать только тогда, когда исчерпаны все методы предупредительного характера. Подчеркивалась необходимость не только «гасить» конфликты усилиями международного сообщества, но и обращаться к их источникам, не допускать их возгорания в будущем.

Особое внимание в канадской интерпретации концепции безопасности личности и общества уделено *нестабильным и несостоявшимся государствам*.¹² На национальном уровне выделяются такие угрозы как рост числа внутригосударственных конфликтов, новая практика ведения войны, массовые нарушения прав человека правительствами некоторых стран. По мнению канадских идеологов, эти угрозы наиболее характерны для нестабильных и даже «несостоявшихся» государств. Согласно этой интерпретации, население стабильных, развитых стран в меньшей степени испытывает потребность в защите человека как такового, а если такая защита требуется, то от угроз, исходящих извне, например, международного терроризма и транснациональной преступности, включая незаконный ввоз наркотиков и торговлю людьми.¹³ Поскольку проблемы, угрожающие безопасности человека, имеют транснациональный характер, только многостороннее сотрудничество позволит с ними справиться. Эффективность решений в этой области зависит от усиления международной координации. Например, успешные операции по поддержанию мира включают множество измерений и основываются на координации усилий разных участников – таких, как политические переговорщики, «голубые каски», наблюдатели за соблюдением прав человека и гуманитарные работники. Все более активную роль в продвижении безопасности человека играют и неправительственные организации (НПО).¹⁴

Министерство иностранных дел Канады выработало несколько приоритетных направлений внешней политики страны, объединенных идеей безопасности личности и общества. Была развернута кампания по подписанию Договора о запрещении испытания, производства, передачи и хранения противопехотных мин (1996–1998 гг.) – так называемой Оттавской конвенции, получившей широкий резонанс в мире. Канадские дипломаты выступили с предложением и добились создания Международной комиссии ООН по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (1999-2000 гг.),¹⁵ а неправительственные организации страны составили ядро и сыграли главную роль в создании международной коалиции по безопасности личности и общества (*Human Security Network*). Канаде принадлежал ряд инициатив в

области защиты детей в условиях вооруженных конфликтов (с 1996 г.) и борьбы с нелегальной торговлей легким оружием (с 1996 г.). Кроме того, она внесла большой вклад в создание Международного уголовного суда, став одним из разработчиков Римского Статута.

Таким образом, концепция безопасности личности и общества содержит достаточно объективный анализ современных международных реалий и носит ярко выраженный гуманистический характер. Многие из ее положений (о мерах по предотвращению конфликтов, об ответственности международных организаций за соблюдение прав человека и необходимости всестороннего сотрудничества при реализации концепции и т. д.) заслуживают высокой оценки.¹⁶

II. От «безопасности личности и общества» к гуманитарным интервенциям в Косово и Афганистане

В ранних заявлениях Л.Эксуорзи звучала мысль о необходимости добиваться защиты безопасности индивидов и общества *ненасильственными методами*, что позволило бы реализовать преимущества Канады в использовании «мягкой силы».¹⁷ Однако позднее концепция безопасности человека получила новое прочтение. Так, Канада стала активно использовать риторику в духе обеспечения безопасности человека для обоснования военной акции в Югославии и оправдания гуманитарных интервенций в принципе. Ж.Кретьен и Л.Эксуорзи преподнесли интервенцию в Косово как «классический случай» защиты безопасности человека. Они действовали исходя из того, что государственный суверенитет может быть оправдан только при условии ответственности и подотчетности государства перед своим народом. В случае же серьезной угрозы безопасности людей фокус на безопасности населения требует энергичного вмешательства для защиты человеческой жизни, включая использование принудительных мер, в том числе санкций и военного вмешательства.¹⁸

В то же время упор на силовой компонент концепции отнюдь не традиционен для Канады. Решение об участии в бомбардировках Югославии весной 1999 г. было принято правительством Канады под жестким нажимом США и других стран НАТО, после длительного противодействия со стороны канадского руководства и многочисленных попыток оказать воздействие на режим С.Милошевича без использования силы. Военный вклад Канады в операцию против Югославии был относительно невелик. Бомбовые удары по территории Югославии наносили 18 канадских истребителей-бомбардировщиков Си-эф-18, размещенных на натовской базе Авиано в Италии. Как показали дальнейшие события, несмотря на ту высокую цену, которую заплатили жители Югославии, гуманитарная интервенция НАТО так и не привела к урегулированию косовского конфликта. Более того, военная операция, предпринятая без санкции международного сообщества, перечеркнула ряд коренных принципов, на которых строились международные отношения в период после Второй мировой войны, создав опасный прецедент

бесконтрольного применения силы. Согласие на бомбардировки Косово и решение к ним присоединиться стало одним из самых непопулярных решений Л.Экзуорзи, противоречившим его имиджу сторонника «мягкой силы».¹⁹

С окончанием эры Л.Экзуорзи (2000 г.) концепция безопасности личности и общества как таковая была снята с внешнеполитической повестки дня. Однако к тому времени многие ее элементы уже стали составной частью теории и практики международных отношений. Кроме того, идеи безопасности личности оказали существенное влияние на развитие внешнеполитических подходов, применявшихся Канадой в дальнейшем. Напомним, что действия Канады в ходе косовского кризиса развивались по трем направлениям: во-первых, участие в военных операциях, нацеленное на быстрое разрушение военного потенциала СРЮ; во-вторых, увеличение помощи гуманитарным организациям для работы с косовскими беженцами, и, в-третьих, оказание поддержки деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии. Этот тройственный подход во многом определил формирование новой «интегрированной» внешнеполитической стратегии Канады, известной как “3D” (Defence – оборона, Development – развитие, Diplomacy – дипломатия), и комплексного подхода правительства к внешне политике (“whole-of-government approach”), сочетавших как военные, так и невоенные усилия в отношении несостоявшихся и нестабильных государств, в частности, применительно к ситуации в Афганистане.

Итоги участия Канады в афганской операции, которая длилась почти 10 лет (с осени 2001 г. до конца июля 2011 г., когда основная часть канадских войск была выведена из Афганистана) неоднозначны и заслуживают отдельного исследования. Упомянем лишь, что, несмотря на ликвидацию режима талибов и уничтожение лидера Аль-Каиды бен Ладена, нападения боевиков и вооруженные столкновения продолжаются. Нерешенными проблемами остаются: крайняя нищета населения, наркотрафик, отсутствие функциональных институтов управления или их слабость, неразвитые экономика и финансовая система, повсеместная коррупция государственной власти. На фоне завершившегося вывода канадского военного контингента и предстоящего в 2014 г. ухода канадских специалистов из Афганистана возникает вопрос: были ли оправданы понесенные Канадой в ходе участия в этой операции военные и финансовые потери, в том числе человеческие жертвы, весьма значительные по канадским масштабам?

III. «Ответственность по защите»

Косовский конфликт продемонстрировал острую необходимость выработки принципов и критериев внешнего вмешательства в ход современных вооруженных конфликтов. В этой связи на первый план в дипломатической деятельности Канады вышло международно-правовое направление, причем вновь в рамках ООН и ее учреждений. Сосредоточив основное внимание на реформах системы ООН, необходимых для улучшения эффективности ее работы, Канада предложила определить позицию международного сообщества

по вопросу о гуманитарных интервенциях. С инициативой о создании соответствующей международной комиссии на саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. выступил премьер-министр Канады Ж.Кретьен. Л.Эксуорзи в этой связи указал на всю сложность проблемы согласования двух, казалось бы, взаимоисключающих понятий – государственного суверенитета и иностранного вмешательства.²⁰

В работе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВВГС) приняли участие два канадских эксперта – профессор права Лавальского университета Ж.Коте-Гарпер и М.Игнатъев, в то время профессор Гарвардского университета, автор многих публикаций по этническим конфликтам (с 2008 по 2011г. - лидер Либеральной партии Канады). Кроме того, Оттава, наряду с неправительственными Фондами Карнеги, Рокфеллера и Макартуров, внесла вклад в финансирование работы комиссии, выделив на двухлетний период 1 млн. долл. США.

МКВВГС выявила широкий спектр мнений по проблеме внешнего военного вмешательства в дела той или иной страны под гуманитарными предлогами. Тем не менее, комиссии удалось согласовать итоговый доклад, одобренный всеми ее членами. Он содержал ряд принципиально важных моментов. Во-первых, была подтверждена значимость государственного суверенитета, который, согласно документу, предполагает двойную ответственность и обязанность государства – уважать суверенитет других стран и защищать права и достоинство людей внутри своих границ. Во-вторых, эксперты предложили полностью отказаться от термина «гуманитарная интервенция» и заменить его термином «вмешательство» или «военное вмешательство в целях защиты гражданского населения» (“military intervention for human protection purposes”).²¹ Комиссия сочла неуместным использовать в контексте военных акций термин «гуманитарный», подразумевающий вполне конкретные виды деятельности и имеющий ярко выраженную позитивную коннотацию.²² В-третьих, модификация терминологии внесла изменения и в суть дискуссии – вместо «права на вмешательство» рекомендовалось рассматривать «ответственность по защите» (“Responsibility to Protect”, или “R2P”). Таким образом, центр обсуждений сместился с интересов государства к нуждам и правам страдающих от вооруженного насилия гражданских лиц, которых власти обязаны защищать. В-четвертых, была обоснована правомочность вмешательства в конфликты, вплоть до операций по военно-силовому принуждению, в чрезвычайных ситуациях (когда имеют место массовые убийства, масштабный геноцид и этнические чистки). К основаниям для применения силы были отнесены: высокий уровень насилия, исчерпанность всех невоенных средств урегулирования конфликта, наличие необходимых ресурсов для проведения операции, достижимость поставленной цели и сбалансированный учет возможных последствий.²³ В-пятых, из доклада следовало, что главная роль в принятии решений о применении силы принадлежит Совету Безопасности ООН. В случае его неспособности или нежелания принимать решения по той или иной гуманитарной катастрофе предполагалось, что такие полномочия могут быть переданы Генеральной Ассамблее ООН или региональным организациям.²⁴

Хотя текст доклада не содержал ссылок на канадскую концепцию безопасности личности и общества, в нем четко просматривались такие ее положения, как признание ответственности международного сообщества за безопасность людей, возможность нарушения суверенитета государства в чрезвычайных ситуациях и включение военных инструментов в арсенал методов обеспечения безопасности человека. Некоторые идеи, обозначенные в канадских документах, получили в докладе МКВВГС дальнейшее развитие. Речь идет, в частности, о критериях вмешательства в конфликты и о санкциях в отношении государств, виновных в нарушениях прав человека. Наконец, в докладе МКВВГС были и новые моменты, включая как отказ от понятия «гуманитарной интервенции», так и смещение акцента с «права на вмешательство» на «ответственность по защите». Будучи инициатором создания Комиссии, спонсором и активным разработчиком доклада, правительство Канады по праву считало концепцию «ответственности по защите» своим детищем – своеобразным «фирменным знаком» канадской внешней политики – и настойчиво ее продвигала.

Несмотря на энергичные усилия Канады и ряда других государств, идеи доклада МКВВГС не нашли широкой поддержки в политических и научных кругах многих стран. Оппоненты «ответственности по защите» восприняли концепцию как «лицензию» западным государствам на вмешательство во внутренние дела развивающихся стран.

Тем не менее, официальная Оттава не теряла надежды на принятие и распространение на международном уровне идей «ответственности по защите», вобравших в себя многие принципы концепции «безопасности личности и общества». П.Мартин, в 2003 г. сменивший на посту премьер-министра добровольно ушедшего в отставку Ж.Кретьена, решил искать союзников на региональном уровне. Используя тактику лоббирования и коалиционного строительства, П.Мартин добился обсуждения проблемы «ответственности по защите» на саммите Франкофонии 2004 г. в Уагадугу (Буркина-Фасо) и использовал итоги совещания для того, чтобы убедить Запад в поддержке лидерами франкоязычных стран этой концепции.

Следующим этапом согласования позиций была работа международной Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, которая уточнила определения и понятия, представленные в докладе МКВВГС. Канада была первой страной, заявившей о своем одобрении принципа «ответственности по защите» в ходе обсуждения доклада этой группы. В преддверии саммита тысячелетия 2005 г. П.Мартин сам вел переговоры с лидерами стран, от которых могло зависеть принятие решения, активно используя при этом личные связи.²⁵ Он заручился поддержкой тогдашнего президента РФ В.В.Путина. Обещание одобрить доктрину дали также многие лидеры развивающихся стран, среди них – президент Пакистана П.Мушараф и тогдашний президент Алжира А.Бутефлика, пользовавшийся большим влиянием в африканских странах и в Движении неприсоединения.

Успехи личной дипломатии П.Мартина произвели впечатление и на американскую администрацию, присоединившуюся к сторонникам концепции. В итоге принципы «Ответственности по защите», в том числе возможность

применения силы в целях защиты населения, были включены в заключительный документ саммита тысячелетия 2005 г.²⁶ и приняты в качестве добровольных обязательств его участников. В документе оговаривалось, что силовые методы могут использоваться только на основе Статьи VII Устава ООН и только тогда, когда мирные средства исчерпаны. Несмотря на «факультативный» характер принятых обязательств, результаты саммита были расценены политическими кругами Канады как крупный внешнеполитический успех.

IV. «Ответственность по защите» и интервенция в Ливии

«Арабская весна», и особенно события в Ливии, вновь поставили перед международным сообществом проблему вмешательства в современные конфликты. Оценивая итоги ливийской операции союзников 2011 г., руководство НАТО и правительства стран-участниц коалиции, включая Канаду, объявили о триумфальном завершении на удивление краткосрочной военной интервенции, окончившейся без единой потери для коалиционных войск. СМИ сообщали также, что на территории Ливии не было ни одного натовского солдата (заметим, однако, что время от времени поступали сведения о размещении там спецподразделений Великобритании, Франции и некоторых других стран).

В обсуждение итогов операции включились и сторонники концепций «безопасности личности и общества» и «ответственности по защите». Л.Эксурзи, бывший Генеральный секретарь ООН К.Аннан и бывший представитель Канады в ООН А.Рок назвали ливийскую кампанию успешным применением принципов доктрины “R2P”. По их мнению, впервые был создан прецедент легитимного гуманитарного вмешательства: в отличие от косовского кризиса 1999 г., применение силы в Ливии было одобрено Советом Безопасности ООН (мнение, с которым Россия не согласна), соответствовало нормам международного права и было официально направлено на оказание помощи мирному населению.

Однако, по мнению ряда других канадских экспертов, «ответственности по защите» мирного населения – лишь одна из причин участия в операции, к тому же не первостепенная. Например, директор Центра глобальных исследований Университета Виктории, бывший заместитель министра иностранных дел Канады (1991–1994 гг.) Г.Смит считает, что сначала было принято решение об интервенции в Ливии и лишь потом появились аргументы в духе «ответственности по защите», которые были использованы для обоснования военных действий. Средства массовой информации и многие эксперты прибегли к риторике “R2P” главным образом для того, чтобы прикрыть военную операцию гуманитарными целями.²⁷ Не стоит забывать, что правительство С.Харпера отказалось от наследия либеральной партии, к которому относятся идеи и терминология “R2P”.

Большинство исследователей полагают, что международному сообществу следует извлечь уроки из опыта ливийской интервенции. Во-первых, этот опыт

не должен стать моделью для «тиражирования» в других странах. Каждый внутривнутриполитический конфликт уникален, а применение силы – крайняя и опасная мера. Это мнение разделил и министр обороны Канады П.Маккей, отметивший в 2011 г., что операция в Ливии не может служить образцом для возможных военных операций в Сирии или Иране.²⁸ Во-вторых, функции по защите мирного населения от массовых убийств и геноцида могут в будущем выполняться региональными организациями, расположенными в непосредственной близости от зоны конфликта. Одной из них может, например, стать Африканский союз, устав которого включает принципы «ответственности по защите». В-третьих, особое значение имеют меры по стабилизации и миростроительству, являющиеся важным компонентом «ответственности по защите».²⁹

В мире существует и другая точка зрения. Ее сторонники – лидеры ряда стран, в том числе России, а также часть экспертного сообщества и ряд общественных деятелей – считают, что операция не достигла поставленной цели – защиты мирного населения, и подвергают критике действия коалиции. Известно, что Россия воздержалась при голосовании по резолюции №1973 Совета Безопасности ООН о создании бесполетной зоны над Ливией, но характер и масштабы последовавшей военной интервенции не устроили российскую сторону. В пользу этого подхода приводятся следующие аргументы: во-первых, о несоблюдении одного из главных принципов «ответственности по защите» (невмешательства во внутренние дела государств) в результате прямого участия коалиции в свержении режима Каддафи; во-вторых, о нарушении коалицией резолюции СБ ООН №1973 о бесполетной зоне и об эмбарго на поставки вооружения; в-третьих, о недооценке мирных способов разрешения конфликта и, в-четвертых, о масштабных потерях среди ливийских мирных жителей и эскалации военных действий. По заявлению МИД РФ, воздушная операция НАТО в Ливии требовала тщательного расследования, в том числе в рамках Совета Безопасности ООН,³⁰ так как в ходе нее наносились удары по чисто гражданским объектам, в результате которых погибли мирные жители.

Некоторые сдвиги в позициях сторон по вопросу о защите гражданского населения появились в связи с предложением Бразилии, внесенным на 66 сессию ГА ООН в 2011 г. Немаловажное значение имел сам факт выступления Бразилии с инициативой по одному из ключевых международных вопросов. «Восходящие державы», обладающие стремительно растущим экономическим потенциалом, нередко подвергались критике в СМИ и на международных форумах за пассивность и инертность в политических вопросах. К тому же Бразилия не принадлежит ни к блоку западных стран, продвигающих идею гуманитарной интервенции, ни к группе их противников в лице Китая и России, занимая промежуточное положение и представляя интересы развивающихся государств. Новая идея прозвучала в выступлении президента Бразилии Д.Русеф и получила название «ответственность во время защиты» (“Responsibility while Protecting” – “RWP”). Раскрывая ее содержание, Д.Русеф отметила: «Много говорится об обязанности защищать, но мало говорится об ответственности, которую необходимо нести во время защиты».³¹ Делегация

Бразилии распространила документ, в котором рекомендовалось дополнить концепцию «ответственность по защите» набором новых принципов и критериев. Во-первых, подчеркивалось неизблемое правило: интервенция должна быть крайним способом разрешения ситуации, с применением минимума силы, и не должна «вызывать большего вреда, чем она призвана предотвратить». Во-вторых, интервенция должна быть «разумной, рациональной и ограниченной достижением целей, поставленных Советом Безопасности ООН». В-третьих, авторы «RWP» предлагали СБ ООН разработать процедуру, которая позволила бы контролировать и оценивать осуществление на практике резолюций по этим вопросам.³² США согласились со многими положениями бразильского документа и выразили готовность работать по усовершенствованию концепции «обязанности по защите».³³ Россия, Китай, Индия также в целом поддержали предложение Бразилии. По мнению аналитиков, инициатива Бразилии может послужить стимулом для согласования международных подходов к этой проблеме.

Анализ военных операций НАТО с участием Канады в Косово, Афганистане и Ливии показал возможности и пределы гуманитарных интервенций. С точки зрения Канады, к позитивным итогам, наряду со смещением правящих авторитарных режимов в Ливии и Афганистане, можно отнести определенные дивиденды, которые Оттава приобрела в отношениях с США, а также частичное изменение структуры канадских вооруженных сил в соответствии с современными требованиями ведения боевых действий. Однако, если говорить о собственно гуманитарных итогах – и прежде всего о жертвах среди гражданского населения – то они весьма драматичны. Соотношение этих результатов по-разному оценивается участниками научных и политических дебатов, многие гипотезы и выводы требуют дополнительной аргументации и обоснования. Представляется, что гуманитарные интервенции в трёх рассмотренных нами случаях смогли лишь временно притушить конфликты, но не урегулировать их. Более того, военное вмешательство привело к новым, стремительно нарастающим виткам нестабильности, изменив характер и вектор вооруженного противостояния.

Использование гуманитарных интервенций в качестве инструмента вмешательства в конфликты свидетельствует о размывании установленного Вестфальским миром принципа государственного суверенитета и о распространении его нового толкования, сориентированного на защиту прав человека. Участвовавшая практика таких интервенций – своего рода реакция Запада на неопределенность и непредсказуемость современного глобального развития, со всеми его потрясениями и кризисами.

На наш взгляд, положение об ответственности международного сообщества за прекращение военных действий и соблюдение прав человека в ходе внутренних конфликтов теоретически обоснованно, а использование силы, санкционированное Советом Безопасности ООН в соответствии с принципами Устава ООН, при определенных условиях может быть оправданным. В

будущем, при условии дальнейшей проработки соответствующих норм, методов и критериев, оно даже может стать устоявшейся практикой. В этой связи можно выделить три актуальных вопроса, требующих решения. Во-первых, необходимо проводить четкое разграничение между действиями по охране мирного населения, с одной стороны, и попытками навязать тем или иным государствам политические режимы, выгодные участникам военной операции. Во-вторых, целесообразно создать Силы быстрого реагирования ООН для использования в подобных ситуациях. Такие предложения, неоднократно выдвигались на рассмотрение международных форумов и вновь зазвучали после ливийской операции 2011 г. В-третьих, особое внимание следует уделить перспективам и проблемам вовлечения региональных организаций в разрешение конфликтов, происходящих в их регионах.

Судя по всему, интерес мирового сообщества к несостоявшимся и нестабильным государствам будет нарастать, тем более что среди них есть страны, потенциально привлекательные с экономической точки зрения. В этой связи Канада, скорее всего, останется одним из активных разработчиков и участников применения концепции «ответственности по защите».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русском языке нет единственного устоявшегося варианта перевода термина “human security”. Встречаются варианты переводов: «человеческая безопасность», «личностная безопасность», «безопасность личности» и т.п.

² UNDP Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security / United Nations Development Programme (UNDP). – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1994. <<http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1994>>.

³ Балугев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, сентябрь-декабрь 2005, Том 3, №3 (9), с. 1. <<http://www.intertrends.ru/one/008.htm>>.

⁴ Human Development Report 1994. p. 24. <http://hdr.undp.org/reports/global/1994/en/pdf/hdr_1994_ch2.pdf>.

⁵ Ibid. p. 22.

⁶ Axworthy L. Navigating a New World: Canada’s Global Future. – Toronto: Knopf, 2003. p. x.

⁷ Freedom from Fear: Canada’s Foreign Policy for Human Security. – Ottawa: Department of Foreign Affairs and International Trade, 2000.

⁸ Nye J., Jr. The decline of America’s soft power: why Washington should worry // Foreign Affairs. May/June 2004. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/59888/joseph-s-nye-jr/the-decline-of-americas-soft-power>>.

⁹ Rigby V. The Canadian forces and human security: a redundant or relevant military? // Canada Among Nations 2001: The Axworthy Legacy / Ed. by F.O.Hampson, N.Hillmer and M.A.Molot. – N.Y.: Oxford University Press, 2001. p. 41.

¹⁰ Axworthy L. Human Security: Safety for People in a Changing World. – Ottawa, DFAIT, April 29, 1999. <<http://www.summit-americas.org/canada/humansecurity-english.htm>>.

¹¹ Freedom from Fear. Op.cit. p. 2.

¹² Касьянова А.А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика // США и Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 8. с. 43.

¹³ Там же. с. 42.

¹⁴ Axworthy L. Navigating a New World. p. 127.

¹⁵ Список составлен по статье: Касьянова А.А. Ук. соч. с. 44.

¹⁶ Израелян Е.В. Канада и миротворчество // Канада: взгляд из России. Экономика, политика, культура. – М: Анкил, 2002. с. 191.

¹⁷ Axworthy L. Canada and human security: the need for leadership // International Journal. Spring 1997. V. 52. № 2. p. 6.

¹⁸ Freedom from Fear. p. 5.

¹⁹ Комкова Е.Г. Внешняя политика Канады между прошлым и будущим. Рец. на кн. Э.Козна «Пока канадцы спали. Как мы лишились своего места в мире» и Л.Эксурзи «Прокладывая путь в новом мире». // США и Канада. 2004. № 7. с. 104.

²⁰ Ответственность по защите. Доклад Международной Комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета / Генеральная Ассамблея ООН. Док. A/57303; пер. с англ. – Нью-Йорк: ООН, 2001. с. 84.<<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement>>.

²¹ Responsibility to Protect. Report of the international Commission on Intervention and State Sovereignty. – N.Y., Dec. 2001. p. 10. <<http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>>.

²² Ответственность по защите. с. 10.

²³ Там же. с. 34.

²⁴ Там же. с. 52.

²⁵ Отец П.Мартина, Мартин-старший (1903–1992 г.), был видным политическим деятелем Канады, занимал посты государственного секретаря по иностранным делам, министра труда, министра здравоохранения и социального обеспечения.

²⁶ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. (16 сентября 2005 г.). пункт. 138-140. <<http://www.un.org/russian/summit2005/docs.htm>>.

²⁷ Интервью с Гордоном Смитом, директором Центра глобальных исследований Университета Виктории. 17.08.2011.

²⁸ Libya “no template” for NATO mission to Syria // CBC. 19 Nov. 2011.
<<http://www.cbc.ca/news/canada/nova-scotia/story/2011/11/19/halifax-security-forum.html>>.

²⁹ Shane K. “The Responsibility to Protect” at 10. Kofi Annan, Lloyd Axworthy agree it could be used regionally, outside UN context // Embassy. 7 Nov. 2011.
<http://www.embassymag.ca/dailyupdate/view/the_responsibility_to_protect_at_10_11-07-2011Embassy>.

³⁰ МИД РФ: Операция в Ливии должна быть тщательно расследована // РИА Новости. 17.01.2012. <http://ria.ru/arab_war/20120117/541464311.html>.

³¹ Statement by H.E. Dilma Rousseff, President of the federative Republic of Brazil, at the Opening of the general debate of the 66th session of the United Nations General Assembly. N.Y, 21 Sept. 2011. <<http://globalr2p.org/media/pdf/Brazil.pdf>>.

³² Quinton-Brown P. Saving R2P from Syria / Canadian International Council. 14 Aug. 2012.
<<http://www.opencanada.org/features/the-think-tank/saving-r2p-from-syria>>.

³³ Remarks by the United States at an Informal Discussion on “Responsibility while Protecting”. N.Y.: UN, 21 Feb. 2012. <<http://usun.state.gov/briefing/statements/184487.htm>>.

ДНЕСТРОВСКИЙ УЗЕЛ: ПЕРЕД НОВЫМ ВИТКОМ?

Конфликтный проблемный комплекс Приднестровья, переживший в 1990-е гг. фазу резкого обострения, вплоть до вооруженного противоборства, в последние годы производил впечатления определенной сбалансированности на почве обращения к относительно мирным, политическим инструментариям регулирования. Вместе с тем обстановка здесь далека от устойчивой нормализации и отнюдь не дает гарантий от осложнений, особенно в сохраняющихся и даже усиливающихся условиях внутри самих субъектов конфликта, как и во внешних факторах, влияющих на него.

Как представляется, на данный момент шансы на новое обострение в целом остаются высокими. Молдова стоит на пороге подписания соглашения о политической ассоциации с Европейским Союзом, и включение Молдовы в различные общие с ЕС режимы предполагает постановку вопроса о том, должно ли это происходить с вовлечением Тирасполя как формальной части Молдовы или без него. По-своему вполне естественно и логично, что в ответ на активизацию Евросоюза Россия усиливает поддержку Тирасполя. Но в итоге возникают новые стимулы для активизации позиций и самих приднестровских элит.

I. Кишинев: европеисты и изоляционисты

Традиционно политический класс Молдовы делят на румынистов, т. е. сторонников объединения Молдовы с Румынией, и молдавенистов, выступающих за сохранение молдавской государственности. Такое разделение сохраняет актуальность и по сей день, но в целом его значение снизилось. Симптоматичным в этой связи представляется тот факт, что даже такой последовательный унионист молдавской политики, как лидер Либеральной партии М.Гимпу, настаивает теперь на том, что приоритетом Молдовы должно стать не объединение с Румынией, а интегрирование в ЕС (которое, в его представлении, фактически исключает первый приоритет).¹

Существуют альтернативные варианты тех водоразделов, которые присутствуют в концептуальных основах молдавского государственного управления. Внутри Молдовы постепенно формируется консенсус по поводу того, что европейская интеграция – главный стратегический приоритет страны. Именно эта идея представляет собой узловой пункт современного молдавского дискурса. Симптоматично в этой связи название правительственной коалиции, образованной в 2009 г. – Альянс за европейскую интеграцию.

Правительство В.Филата воплощает в себе европейские устремления Молдовы. В его состав входит ряд молодых министров, представляющих новое поколение молдавской политической элиты. То, что многие из них получили в свое время образование в Румынии, свидетельствует не столько о том, что у

каждого из них доминируют прорумынские настроения, сколько о том, что они вынуждены были в условиях упадка молдавской образовательной системы пользоваться доступными средствами повышения своего образовательного, а, следовательно, и социального статуса.

Между тем внутри Европейского Союза страны Восточного соседства (прежде всего, Украина и Молдова) рассматриваются в общей связке, и позитивный консенсус относительно дальнейшего «восточного» расширения ЕС пока отсутствует. Проще говоря, Молдавию в ЕС особенно не ждут, и особенно в близкой перспективе, омраченной кризисными тенденциями. В этих условиях молдавские политики лишаются мотивации на проведение болезненных реформ без гарантированного вступления в ЕС, что они могли бы презентовать общественному мнению в качестве своего выигрыша. Поскольку политическая борьба сосредоточена вокруг вопроса о том, кто победит на следующих выборах, молдавское правительство оказалось в состоянии фрустрации. Это четко отражается в том месседже, который Кишинев направляет Европейскому Союзу. Так, на форуме ЕС-Молдова в октябре 2012 г. в Берлине представители молдавских политических и экспертных кругов напрямую говорили о необходимости срочного политического решения Брюсселя по вопросу интеграции Молдовы в ЕС, подчеркивая, что для успешной европеизации Молдовы остается не более двух лет (через два года пройдут очередные парламентские выборы). При этом кишиневские представители сетовали на молдавское общественное мнение, которое, по их мнению, не готово к серьезным жертвам во имя европейской интеграции. В то же время молдавское правительство воздерживалось от каких-либо серьезных внутренних реформ, уповая на то, что политическое решение о поддержке Молдовы будет все-таки принято в Брюсселе в самое ближайшее время. Однако, несмотря на визиты бундесканцлера А. Меркель и главы Еврокомиссии Ж.Баррозу в Молдову в 2012 г., говорить о фундаментальном сдвиге в политике ЕС в отношении этой страны не приходится.

Что в этой связи для европеистов представляет собой Приднестровье? С одной стороны, молдавская политическая элита рассматривает Приднестровский регион, скорее, как обузу на пути к европейской интеграции, а также как источник множества вызовов для правого берега. Их, прежде всего, тревожит неизбежная перспектива нести крупное финансовое и организационное бремя. В политическом отношении воссоединение левого и правого берегов добавило бы к молдавскому электорату до двух сотен тысяч высоко политизированных избирателей, которые, скорее всего, пополнили бы электоральные ресурсы Партии коммунистов, а не правящего Альянса. В этих сферах отдают себе отчет также в том, что присутствие Приднестровья в политической системе Молдовы усилило бы влияние «русского фактора», что увеличило бы и без того прогрессирующую отчужденность между русскоязычным и молдавским населением. К одному «строптивому» региону – Гагаузии – добавилось бы еще и Приднестровье, что породило бы предпосылки для требований дальнейшей децентрализации страны, что в еще молодой «молдавской нации» воспринимается как угроза национальным интересам.

Поэтому практические шаги молдавских властей в приднестровском вопросе далеки от последовательности. С одной стороны, кишиневские политики

прекрасно осознают, что Европейский Союз ориентируется, прежде всего, на собственные интересы безопасности в качестве ведущего приоритета своей политики в отношении Молдовы. Брюссель уже столкнулся с кипрским вариантом, в рамках которого страна так и не была реинтегрирована в контексте процессов европеизации, а Северный Кипр продолжает до сих пор существовать как территория, на которую не распространяется официально признанная юрисдикция.² Молдавское руководство прекрасно осведомлено о такой позиции ЕС. Именно в этом контексте молдавское правительство пошло навстречу главе Приднестровья Е.Шевчуку в его политике «малых шагов», предполагавшую нормализацию молдово-приднестровских отношений с помощью решения конкретных социальных и экономических проблем, существующих из-за политических противоречий между двумя берегами.

С другой стороны, на практическом уровне внутри Молдовы так и не достигнут консенсус по поводу того, насколько далеко она готова зайти в уступках Приднестровью. В риторике молдавских властей уже слышны сигналы того, что для них политика «малых шагов» зашла в тупик. Так, Е.Карпов, политический представитель Молдовы на переговорах с Приднестровьем, заявил на форуме ЕС-Молдова в октябре 2012 г., что перед дальнейшим продвижением в переговорах необходимо решить ключевой вопрос – о политическом статусе Приднестровья, и что позиция Кишинева остается неизменной: Тирасполь должен согласиться на интеграцию в Молдову на основании нынешней молдавской конституции. Фактически такие действия Кишинева в переговорах с Тирасполем способствуют сохранению существующего статус-кво в процессе конфликтного урегулирования. Реально такое развитие чревато не только продолжением, но и усилением напряженности.

Кишинев, в сущности, возвращается к привычной для себя позиции, в рамках которой он пытается создать на Западе волну секьюритизации будущего Молдовы как европейского государства, которому якобы угрожают сепаратисты, поддерживаемые Москвой. В этих условиях Молдова фактически отказывается решать приднестровскую проблему в надежде на то, что спонсируемый ею негативный образ Тирасполя и Москвы позволит ей повторить кипрский вариант. В стране есть огромное количество различных публицистов, СМИ, экспертов, которые при анализе международно-политической ситуации вокруг Молдовы используют одни и те же мифологемы. Альтернативное аналитическое мнение в Молдове пока находится лишь в начальной стадии формирования.

II. Между крайностями

Что касается нынешней молдавской оппозиции, представленной, прежде всего, Партией коммунистов, то от нее не исходит какого-либо эффективного импульса ни в плане государственного управления, ни конкретно в отношении решения приднестровской проблемы. Если говорить о политической модели, которая приемлема для лидера этой партии В.Воронина, то ею является авторитаризм, режим личной власти, похожий на тот, что существует в нынешней России, Украине или Белоруссии. После прихода к власти Альянса за европей-

скую интеграцию Партия коммунистов долгое время проводила политику «пустого стула», игнорируя заседания молдавского парламента.

С внешнеполитической точки зрения, такая модель управления означает фактический изоляционизм, прикрываемый зачастую лозунгом о многовекторности. В.Воронин известен тем, что в период своего президентства он проводил «бумажную» европеизацию, активно говоря о сближении с ЕС, но, не предпринимая серьезных действий для реализации проевропейского курса. То же происходило и в отношениях с Россией: несмотря на амбициозные предвыборные обещания, В.Воронин активно сопротивлялся усилению политического влияния Москвы в Молдове. Таким образом, речь шла о том, чтобы сохранить режим личной власти при позиционировании Молдовы как независимого государства, во внутренние дела которого не имеет права вмешиваться ни Брюссель, ни Москва.

В том, что касается Приднестровья, коммунисты на риторическом уровне считают его одним из ресурсов сохранения молдавской государственности перед лицом «румынской экспансии». Однако в реальности В.Воронин в бытность президентом Молдовы разрывался между двумя крайностями. С одной стороны, когда он пришел к власти в 2001 г., то попытался наладить активное взаимодействие с Тирасполем. С другой стороны, когда речь зашла о достижении серьезных договоренностей, которые бы ограничили его власть и заставили бы его пойти на значительные компромиссы, В.Воронин дал резкий ход назад. Так, он сначала объявил информационную, экономическую и политическую блокаду Приднестровья, а после истории с т. н. Меморандумом Козака перешел к конфронтации в отношениях с Россией. Но уже с 2006 г. Воронин попытался снова заключить фактически тайные соглашения с Москвой и с помощью дружественной риторики побудить ее содействовать реинтеграции Молдовы. Неизменно проводилась непрозрачная, непредсказуемая, крайне эмоционально окрашенная политика, которая в итоге полностью разрушила имидж Воронина как надежного партнера как в Тирасполе и Москве, так и на Западе. Обращение к геополитическим конструктам также входило в противоречивый инструментарий внешней политики Молдовы в годы, когда Партия коммунистов была правящей. Это было то «стратегическое партнерство» с Россией, то жесткое оппонирование ей и проведение курса на интеграцию в ЕС при игнорировании приднестровского вопроса.

Таким образом, в Молдове вне зависимости от политической направленности власти существует доминирует склонность либо к игнорированию существования приднестровского вопроса как такового, либо к попыткам разрешить его при помощи внешних акторов. Премьер-министр В.Филат попытался в своей прагматичной политике, в том числе в отношении Приднестровья, сломать эти схемы, однако политические резоны и доминирующие среди общества и элит мыслительные конструкты препятствуют реализации альтернативных, более позитивных сценариев государственного управления и решения приднестровского вопроса.

III. «Режим ожидания»

Начиная с 2005 г. в приднестровской политической системе были заложены серьезные основы для полицентризма, наличия серьезной оппозиции и относительно конкурентных выборов. Однако по вопросам государственного управления и по приднестровской проблеме между различными властными группировками наблюдались существенные расхождения. В этих условиях прагматизм Е.Шевчука, также как и В.Филата, столкнулся с серьезными структурными препятствиями.

На протяжении как минимум двух десятилетий И.Смирнов, президент Приднестровья с 1990 по 2011 г., проводил довольно жесткий курс, который предполагал переговоры с Молдовой лишь по поводу нормализации двухсторонних отношений между Молдовой и Приднестровьем как двумя независимыми государствами. Кроме этого, Смирнов считал безальтернативной политику, нацеленную на ту или иную степень интеграции с Россией. Воспользовавшись сначала провалом Меморандума Козака в ноябре 2003 г., а потом и т. н. экономической блокадой со стороны Украины, Молдовы и ЕС в марте 2006 г. (причиной которой был переход к политике обязательной регистрации приднестровского экспорта на молдавской таможне), Тирасполь заявил о проведении очередного референдума о независимости, на котором абсолютное большинство граждан высказалось за независимую Приднестровскую Молдавскую Республику и ее свободное присоединение к России.

Такие действия отразили не просто тактический маневр официального Тирасполя, но и глубинные изменения в философии приднестровских элит. Если ранее Приднестровье старалось сохранять относительную автономию во внутренних делах (особенно в свете глубокого экономического и политического кризиса в самой России), то примерно с 2004 г. власти Приднестровья ориентировались на то, чтобы как можно теснее привязать регион к России, прежде всего к ее бюджету. Причинами этого послужили: и возвращение России к традиционной логике «сфер влияния» (в этом случае – на постсоветском пространстве), и кризис приднестровской экономической модели, которая с 2006 г. демонстрирует неуклонное падение своей автономии и функциональности, и фактическая заморозка отношений с Кишиневом, в том числе по вине последнего.

В итоге Россия практически ежегодно выделяет Приднестровью стабилизационные транши, прежде всего для поддержания финансовой стабильности и ограниченных вливаний в социальную систему. В частности, в 2012 г. было объявлено о выделении 150 млн. долларов.³ Регион фактически прекратил выплаты за российский газ, аргументируя это тем, что ключевые потребители газа в Приднестровье на данный момент – крупные предприятия вроде Молдавской ГЭС и ММЗ, находящиеся в собственности российских концернов. Долги Приднестровья за газ уже перевалили за 3 млрд. долларов. Был объявлен также курс на интеграцию в российскую образовательную, информационную, а затем и валютную системы.

С 2005 г. в Приднестровье начала формироваться серьезная оппозиционная сила – партия «Обновление», которая в 2009 г. в лице своего руководителя Е.Шевчука бросила И.Смирнову открытый вызов. Политическая риторика об-

новленцев жидилась, среди прочего, на идее о том, что И.Смирнов фактически отказался от решения конкретных проблем приднестровского общества, и что в регионе наметился серьезный кризис государственного управления. Однако при новом лидере А.Каминском «Обновление» совершило скорее консервативный поворот. Каминский в ходе президентских выборов в декабре 2011 г. попытался позиционировать себя как «кандидата Кремля», говоря не столько о механизмах решения тех или иных социально-экономических проблем, сколько о том, как им была достигнута договоренность с Россией о выделении нового транша в 300 млн. долларов.⁴ Победивший на выборах Е.Шевчук поначалу выступил за изменение парадигмы приднестровского государственного управления. В Москве в связи с его ожесточенной борьбой с И.Смирновым некоторые политтехнологи изображали его сторонником «оранжевой» революции, что, вообще-то говоря едва ли было вполне корректным. Е.Шевчук приоритетом своей политики объявил содействие улучшению жизни простых граждан и экономических субъектов Приднестровья. Его политический язык обнаруживал гораздо меньше идеологических тонов, чем у его предшественников, был в большей степени технократическим. Однако любая программа реформ упиралась в ключевую проблему – фактическую взаимную блокаду Приднестровья и Молдовы. В связи с этим Е.Шевчук в отношениях с Молдовой объявил политику «малых шагов», предложив Кишиневу двигаться к решению сложных вопросов через урегулирование практических проблем в сфере образования, транспортной инфраструктуры, медицинского обеспечения. Кишинев, по сути, получал сигнал о том, что Тирасполь готов пойти в переговорах настолько далеко, насколько к этому готов Кишинев. В итоге стороны смогли добиться некоторых символических договоренностей, прежде всего, о возобновлении минимального железнодорожного сообщения.

Однако эксперимент с «тактикой малых шагов» столкнулся с серьезными внутренними и внешними препятствиями. Несмотря на определенный контроль над СМИ и в целом над политическим полем, приднестровским властям не удалось воспрепятствовать появлению мнения о том, что они проводят скрытую политику по «сдаче» Приднестровья Молдове. Такая реакция связана как с деятельностью оппонентов нынешней власти, так и с убежденностью общественности в том, что молдавская и западная враждебность делает лишь Россию главным союзником, защитником и гарантом существования Приднестровья.

Москва продемонстрировала заинтересованность в Тирасполе, прежде всего, как в инструменте влияния на Молдову. В контексте переговоров между Кишиневом и Брюсселем о подписании соглашения о политической ассоциации обеспокоенность Москвы за судьбу ее влияния на Молдову возросла. Следы российского обструкционизма видны, например, в позиции Тирасполя относительно заключения соглашения о DCFTA (режим частичной интеграции Молдовы в зону свободной торговли с ЕС). Уже в конце 2013 г. Молдова и ЕС могут достигнуть соответствующей договоренности и оформить ее юридически, и Приднестровье фактически окажется в новой «экономической блокаде», будучи не способной больше использовать молдавские преференции в торговле с ЕС.

Как говорят представители Молдовы и ЕС, они приглашают Тирасполь к переговорам, однако Приднестровье от прямых переговоров уклоняется.

Постепенно становилось ясно, что сам Е.Шевчук практически отказывается от политики «малых шагов», ссылаясь на неуступчивость молдавской стороны. Это приводит к тому, что официальный Тирасполь постепенно возвращается к парадигме государственного управления, основанной на зависимости от России. «Евразийская интеграция» объявлена главным внешнеполитическим приоритетом Приднестровья. Развернулся активный диалог по развитию двусторонних партнерских программ с Россией в сфере денежного обращения, социального обеспечения, образования и т. д. Фактически одним из немногих успехов прошедшего года можно назвать хорошие формальные результаты политики строгой финансовой экономии. К вопросу газовых долгов, финансовой независимости уже никто практически не возвращается.

Однако, как и в случае с Молдовой, такая ориентация на однозначную зависимость от внешнего фактора и отказ от решения практических проблем, прежде всего, в контексте приднестровского урегулирования, вряд ли жизнеспособна в средне- и долгосрочной перспективе. Как в интервью автору еще в 2010 г. заявил один из критически настроенных приднестровских экспертов, в Тирасполе доминирует представление, что «Россия нас спасет», в то время как на самом деле Приднестровье представляет собой «корабль, плывущий в открытый океан в непонятном направлении».⁵ Уязвимость модели, ориентированной на интеграцию с Россией, заключается в том, что российское отношение к Приднестровью во многом инструментально: Москва отнюдь не жаждет вкладывать серьезные финансовые средства в регион, хотя и готова поддерживать его «на плаву». В связи с этим ожидания, связанные с официальным признанием Приднестровья Россией, вряд ли реалистичны. Главная проблема для Тирасполя, как заявил автору другой приднестровский эксперт, заключается в том, что Россия видит отношения с ним в контексте проблемы сохранения контроля над всей Бессарабией.

Поэтому российские обязательства в отношении Приднестровья скорее всего носят тактический характер. Пока не очень понятно, как Д.Рогозин, спецпредставитель президента России по Приднестровью, заявивший в интервью приднестровскому телеканалу,⁶ что Молдова обязательно согласится на открытие российского консульства в Тирасполе, отнесся в последующем к своему прогнозу особенно на фоне того, что официально премьер-министр В.Филат уже отказал России в этом.⁷ Ожидания жителей Приднестровья могут снова оказаться завышенными. Приднестровье ставит себя в полную зависимость от России, в которой пока еще весьма велики кризисные ожидания в сфере экономики и политики. Поэтому Приднестровье рискует остаться в одиночестве с очень серьезно испорченным имиджем на Западе (который, правда, начал улучшаться даже в Румынии после выборов декабря 2011 г.). Украина, которая до 2006 г. помогала Приднестровью преодолевать международную изоляцию, также вряд ли пойдет на серьезные изменения своей политики в контексте высоких чисто технических требований к Киеву со стороны ЕС по охране и мониторингу государственных границ, таможни и т. д.

Таким образом, в Приднестровье сложился консенсус относительно приемлемости внешнеполитической ориентации на Россию и серьезной экономической и политической зависимости от нее. Для Приднестровья такой курс в нынешних международно-политических условиях (когда серьезно сужена свобода маневра) является залогом сохранения де-факто государственности. Тем не менее, для региона опасен тот факт, что снова происходит возвращение к политике сохранения статус-кво, которое в средне- и долгосрочной перспективе способно сработать на рост конфликтности.

IV. Девиз – ответственность

Несмотря на волну прагматизма 2012 г., как Тирасполь, так и Кишинев снова возвращаются к привычным моделям, в рамках которых ставки делаются на решающее значение внешнего фактора в судьбе обоих политических образований. Между тем ни Молдова, ни Приднестровье не имеют серьезных шансов для того, чтобы реализовать свои ожидания кроме разве что в очень урезанном формате. Даже если соглашения об ассоциации между Кишиневом и Брюсселем будет подписано, это не будет означать, что решение приднестровского конфликта исчезнет как условие европейской интеграции Молдовы. Что касается Приднестровья, то его перспективы не менее туманны: вряд ли Россия в ближайшей перспективе сможет расширить поддержку Тирасполя и выйти за рамки уже оказываемой финансовой, газовой и политико-дипломатической поддержки.

В этой связи еще раз хотелось бы отметить решающее значение внешнего посредничества и, в целом, поведения внешних акторов для судьбы приднестровского урегулирования. И у России, и у ЕС пока отсутствует четкая политическая линия на этот счет. В Брюсселе никто до сих пор не задумывался о тех бонусах – экономических и политических – которые могли бы быть предложены Кишиневу в рамках переговоров с Тирасполем. Сфера переговоров, ведущихся Кишиневом, находится вне какого-либо контроля и даже серьезного мониторинга со стороны ЕС, якобы по причине того, что это суверенное дело Республики Молдова. Такая неактивная позиция приводит к тому, что Молдова по вышеуказанным причинам не заинтересована в серьезном реформировании существующего статус-кво. Факт этого хорошо иллюстрируется фразой, которую в интервью автору сказал один из кураторов «молдавской проблематики» в Европейском парламенте: «Если Молдова как-то захочет договориться с Тирасполем, то наш главный инструмент, который мы сможем предложить, – деньги».⁸ Но как раз денег – то, скорее всего, может и не достать.

Москва же в целом довольно последовательно поощряет зависимость Тирасполя от России. Тем самым создаются все предпосылки для дальнейшей фактической суверенизации Приднестровья. Россия, вероятно, смогла бы стимулировать этот процесс, при условии успешного продвижения и осуществления тех более обширных геостратегических программ, которые намечаются сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гимпу заверил, что не намерен продвигать политику объединения Молдавии с Румынией // ИА «Новый регион». 07.09.2009. <http://www.nr2.ru/policy/248112.html>.

² Евроинтеграция Молдавии возможна только после разрешения приднестровского конфликта, считает посол Германии в РМ // Новый регион. 28.02.2011. <http://www.nr2.ru/kishinev/322338.html>.

³ СМИ: Россия выделяет Приднестровью \$150 млн экстренной помощи // Регнум. 16.03.2012. <http://pda.regnum.ru/news/1510798.html>.

⁴ 300 млн долларов Россия готова направить в Приднестровье. 24.11.2011. <http://dniester.ru/content/300mlndollarovrossiyagotovanapravitpridnestrove>.

⁵ Интервью автора, февраль 2010 г.

⁶ Интервью Д.Рогозина Приднестровскому телевидению (ТВ ПМР). 20.11.2012. <http://forum-pmr.ru/threads/intervju-rogozina-pridnestrovskomu-televideniju.5701>.

⁷ Консульство РФ в Тирасполе не может быть открыто – премьер Молдавии // РИА Новости. 05.12.2012. <http://ria.ru/politics/20121205/913508548.html>.

⁸ Интервью автора, июнь 2011 г.

ИННОВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО МЕХАНИЗМА США

С начала 1990-х гг. на страницах научных журналов и специализированных изданий США ведутся оживленные дискуссии по поводу так называемой «революции в военном деле» (Revolution in Military Affairs) и связанным с ней процессом реформирования вооруженных сил.

Цель революции в военном деле, указывается в исследованиях на эту тему, – перевод вооружённых сил США на новейшие технологии, организацию и оперативные концепции таким образом, чтобы военно-политическое руководство могло проецировать военную мощь глобально, в любую точку мира.¹ Как пишет вице-президент авторитетнейшей исследовательской корпорации РЭНД Том Макнаугер, – «идея революции в военном деле будоражит воображение и умы военных специалистов и политиков в течение почти трёх десятилетий. За этот период Министерство обороны инвестировало в новые технологии и эксперименты огромные средства».²

Важнейшее значение в концепции «революции в военном деле» придаётся информационным и телекоммуникационным технологиям, позволяющим улучшить характеристики оружия. При этом утверждается, что в будущем значение информации в военном деле будет только возрастать.

I. Ключевой фактор

Главной целью военно-политического руководства США в области создания новейших военных технологий провозглашено «обеспечение боевых подразделений более передовыми по сравнению с вооруженными силами других стран и доступными по стоимости системами вооружений, позволяющими американским ВС решать возложенные на них задачи и дающими им революционные возможности для одержания победы».³ Имеются в виду, прежде всего, технологии «стелс», средства ночного видения, адаптивная оптика, высокоэнергетические лазеры, радары с фазированной антенной решеткой, спутниковые средства связи, разведки, навигации и управления, двигательные установки на альтернативных источниках энергии, космические средства выведения, перспективные конструкционные материалы, новейшие цифровые технологии, роботехнические системы (в том числе и с элементами искусственного интеллекта), нанотехнологии и т. п. Военно-техническое превосходство, по мнению, например, бывшего председателя Комитета начальников штабов (КНШ) адмирала Майкла Маллена, – решающее условие военно-стратегического превосходства ВС США над любым вероятным противником.

С 1958 г. в рамках Министерства обороны страны функционирует Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов ДАРПА (De-

fense Advanced Research Projects Agency – DARPA). Его задача – поддержание технологического превосходства в сфере обороны и предотвращение технологических вызовов, способных подрвать военно-стратегическое превосходство США. Реализуется эта функция путём управления и спонсирования высокорисковых и высокорезультативных исследований в наукоемких отраслях промышленности.

Как отметили в своей книге «Роль ДАРПА в развитии революции в военном деле» сотрудники Института оборонного анализа Р. ван Атта и М.Липиц, главная цель агентства состоит в инициировании прорывных высокорисковых разработок в интересах обороны и безопасности, модернизации вооруженных сил, создании инновационных технологий.⁴ Агентство организует поиск и заказ на разработку, апробацию и сопровождение перспективных инновационных научно-технических идей и передовых конструкторских и технологических решений в области создания высокоэффективных систем вооружений и военной техники, производства высокотехнологичной продукции военного и двойного назначения, осуществляет финансирование этих мероприятий и проектов.

На политико-военном уровне, в частности, в области принятия быстрых и эффективных решений по развитию инновационных технологий (военного и двойного назначения) деятельность ДАРПА считается весьма эффективной. Среди наиболее известных научно-технических достижений агентства – Стратегическая оборонная инициатива (СОИ); технологии «стелс»; спутниковая система глобального позиционирования GPS (Global Positioning System); ракета-носитель «Сатурн-5», доставившая американских астронавтов на Луну; беспилотная авиация; штурмовая винтовка M-16; предшественник Интернета – Арпанет (Advanced Research Projects Agency Network – ARPANet). При этом бюджет ДАРПА относительно невелик. Например, в 2011 финансовом году он составил 3,1 млрд. долл. В штат агентства входит несколько сотен сотрудников, которые определяют потенциальные прорывные направления развития научно-технического прогресса в области обороны и выступают в роли заказчика инновационных технологий.

Некоторые исследователи считают, что ДАРПА служит «технологическим двигателем» реформирования Минобороны и вооруженных сил в целом, тогда как создание прорывных военных технологий – задача долгосрочного процесса трансформации американских вооруженных сил в «армию нового типа».⁵ Исследователь из Джорджтаунского университета Д.Уско полагает, что уже в ближнесрочной перспективе для нужд вооруженных сил США будет применяться принцип «дистанционного прототипирования», при котором структуры материально-технического обеспечения, используя новейшие цифровые технологии и высокотехнологичное оборудование, смогут вместо доставки запчастей на поле боя производить их на месте.⁶ Отметим, что американское военное руководство существенно продвинулось в этом направлении, широко внедрив в деятельность структур материально-технического обеспечения специальные технологии, позволяющие реагировать на потребности войск в режиме реального времени.

При выборе стратегии в области развития инновационных технологий американские военные специалисты, в первую очередь, учитывают следующие

факторы: значительное влияние на систему национальной безопасности асимметричных угроз; необходимость расширения сферы применения гражданских технологий в военной области; потребность в ускоренном развитии концепции «революции в военном деле».⁷

Американские специалисты, в частности, С.Джерми, Дж.Гэнслер, У.Хартунг, П.Сингер, М. ван Кривелд, выделяют следующие важнейшие тенденции развития военных технологий, которые к концу десятилетия окажут революционное воздействие на формы и методы ведения боевых действий и будут сопоставимы с появлением в XIV в. огнестрельного оружия.⁸ К ним относятся:

- комплексная информатизация боевого пространства, в результате чего резко повысится ситуационная осведомленность, переход к сетцентричным принципам управления боевыми действиями;
- милитаризация космического пространства, что будет способствовать революционной трансформации организационных и оперативно-стратегических концепций;
- освоение беспилотной авиацией гиперзвуковых скоростей и больших высот, что сделает ее неуязвимой для современных систем ПВО;
- развитие беспилотных и безэкипажных роботизированных систем вооружений, что резко изменит картину всего боевого пространства;
- комплексное снижение заметности боевых платформ во всех физических полях, переход к управлению физическими полями боевых средств в зависимости от поставленных задач (технологии «стелс» второго поколения);
- развитие самонаводящихся боеприпасов, определяющих приоритетность целей, а также высокопроизводительных автоматизированных систем боевого управления, действующих в автономном от человека режиме;
- создание оружия на новых физических принципах, способного значительно повысить поражающую способность новейших систем вооружений.

В целом, главная тенденция развития в сфере военных технологий, как считают, например, Н.Фридмен и П.Митчелл, – повышение автономности боевых платформ, снижение их зависимости от действий оператора, в том числе в рамках перехода к концепции «сетцентричной войны» (с рассредоточенными в боевом пространстве датчиками поступления информации, средствами по ее обработке и передаче, боевыми платформами).⁹ Планируется, что уже в недалеком будущем оператор автономных роботизированных многофункциональных систем вооружений (в том числе, с элементами искусственного интеллекта) будет либо полностью исключён из процесса принятия решений по применению боевых средств, либо его участие будет сведено к блокированию несанкционированного решения, принятого автоматизированной системой управления.

Как следует из многочисленных исследований в области изучения перспективных форм и методов ведения боевых действий, в эпоху мировой тенденции сокращения численности вооружённых сил инновационные военные технологии становятся эффективным инструментом, позволяющим не только сохранить жизни военнослужащих, но и получить ряд важных военно-стратегических преимуществ над противником, повысить боевые возможности

воинских формирований в целом.¹⁰

В качестве прорывных военных технологий, способных изменить характер ведения боевых действий в XXI в., рассматриваются, прежде всего, беспилотные летательные аппараты (ударные и разведывательные), а также безэкипажные роботизированные комплексы (наземные, подводные и надводные), которые уже к концу десятилетия должны частично заменить военнослужащих на театре военных действий. Планируется, что за человеком останется лишь функция оператора, осуществляющего управление многоцелевыми платформами в боевом пространстве.

Отметим, что беспилотные летательные аппараты применяются американскими вооруженными силами в боевых действиях с конца 1990-х гг., в частности, в Ираке и Афганистане. При этом наиболее активно используются аппараты MQ-1 «Прэдейтор» (Predator) и MQ-9 «Рипер» (Reaper), в которых реализованы технологии снижения заметности в различных спектральных диапазонах. Эти высокотехнологичные роботизированные разведывательно-ударные авиационные комплексы не только обеспечивают получение необходимого объёма разведанных. С их помощью также осуществляются высокоточные удары, в том числе в труднодоступных районах и по хорошо укрепленным объектам.

В целях наращивания боевых возможностей стратегической бомбардировочной авиации, наряду с активной модернизацией стоящих на вооружении тяжелых бомбардировщиков, которые планируется сохранить в боевом составе до 2040-х гг., осуществляется программа разработки стратегического ударного бомбардировщика следующего поколения.¹¹ Работы ведутся двумя группами фирм-разработчиков проекта. Первую группу возглавляет корпорация «Локхид–Мартин», вторую – корпорация «Нортроп–Грумман». Основное требование к стратегическому бомбардировщику следующего поколения со стороны американского военного руководства – способность уничтожать объекты в глубине территории противника высокоточными средствами поражения в неядерном оснащении. При этом функция носителя ядерного оружия за перспективным бомбардировщиком также будет сохранена в качестве приоритетной.

При создании новейшего стратегического бомбардировщика планируется использовать передовые технологические достижения, опробованные в процессе разработки, изготовления и проведения летных испытаний новейших тактических истребителей-бомбардировщиков F-22 «Рэптор» (Raptor) и F-35 «Лайтнинг-2» (Lightning) фирмы «Локхид–Мартин», стратегического бомбардировщика B-2A «Спирит» (Spirit) фирмы «Нортроп–Грумман», а также инновационные технологии, реализованные в демонстрационных образцах боевых беспилотных летательных аппаратов X-45A фирмы «Боинг», X-47B фирмы «Нортроп–Грумман» и «Поулкэт» (Polecat) фирмы «Локхид–Мартин». По расчётам специалистов, полномасштабная разработка новейшего стратегического бомбардировщика должна начаться в 2013 г., а принятие на вооружение – в 2017 г. с формированием первой боеготовой эскадрильи не позднее 2020 г. Общая стоимость программы приобретения с учётом поставки в войска до 100 машин может составить около 30 млрд. долларов. Причём количество планируемых к поставкам в боевые подразделения новых машин командование ВВС напрямую

связывает с оснащением существующих и перспективных типов стратегических бомбардировщиков новейшими крылатыми и управляемыми ракетами большой дальности, в первую очередь, ракетой JASSM (Joint Air to Surface Standoff Missile), различные модификации которой имеют дальность от 1300 до 2500 км.

По мнению экспертов, в случае успешной реализации этой программы ВВС получат на вооружение стратегический бомбардировщик, способный наносить высокоточные удары на межконтинентальную дальность, что, в свою очередь, не позволит допустить в перспективе снижения боевых возможностей стратегической авиации и последовательно отработать наиболее критичные технологии, необходимые для создания машин следующего поколения.

Активные мероприятия военно-политическое руководство проводит и в области создания гиперзвуковых летательных аппаратов, способных выходить в верхние слои атмосферы и имеющих трансконтинентальную дальность, в частности, гиперзвуковой крылатой ракеты X-51A «Вейв райдер» (Wave Rider) фирмы «Боинг». Работы в области создания новейших авиационно-космических систем ведутся и в так называемой «Зоне 51» (штат Невада) – научно-производственном комплексе, все исследования в котором проводятся в закрытом режиме.¹²

Приоритетными считаются также научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), ведущиеся в профильных лабораториях, по созданию оружия на новых физических принципах, в частности, различных видов оружия направленной энергии (directed energy weapons).¹³ Так, разработка твердотельных лазеров (solid-state laser) ведется руководством ВВС по программе BLA (Boeing Laser Avenger) и руководством сухопутных войск по программе HLONS (HMMVV Laser Ordnance Neutralization System). Руководство ВМС, в свою очередь, отвечает за исследования и разработку лазерной установки на свободных электронах по программе MLD (Maritime Laser Demonstration programme).

Таким образом, динамика развития новой революции в военном деле предопределяет и характер военного строительства, направленного не на количественное, а, прежде всего, на качественное усиление военной мощи, призванной обеспечить возможность глобального проецирования силы.

II. Трансформация военной доктрины

В новейшем труде ведущего научного сотрудника Совета по международным отношениям и члена консультативной группы КНШ Макса Бута «Обновлённая война» прослеживается история развития средств ведения войны в разных странах на протяжении почти пяти столетий, когда новые изобретения в технологиях соединялись с новой тактикой, тем самым меняя облик войны и приводя к «величайшим изменениям в средствах ведения военных действий».¹⁴ М.Бут называет четыре таких важнейших изобретения с 1500 г.: получение чёрного пороха; создание ружей и железных дорог (эпоха Первой промышленной революции); начало производства танков и самолётов, которое он связывает со Второй промышленной революцией; современная информационная революция. Иллюстрируя каждый из этих четырёх этапов примерами из военной исто-

рии, автор делает вывод: «Со стороны правительства США было бы глупо не продолжать нынешнюю революцию в военном деле» (дело в том, что у концепции «революции в военном деле» среди специалистов, аналитиков и высоких военных чинов есть и противники). Особый упор М.Бут делает на развитие именно информационных технологий, ибо, как он считает, «информационная составляющая всё ещё находится на ранней стадии в США, из-за чего они не могут быть названы лидером» в этой области. Вместе с тем эксперт сомневается в том, что какая-либо страна в ближайшее время сможет бросить Соединённым Штатам вызов в этой области. «Слишком высоки барьеры, которые надо преодолеть», – пишет он.

В еще одной солидной работе на эту тему – книге «Найти цель: трансформация американской военной политики» -- её автор Фредерик Кэган анализирует развитие военного дела в течение пяти десятилетий (а не пяти столетий, как М.Бут) и только в США (а не по всему миру).¹⁵ Он отмечает, что военные планировщики, увлечшись «экзотическими теориями» (к ним он причисляет, в частности, информационные технологии), упускают из виду несколько важных аспектов «реальной трансформации» вооружённых сил. По его суждению, рано сбрасывать со счётов сухопутные войска – «традиционные вооружённые силы в войне с обычным оружием». Ф.Кэган рекомендует увеличить численность «активных подразделений армии» на 200 тыс. военнослужащих, а военные расходы – «по крайней мере на 1% ВВП». Свои рекомендации автор обосновывает утверждением, что «реальная опасность» для США в ближайшем будущем будет исходить прежде всего из таких стран, как Китай, Иран, Северная Корея и Пакистан, и что войны с целью «изменить режимы», подобные тем, что идут в Ираке и Афганистане, «скорее всего примут характер эпидемии».

М.Бут и Ф.Кэган фокусируют внимание на том, что «успех операции зависит от лучшего использования интеллекта и разума», а также информации. И ещё: изменения, происходящие в военном деле, «потребуют инновационного мышления на каждом уровне организации». Авторы настойчиво указывают на необходимость повышенного внимания командования к новейшим технологиям, а это «абсолютно главное для понимания сетецентричного мира». «Высшие военные чины должны быть готовы к тому, что у них будет меньше прямого контроля над подчинёнными, – пишут они. – Возможно, даже само понятие «командование и контроль» придётся определить по-другому». Вице-президент корпорации РЭНД Т.Макнаугер поддерживает советы М.Бута и Ф.Кэгана. Эти советы, пишет он, помогут правительству США «избегать в будущем конфликтов, подобных иракскому, в котором американские военные увязли», или, по крайней мере, «лучше справляться с ними». Особенно серьёзно Макнаугер призывает отнестись к выводам Кэгана насчёт участия в войнах «по изменению режимов». «Кэган прав, когда предсказывает, что в будущем будет больше таких войн, – пишет Макнаугер. – Например, нынешняя ситуация в Северной Корее может легко привести к одной из них». И это «слишком серьёзно, чтобы их игнорировать».

Трансформации военной доктрины посвящена еще одна книга – «Ориентируясь на войну: как добиться превосходства в сроках обработки информации в сетевой войне».¹⁶ Она написана авторским коллективом из Центра техноло-

гий и политики национальной безопасности Университета национальной обороны в Вашингтоне во главе с известным специалистом, профессором Дэвидом Гомпертом, занимавшим в своё время ответственные посты в Государственном департаменте, Совете национальной безопасности, корпорации РЭНД и работавшим на предприятиях электронной промышленности.

Авторы книги, «принимая информационную революцию за отправную точку, – пишет в предисловии к их труду бывший заместитель командующего Объединенным командованием специальных операций и командующий силами специальных операций ВМС контр-адмирал в отставке Р. Смит, – доказывают, что только путём усиления взаимосвязи между информационными технологиями и интеллектом американские вооруженные силы станут более боеспособными и более быстрыми по сравнению с будущими противниками».

По прогнозам ученых, информационные технологии и новые принципы организации войск позволят вооружённым силам получать больше качественной информации, увеличат точность оружия, дадут возможность рассредоточить боевые платформы (т. е. самолёты, корабли и танки), являющиеся носителями вооружений, на время скоординированного огневого удара. Передовые информационные и телекоммуникационные технологии, по их словам, создают новые возможности для соединения посредством информационных сетей рассредоточенных по всему миру объединённых и многонациональных группировок и обеспечения их более полными и качественными данными как о своих силах и средствах, так и о силах и средствах противника на оперативно-тактическом уровне. Одним словом, информационные технологии содержат в себе значительный потенциал повышения эффективности действий американских вооружённых сил.

В руководящих документах Министерства обороны США информационное превосходство определяется как способность собирать, обрабатывать и распределять непрерывный поток информации о ситуации в боевом пространстве, препятствуя противнику делать то же самое. Информационное превосходство может быть также определено и как способность назначать и поддерживать такой темп проведения операции, который превосходит любой возможный темп противника, позволяя доминировать во всё время её проведения, оставаясь непредсказуемым, и действовать, опережая противника в его ответных акциях.¹⁷

Достижение информационного превосходства призвано в этом контексте стать ключевой задачей стратегии боевого применения и развития вооружённых сил США, поскольку оно даёт объединённой группировке возможность превзойти противника. Объединённая группировка должна быть в состоянии воспользоваться информационным превосходством, чтобы превратить его в превосходящую ситуационную осведомлённость, необходимую для достижения «превосходства в сфере принятия решений».

Речь идёт о более оптимальных решениях, которые принимаются и реализуются быстрее, чем на них может прореагировать противник, или, при отсутствии боевых действий, такими темпами, которые позволяют группировке создать благоприятную для себя обстановку либо прореагировать на её изменения и выполнить свою задачу. Признается, правда, что для этого требуются также

соответствующие изменения в организационной структуре и доктринах, соответствующий уровень боевой подготовки и опыта, также необходимы надлежащие механизмы и средства командования и управления.

В перспективе, по мнению американских аналитиков, боевые действия будут вестись не только силами объединённых группировок. В них будут задействованы и резервные компоненты вооружённых сил, гражданские специалисты, представители федеральных ведомств и других государственных организаций. Кроме того, они будут иметь коалиционный характер. Соответственно, эффективность таких действий будет напрямую зависеть от способности организовать обмен информацией как в национальном, так и в международном масштабе.

В целом, достижение оперативной совместимости остаётся ключевым требованием, выполнение которого обеспечивает возможность проведения операций составом объединённых или коалиционных группировок, на чём исследователи из корпорации РЭНД настаивают с начала века. В вооружённых силах США сохраняется выработанный ещё в 1990-е гг. курс на создание единой информационно-управляющей структуры, объединяющей функции и возможности систем управления, связи, разведки и компьютерного обеспечения различных видов и звеньев управления вооружённых сил. Но внедрение новых информационных технологий в системы вооружений резко меняет формы и способы боевых действий, позволяя серьёзно говорить о возможности приведения боевых действий к «цифровой форме».

Предполагается, что активная информатизация военного дела, «интеллектуализация» высокотехнологичных систем вооружений существенно меняют характер ведения военных действий, открывают принципиальную возможность достижения военно-политических целей не только без крупномасштабных боевых столкновений, но и вовсе без вооружённой борьбы в её обычном понимании. Планируется, например, что в экипировку каждого военнослужащего в обязательном порядке должны входить помимо современного оружия надёжные высокопроизводительные средства приёма, отображения, обработки и передачи информации о боевой обстановке, аппаратура спутниковой навигации, устройства её сопряжения с индивидуальными средствами отображения информации, причём не разрозненно, а объединено в индивидуальный малогабаритный комплект. Отдельные подразделения, а в случае необходимости и каждый военнослужащий, получают постоянную связь с командованием любого уровня независимо от расстояния, надёжное управление и взаимодействие с другими подразделениями, оперативный обмен разведданными. Решение этих задач призвано вывести на новый качественный уровень управление войсками и в несколько раз повысит их боевой потенциал.

Информационные технологии, их применение в военном деле меняют содержание понятия «военно-технологическое превосходство»: теперь его важнейшим элементом становится информационное превосходство, под которым понимается не обладание информацией в большом объёме, а более высокая степень её осмысления и более глубокое осознание ситуации в боевом пространстве. По своим последствиям, считают американские аналитики, ны-

нешнюю информационную революцию можно сравнить только с созданием в XX в. ракетно-ядерного оружия.

Классический взгляд на революцию в военном деле как на процесс военного строительства с использованием новейших военных технологий более технически развитым государством в последние годы претерпел изменения и трансформировался в поиск принципиально иных форм ведения конфликта, которые дали информационные технологии и другие новейшие разработки в военном деле. Так, если в течение XX в. основной упор в разработке военной техники делался на боевые платформы, то теперь важнее становится «сеть» – электронная «паутина», соединяющая воедино все системы вооружений, что делает целое большим, чем сумма составляющих его частей.

Концепция предполагает, что достижение успеха в вооружённой борьбе будет происходить не за счёт преимущества в численности и огневой мощи войск, а в результате превосходства в информационных возможностях и применения воинских формирований, построенных по принципиально новым организационным принципам. Применение этой концепции в качестве основы программ развития американских вооружённых сил рассматривается и военно-политическим руководством США как начальный этап создания технологически совершенного инструмента ведения боевых действий будущего.

Заметным вкладом в обсуждение на страницах научной литературы темы новой «революции в военном деле» стала вышедшая в конце 2010 г. в издательстве Стэнфордского университета книга научного сотрудника Программы исследований национальной безопасности Гарвардского университета Д.Адамского «Культура военной инновации: влияние культурных факторов на революцию в военном деле в России, Соединённых Штатах и Израиле». Д.Адамский справедливо отмечает, что новая «революция в военном деле» испытывает на себе всё возрастающее воздействие научно-технического прогресса, особенно его новейшего компонента – информационной революции. Именно широкое внедрение в военное дело в начале 1990-х гг. новейших цифровых технологий, ранее разработанных для гражданских информационно-коммуникационных систем, стало основанием для начала новой военной революции. Её активному обсуждению в американском экспертном сообществе способствовало также в целом успешное применение в первой войне против Ирака (1991 г.) новейших образцов управляемого высокотехнологичного оружия, истребителей-бомбардировщиков, созданных по технологии «стелс», а также демонстрация американским военным руководством возможности управлять боевыми действиями с территории США с применением космических систем связи, разведки и навигации. По мнению Адамского, революция в военном деле – прежде всего результат «нового мышления» американского военно-политического истеблишмента, а не, например, вливания дополнительных финансовых средств.¹⁸ Проведенные многими американскими аналитиками, в том числе Б.Хьюзером, Дж.Краска, С.Джерми и М.О'Хэнлоном, исследования в этой области показывают, что в целом содержание концепции «революции в военном деле» в её нынешней трактовке сводится к следующему:¹⁹

- массированное применение информационных и телекоммуникационных технологий в системах связи, разведки, навигации и управления;

- ведение боевых действий с помощью управляемого высокотехнологичного оружия, запускаемого вне зоны действия оборонительных систем противника;
- исключение или минимизация собственных и «сопутствующих» потерь и разрушений;
- ведение активного информационного противоборства, в частности, информационно-психологического воздействия на противника еще до начала боевых действий (с целью снижения его воли к сопротивлению);
- быстротечность военной фазы конфликта.

Фундаментальные изменения, произошедшие в геополитической структуре мира после окончания периода холодной войны, а также новые технологические вызовы подрывают основы всего мирового силового баланса в XXI в. и накладывают определенные ограничения на систему военного строительства ведущих стран мира. Так, по мнению многих американских аналитиков, в пост-биполярном мире принцип паритета (равенства в количестве определенных типов ядерных и обычных вооружений) утратил свою актуальность в силу невозможности произвести сравнительную оценку высокотехнологичных систем вооружений с различными техническими характеристиками по дальности, поражающему фактору, стратегической мобильности. К тому же очередной этап революции в военном деле обесценивает традиционные формулы подсчета военно-стратегического баланса, которые не учитывают играющие ныне решающую роль системы боевого управления, разведки, связи и навигации, созданные на основе новейших цифровых технологий. Новые возможности концентрации огневой мощи дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений обесценивают также и значение принципа сосредоточения сил, а следовательно, и количественных показателей при подсчете военно-стратегического баланса. В этой связи в современных условиях определение соотношения сил при планировании военных операций может представлять весьма сложную задачу. Поэтому и формирование современной военно-политической стратегии требует трансформации на концептуальном уровне всей военной доктрины в целом.

Например, в рамках концепции, разработанной в США ещё в середине 1990-х гг., предполагалось создать военный потенциал, необходимый для одновременного ведения двух региональных войн. Впоследствии декларировалась возможность достижения полной победы сначала на одном театре военных действий (одновременно удерживая исходные позиции на другом) силами ограниченного контингента сухопутных войск при поддержке с воздуха. И лишь после успешного завершения одной региональной войны дополнительные воинские формирования планировалось перебросить на другой театр. На различных уровнях американского военно-политического руководства предлагалось сменить концепцию одновременной победы в двух крупных конфликтах на концепцию, предполагающую победу в одной большой войне и поддержание сил для проведения операций по стабилизации обстановки на другом театре, что позволило бы сократить вооруженные силы и использовать высвободившиеся средства для повышения их боеготовности. Тем не менее, согласно нынешней военно-политической стратегии, которая только начинает обретать четкую формулировку, США намерены поддерживать военный потенциал, необходи-

мый для практически одновременного ведения боевых действий в двух важнейших для них регионах планеты.

Многие американские аналитики, в том числе З.Бжезинский, а также К.Хилл и П.Миллер, отмечают, что в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации ряд принципов американской военной политики периода холодной войны устарел и уже неприменим к современным реалиям.²⁰ Поэтому США все больше нуждаются в выработке так называемой «большой стратегии», охватывающей цели внешней политики и политики в области обороны и безопасности, которые определяли бы и средства для их достижения. По их мнению, следует определить альтернативные варианты намеченной стратегии национальной безопасности с учетом имеющихся ресурсов и разработать детальные планы по их осуществлению. Успешной реализации такой стратегии, считают они, могут способствовать следующие факторы: принятие большинством американского общества стратегии глобального лидерства и вовлечённости; возведение в ранг приоритета, прежде всего, американских стратегических интересов; осуществление стратегического планирования в военной сфере; поиск необходимых ресурсов для реформирования ВС; разработка новых подходов к реализации военной политики. Такого же мнения в целом придерживается и американский аналитик Алекс Абелла в своей книге «Солдаты разума».²¹

Некоторые эксперты, изучив опыт боевых действий вооруженных сил США в Ираке и Афганистане, указывают на то, что оснований для военно-силового доминирования Соединённых Штатов в мире становится все меньше. Подавляющее преимущество в оперативно-стратегических концепциях и новейших технологиях позволяло американским вооруженным силам на протяжении последних двух десятилетий иметь беспрепятственный доступ в любой регион планеты, а также выполнять обязательства перед союзниками по обеспечению региональной безопасности. Однако именно эти стратегические преимущества Соединённых Штатов теперь начинают убывать.

Так, президент вашингтонского Центра стратегических и бюджетных оценок Эндрю Крепиневич прямо указывает на то, что традиционные средства и методы стратегической переброски американских войск, а также беспрепятственный (до недавних пор) доступ в различные регионы планеты превращаются в убывающий актив.²² Поэтому, считает Крепиневич, необходим «пересмотр фундаментальных стратегических принципов позиционирования США в мире», сравнимый по масштабу с теми усилиями, которые были предприняты американским военно-политическим руководством в самом начале периода холодной войны. Именно тогда в американский политический лексикон вошел термин «убывающий актив». Как известно, к середине 1940-х гг. Соединенные Штаты обладали значительным военно-стратегическим преимуществом – монополией на ядерное оружие. Однако, когда в августе 1949 г. СССР произвел первое испытание ядерного оружия, американский ядерный потенциал, по мнению Крепиневича, превратился в «убывающий актив». Компенсация утраты ядерной монополии потребовала от США использования значительного технологического превосходства и первенства в ряде прорывных направлений науки и техники для создания термоядерного оружия. Не менее важными, с точки зрения обес-

печения национальной безопасности, по мнению Крепиневича, были усилия американского руководства по созданию средств для стратегической переброски крупных воинских контингентов на удаленные театры военных действий.

За новыми военно-техническими достижениями Соединённых Штатов, по мнению Крепиневича, скрываются важные геополитические тенденции, быстро ослабляющие те военно-стратегические преимущества, которыми они так долго обладали. Так, доставка войск в зоны жизненно важных стратегических интересов с применением действующих оперативно-стратегических концепций становится для Соединённых Штатов все более затруднительной. По его мнению, существует большой риск того, что военно-стратегическая ценность этих преимуществ начнет стремительно падать, в результате чего ряд стратегически важных регионов планеты может превратиться для американских вооруженных сил в зоны с ограниченным доступом.

Другой проблемой для США Крепиневич считает решимость «поднимающегося» Китая помешать их проникновению в Юго-Восточную Азию. Развертывание Китаем баллистических ракет грунтово-мобильного базирования в неядерном оснащении, способных наносить высокоточные удары по передовым американским авиа- и военно-морским базам, расположенным в Азиатско-Тихоокеанском регионе, служит своеобразным сигналом, который Китай посылает Соединённым Штатам, а также их союзникам и партнёрам в регионе. Если США не адаптируются к новым вызовам, то военно-стратегический баланс в регионе может, по его мнению, фундаментально измениться в пользу Китая.

Широкий доступ (в том числе благодаря глобализации военных поставок) различных негосударственных структур и террористических группировок к приобретению неядерного высокотехнологичного оружия, в частности, управляемого ракетного и артиллерийского вооружения Крепиневич также считает «убывающим активом» Пентагона. Способность иррегулярных сил поражать с высокой точностью жизненно важные военно-стратегические цели может создать, по его оценке, серьёзные проблемы для современных форм и методов ведения боевых действий американскими ВС, а также превратить передовые военные базы и другие ключевые компоненты инфраструктуры в первоочередные цели для противника. А по мере дальнейшего интенсивного развития Китаем своих противоспутниковых средств, способных в случае конфликта уничтожить орбитальную группировку системы глобального позиционирования GPS, без которой невозможно осуществлять наведение управляемого высокотехнологичного оружия на цель, нынешнее военно-стратегическое превосходство Соединённых Штатов в космосе также может превратиться в «убывающий актив».

Итоговый вывод Крепиневича, инвестиции, направляемые американским руководством на создание некоторых новейших систем вооружений могут быть преждевременными, а изъятие финансовых средств из явно «убывающих активов» следует считать первостепенной задачей, особенно в период растущих экономических и бюджетных ограничений. Поэтому американскому военно-политическому руководству необходимо уже в ближайшее время принять ряд важных стратегических решений в этой области. С этим согласуются позиции и ряда других американских экспертов.²³

III. Изменения в оперативных и организационных концепциях

В доктринальном документе Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) США «Единое видение 2020» подчеркивается, что технологические нововведения должны сопровождаться интеллектуальным новаторством, создающим предпосылки для изменения организационных структур и пересмотра доктрин.²⁴ Только в таких условиях можно в полной мере обеспечить потенциал объединенной группировки вооруженных сил, превосходящий возможности по всему спектру военных операций.

Появление концепции «сетевцентричной войны» (network-centric warfare) стало результатом осознания военным руководством необходимости интеграции боевых и разведывательных средств, систем командования и управления, а также улучшения взаимодействия между видами вооруженных сил. В основе концепции лежит тезис о том, что информационные связи имеют более важное значение, чем отдельные системы оружия. У этой концепции немало противников, включая упомянутого выше Ф.Кэгана (хотя в целом они и в относительном меньшинстве). Что касается ее сторонников, то они считают «сетевцентричную» (или «сетевую») войну ключевым фактором в трансформации вооруженных сил в более маневренные, лучше обеспеченные информацией и более мощные в результате изменения способов, с помощью которых можно вести боевые действия, поддерживать связь и управление, осуществлять боевую подготовку и материально-техническое снабжение.

Суть концепции «сетевцентричной войны» заключается в использовании информационно-коммуникационных технологий для перехода от операций, основанных на применении отдельных боевых платформ, к операциям, проводимым в едином информационном пространстве. В перспективе децентрализованная сеть сил будет использовать единую боевую информацию для того, чтобы поражать цели противника эффективнее, точнее и быстрее с больших расстояний и со всех направлений. Ключом к достижению максимальной эффективности всей полученной информации является сетевое объединение датчиков.

Рассматривая концепцию «сетевцентричной войны», американские специалисты наиболее эффективными считают такие вооруженные силы, которые не только модернизируют и обновляют парк своих вооружений, но и осуществляют организационные преобразования, позволяющие в максимальной степени использовать преимущества новой техники.

Во-первых, при проведении сетевцентричных операций происходит трансформация понятия «поле боя» в понятие «боевое пространство», в которое, помимо традиционных объектов, поражаемых обычными системами вооружений, включаются цели, находящиеся в виртуальной сфере: эмоции, образное восприятие действительности, психика противника и т. п.

Во-вторых, проведение сетевцентричных операций невозможно без наличия глобальных коммуникационных связей между географически рассредоточенными, но объединенными в единую сеть войсками, что позволяет отказаться от иерархической системы управления. При этом высокая эффективность средств коммуникации достигается переносом основной части информационно-

го потенциала в космос, поскольку использование космических средств позволяет наиболее результативно превращать информационное превосходство в боевую мощь путём связывания интеллектуальных объектов в единое информационное пространство на театре военных действий.

В-третьих, неизбежно происходит расширение области ведения военных действий. Сетецентричные операции могут не иметь чётко выраженных государственных и национальных границ, в связи с чем одновременно возрастает удельный вес невоенных средств борьбы: политических, дипломатических, экономических, технологических, психологических, информационных и т. п.

Авторами концепции «сетецентричной войны» считаются вице-адмирал в отставке А.Себровски и член консультативной группы ОКНШ профессор Дж.Гарстка. Опубликованная ими в январе 1998 г. статья «Сетецентричная война: её происхождение и будущее» стала своеобразным прологом новой концепции.²⁵ По их мнению, «сетецентричная война» позволяет перейти от войны на истощение к более скоротечной и более эффективной форме, для которой характерны две основные характеристики: быстрота управления и принцип самосинхронизации. При этом первая позволяет достичь информационного превосходства и лишить противника возможности проводить какие-либо действия, вводя его в состояние шока, а вторая придаёт военной структуре способность самоорганизовываться снизу, а не изменяться в соответствии с указаниями сверху. Этот принцип противоречит традиционным основам военной организации как таковой, которая представляет собой централизованную иерархическую систему, построенную на подчинении директивным указаниям сверху. Применение самосинхронизации позволит достичь превосходства над противником в скорости и внезапности действий.

В теоретическом плане А.Себровски и Дж.Гарстка представили модель «сетецентричной войны» как систему, состоящую из трёх подсистем: информационной, сенсорной и боевой. Причём именно первая составляет основу, на которую накладываются взаимно пересекающиеся сенсорная и боевая подсистемы. Информационная подсистема пронизывает собой всю систему в полном объёме. Элементами сенсорной подсистемы являются средства разведки, а элементами боевой подсистемы – средства поражения. В целом сетецентричные операции дают четыре основных преимущества: повышение скорости передачи приказов, возможность самосинхронизации, расширение условий для заблаговременного получения данных о целях и повышенную тактическую стабильность.

Практическое осуществление концепции «сетецентричной войны», по мнению её авторов, позволяет увеличить боевую эффективность войск путём лучшей координации действий разнородных сил на поле боя, повышения качества командования и скорости реагирования в быстро меняющейся боевой обстановке. При проведении организационных преобразований вооружённых сил и при создании перспективных технических систем в качестве приоритетного выступает принцип функциональной интеграции, предпосылками для принятия которого становится перенос акцентов при создании военной техники и высокотехнологичных систем вооружений в США с модели, ориентированной на повышение боевых характеристик отдельных боевых

платформ, к модели, базирующейся на приоритетном развитии средств командования, управления, разведки и связи.²⁶

Практическая реализация концепции «сетцентричной войны» требует комплексного внедрения информационных систем в вооружённые силы: различных средств сбора информации и датчиков для расширения разведывательных возможностей, повышения точности средств наведения оружия для быстрого и гарантированного поражения противника, средств связи для обеспечения взаимодействия и управления войсками, систем обработки информации для осуществления командования. Создание единой информационной архитектуры вооружённых сил, по их мнению, позволит упростить общую систему командования и управления, а в ряде случаев (например, в сложной боевой обстановке) перенести принятие решений на более низкий уровень. Кроме этого, сократится время реагирования от момента обнаружения цели до принятия решения о её поражении.

Следует отметить, что перспективные формы и методы ведения боевых действий изучаются американскими аналитиками давно. Так, в 2000 г. в Институте национальной обороны корпорации РЭНД вышло в свет исследование «Принцип стаи и будущее конфликта».²⁷ По мнению авторов, под действиями в «стае» подразумевается систематическое пульсирующее применение силы различными, но взаимно связанными подразделениями, действующими против противника одновременно со всех направлений. Важнейшая цель таких действий, по их мнению, - не столько физическое уничтожение противника, сколько подрыв его сплочённости, а также потеря способности эффективно маневрировать на поле боя.

Военное руководство США исходит из того, что развитие подобной тактики позволит сократить численность вооружённых сил и количество боевой техники, а следовательно, снизить расходы на оборону. Кроме того, такая тактика должна заставить противника организовывать противодействие компактным рассредоточенным подразделениям, а значит, сделает неэффективным применение против них тяжёлых вооружений и оружия массового уничтожения. К тому же, подобная тактика позволит избегать боестолкновений с тяжеловооружёнными, но менее мобильными частями противниками и быстро уничтожать его командные структуры, тем самым парализуя сопротивление.²⁸

Мероприятия в рамках первоначального этапа реализации концепции ведения военных действий с использованием объединённых информационно-управляющих сетей уже проводятся в вооружённых силах США. В приоритетном порядке финансируются программы, связанные с созданием автоматизированных систем боевого управления, связи, разведки, информационного и навигационного обеспечения непосредственно для участников боевых действий. Причём опытные образцы нового оборудования прошли некоторую апробацию в ходе военных операций в Югославии, Афганистане и Ираке и являются, по мнению руководства Министерства обороны, базовыми для перехода вооружённых сил на новую организацию ведения военных действий. Об этом прямо говорилось в программном документе управления реформирования вооружённых сил Министерства обороны «Выполнение положений сетцентричной войны», опубликованном в январе 2005 г.²⁹ Там, в частности, отмеча-

лось, что, в соответствии с принципами концепции «сетевцентричной войны», необходимо: проводить моделирование, испытания, эксперименты и командно-штабные учения с целью дальнейшего развития теории «сетевцентричной войны»; ускорить процессы создания единой информационной инфраструктуры и внедрения сетевых принципов и технических элементов; проверять отдельные положения концепции на практике; выработать рекомендации для союзников по внедрению сетевых принципов.

При создании вооружённых сил с сетевой архитектурой планируется использование принципа модульного построения войск. В Министерстве обороны считают, что создание подобных формирований позволит командованию круглосуточно и без помех отслеживать развитие оперативной обстановки. Для решения этих задач оно намечает ввести в состав информационного модуля части и подразделения разведки, психологических операций, радиоэлектронной борьбы, группы космической поддержки, связи и управления. Эти формирования, рассредоточенные на любом театре военных действий, благодаря широкому применению новейших информационных и телекоммуникационных технологий будут способны автономно проводить объединённые боевые операции, находясь на значительном удалении друг от друга и от координирующих звеньев (органов управления). При этом значение вертикальной иерархии отступает на второй план, а роль горизонтальных связей между боевыми частями и подразделениями существенно повышается.

Подобные формирования призваны обозначить еще один шаг в направлении построения единой информационно-управляющей архитектуры, обеспечивающей более эффективный контроль вооружённых сил над такими факторами, как пространство и время, и дающий стратегические, оперативные и тактические преимущества в ходе боевых действий.³⁰ Это подтвердил и опыт ведения войны в Ираке в 2003 г., где вооружённые силы США впервые на практике проверили отдельные элементы концепции ведения военных действий в едином информационном пространстве. При проведении таких операций за счёт абсолютного информационного превосходства над противником обеспечивается полная самосинхронизация боевых действий и акций на поле боя, а также гарантируется оперативность управления войсками и высокий уровень боевых возможностей. В тактическом и оперативном звене широкое применение нового комплекса боевого управления (Force XXI Battle Command Brigade and Below, FBCB),² представляющего собой совершенную систему графического отображения информации на тактическом уровне вплоть до отдельного военнослужащего, позволило полностью отказаться от топографических карт, принимать данные космической и авиационной разведки в режиме реального времени на экраны тактических компьютеров командиров всех звеньев.

Один из ключевых элементов концепции «сетевцентричной войны» -- отход от традиционного понимания разведки как совокупности процессов сбора, анализа и реализации информации о противнике. При проведении сетевцентричных операций разведка ориентируется на так называемое «прогнозируемое восприятие боевого пространства». Согласно положениям новой концепции, основной рабочий элемент органов управления – это оперативное подразделение, включающее представителей разведки, командования и аналитических подразделе-

ний. Свои функции группа выполняет с использованием специального программного обеспечения анализа массивов данных, которое позволяет выявлять скрытые закономерности в поведении противника. Классическим системам командования и управления в этом случае отводится роль перераспределения целей между средствами поражения, отслеживание точных координат цели и их передача на борт боевой техники.

Основным инструментом, позволяющим реализовать на практике все положения концепции, являются высокомобильные стратегические ударные силы.³¹ Их цель – молниеносным ударом подавить сопротивление противника и подготовить плацдарм для развёртывания основных сил. Стратегические ударные силы предполагается формировать из самолётов, выполняющих роль воздушных командных пунктов и осуществляющих взаимодействие с космическими системами наблюдения и связи, а также боевых платформ: ударных истребителей – для завоевания господства в воздухе, стратегических и тактических бомбардировщиков – для поражения целей противника.³² Для формирования единой системы связи и передачи данных предполагается широко использовать информационно-разведывательные средства космического и авиационного базирования, предназначенные для ведения стратегической разведки. При этом мобильные группы сил специального назначения, действующие на территории противника, также будут включены в единую информационную систему, что позволит оперативно отображать ситуацию в боевом пространстве.³³

Как признал, например, генерал У.Кларк, действия вооруженных сил англо-американской коалиции в Ираке в марте 2003 г. планировались на основе оперативного анализа обстановки в районе боевых действий и проводились на новом уровне.³⁴ Над полем боя, в том числе над населёнными пунктами, постоянно находились разведывательные спутники, оптика которых позволяла фотографировать и передавать в командный центр различные изображения с высокой разрешающей способностью. Американские разведывательно-диверсионные группы, действовавшие в тылу подразделений противника, пользовались компьютерами с беспроводным доступом в Интернет (так называемый тактический Интернет). С определённых сайтов они «скачивали» оперативную информацию, изображения и карты интересующих их объектов и через эту же систему передавали в штаб полученные ими разведданные. Военнослужащие сухопутных войск и Корпуса морской пехоты (КМП), принимавшие участие в позиционных и городских боях, широко использовали лазерные бинокли, дальномеры и цифровые системы позиционирования, чтобы определить точные координаты цели. Затем эти данные в режиме реального времени передавались на борт авиационных и космических средств отображения информации, которые наводили на цель управляемые авиабомбы и ракеты.

Вместе с тем, некоторые американские эксперты скептически оценивают усилия военно-политического истеблишмента в области реформирования вооруженных сил. Так, профессор Высшей военно-морской школы Джон Аркилла в статье «Новые правила войны» резко критикует американское руководство за то, что оно «не понимает» последних тенденций в области военного строительства.³⁵ «Мир вступил в информационную эру, а технологические прорывы двух последних десятилетий, сравнимые по масштабу воздействия с по-

следствиями произошедшей два века назад индустриальной революции, совпали с наступившей после окончания холодной войны эпохой глобальной политической нестабильности. Тем не менее, значительная часть американского военно-политического истеблишмента вступает в неё с прежними установками и представлениями, в соответствии с которыми новейшие технологические инструменты способны лишь усилить действовавшие прежде правила войны», – пишет Аркилла. Многие высокопоставленные чины Минобороны, по его мнению, продолжают придерживаться точки зрения, согласно которой стратегия «шока и трепета», а также предложенная в начале 1990-х гг. тогдашним председателем ОКНШ генералом Колином Пауэллом доктрина «превосходящей силы» только еще более окрепли благодаря использованию большого количества управляемого оружия, беспилотной авиации и высокотехнологичных средств глобальной коммуникации.

В то же время, полагает Аркилла, «ничто не может быть дальше от истины, и об этом столь неприятным образом свидетельствует положение дел в Ираке и Афганистане, которое ясно показывает, что масштабное применение военной силы приводит лишь к массовым жертвам среди мирного населения, а также к быстрой адаптации сетевых структур к изменениям и сохранению способности наносить ответные точечные удары». Для того, чтобы кардинальным образом исправить ситуацию, он рекомендует перейти к построению вооруженных сил по модульному принципу, когда воинские контингенты будут формироваться непосредственно под ту или иную задачу. Важнейшим принципом ведения боевых действий в войнах будущего Аркилла считает формирование воинских подразделений в виде «стай», которые будут осуществлять пульсирующие атаки на противника одновременно с разных направлений. В эпоху глобальной взаимозависимости и при высокой степени насыщенности боевого пространства новейшими цифровыми технологиями даже немногочисленные, но обладающие высокой поражающей способностью воинские формирования способны, по его мнению, нанести противнику большой урон.

В отношении видов вооруженных сил, наиболее приспособленных к глобальному проецированию силы на удаленные театры военных действий – т. е. военно-морских и военно-воздушных сил – Аркилла предлагает сделать акцент на создании и развертывании большого количества многофункциональных, высокоскоростных, значительно меньших по размеру и недорогих боевых платформ, оснащённых новейшим высокотехнологичным оружием с большой поражающей способностью. Например, в ВМС он предлагает отказаться в среднесрочной перспективе от авианосцев из-за их высокой уязвимости и сделать упор на массивированное применение малозаметных, бесшумных подводных лодок, а также безэкипажных, дистанционно управляемых подводных аппаратов. В ВВС – использовать меньшие по составу авиакрылья и также перейти к массивированному применению высотной беспилотной авиации (разведывательной и ударной).

В качестве экспедиционных формирований, применяемых за пределами национальной территории, помимо подразделений сухопутных войск, Корпуса морской пехоты и сил специальных операций некоторые американские эксперты предлагают широко использовать сотрудников частных военных компаний.

Так, по мнению М.Даниген из Стэнфордского университета, частные военные компании со временем будут играть все большую роль в военных конфликтах, что подтверждается опытом ведения боевых действий в Ираке, Афганистане и Югославии.³⁶ До сих пор частные военные компании осуществляли, в основном, функции обеспечения безопасности американских стратегических объектов и граждан, находящихся за границей (даже в тех случаях, когда те, действуя в интересах США, нарушали международные соглашения). Кроме того, самостоятельно противостоять хорошо вооружённому противнику частные военные компании зачастую не могут и заранее заручаются поддержкой армейских частей, в первую очередь подразделений специального назначения. Однако главным достоинством частных военных компаний считается возможность использовать их сотрудников в тех случаях, когда применение регулярных ВС нецелесообразно по различным причинам (например, когда их развертывание на территории другого государства может вызвать политическую напряжённость).

Отметим, что американское руководство может использовать сотрудников таких компаний в обход ограничений, которые накладываются существующими механизмами гражданского контроля над вооруженными силами (например, законодательное ограничение численности воинского контингента, направляемого за рубеж). Кроме того, частные военные компании обладают и другими преимуществами перед регулярными ВС, в частности, их сотрудников можно скрытно перебросить в любой регион планеты. При этом руководство США имеет возможность, не вмешиваясь в конфликт на официальном уровне, добиваться поставленных политических и военно-стратегических целей.

IV. Новые стратегические императивы

Военно-политическое руководство США всегда уделяло большое внимание теоретической проработке различных аспектов реализации военной политики. И ведущую роль в этом играет Объединенный комитет начальников штабов, осуществляющий концептуальное обоснование политики обеспечения национальной безопасности. Так, в феврале 2011 г. ОКНШ утвердил очередную «Национальную военную стратегию».³⁷ В предисловии к документу тогдашний председатель КНШ адмирал Майкл Маллен отмечал, что в стратегии «сделан акцент на пересмотр лидирующей роли США в мире и ее адаптацию к вызовам новой эпохи». При этом главными целями обеспечения национальной безопасности в военной сфере были названы способность военно-политического руководства незамедлительно реагировать на возникающие вызовы, используя весь потенциал национальной военной мощи, формировать союзнические коалиции, поддерживать военно-стратегическое и технологическое превосходство над любым вероятным противником.

Документ констатировал, что в мировой политике происходит изменение фундаментальных основ противостояния государственных и негосударственных структур, что связано с трансформацией силового баланса в мире и системы международной безопасности в целом. По мнению американских военных специалистов, многополярный мир становится реальностью и это может создать уже в ближнесрочной перспективе определенные трудности для реали-

зации Соединенными Штатами их геополитических амбиций: ряд государств может попытаться сформировать коалиции (в том числе военно-политические), действия которых, возможно, будут идти вразрез с американскими стратегическими установками. В начинающей реально складываться полицентричной системе международных отношений политика США в области национальной безопасности, считают официальные аналитики, должна стать более изощренной, ориентированной на гибкое маневрирование в рамках складывающегося нового мирового силового баланса. Поэтому вклад вооруженных сил в поддержании лидирующей роли США в мире должен определяться формированием новейших организационных и оперативных концепций применения ВС, а также качественным превосходством в области развития высокотехнологичных систем вооружений.

Как следует из документа, стратегия Вашингтона сосредоточена на формировании модульных сил общего назначения, которые «смогут эффективно применяться в военных операциях различной интенсивности». Основное внимание в документе уделено оптимальному сочетанию «жесткой» и «мягкой» силы в рамках реализации американской военно-политической стратегии. Считается, что такой подход может значительно повысить политический вес Соединенных Штатов в мире. В сфере противодействия международному терроризму американское военное руководство планирует формировать долгосрочные региональные партнерства с союзниками, а также препятствовать поддержке террористических организаций со стороны руководства «проблемных» стран, в том числе за счет усиления роли правительств этих стран и укрепления законодательной базы.

Серьезное внимание в документе уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону, в частности, Китаю. Отмечается усиливающийся рост его военного потенциала, а именно, непрерывно идущая модернизация вооруженных сил, расширение зоны стратегических интересов в подконтрольном регионе и за его пределами. Исходя из этого, Соединенные штаты должны «демонстрировать силу против ожидаемой опасности там, где она может возникнуть в будущем». Для парирования этих вызовов американское военное руководство намерено укреплять стратегические отношения с теми странами региона, которые Китай планирует включить в орбиту своего влияния. В отношении России Соединенные Штаты и дальше намерены вести стратегический диалог в сфере борьбы с международным терроризмом, нераспространения ОМУ, а также по проблеме развертывания на территории Европы элементов системы ПРО. В целом, по мнению разработчиков документа, ситуация в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений, которая сопровождается политической конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику, в том числе путём создания ракетно-ядерного оружия.

Для практического осуществления этих доктринальных установок американское военно-политическое руководство провело ряд организационных мероприятий. В целях усиления оперативного взаимодействия экспедиционных формирований ВВС, ВМС и КМП в ноябре 2011 г. в рамках Министерства обороны было сформировано управление, предназначенное для практической ре-

ализации новой оперативно-стратегической концепции «воздушно-морского сражения».³⁸ Концепция предусматривает широкую интеграцию этих видов ВС для защиты национальных интересов в «регионах с ограниченным доступом». Отметим, что разработка концепции «воздушно-морского сражения» и формирование профильного управления начались еще в 2009 г. после подписания тогдашним министром обороны Р.Гейтсом меморандума, закреплявшего главную цель проводимых мероприятий – стратегическое сдерживание растущих военно-политических амбиций Китая в АТР.³⁹ Концепция «воздушно-морского сражения» стала логическим развитием концепции «воздушно-наземного сражения» (*air-land battle*), разработанной ОКНШ еще в 1980-е гг. В период «холодной войны» американским войскам ставилась задача за счёт массированного применения авиации сухопутных войск и штурмовой авиации ВВС значительно повысить мобильность и ударные возможности войск НАТО. Однако тогда эта концепция в силу различных политических обстоятельств так и не была реализована на практике.

Планируется, что основным инструментом в решении этой задачи будет ударная беспилотная палубная авиация, многоцелевые атомные подводные лодки, экспедиционные формирования КМП, а также силы специальных операций. Именно эти компоненты ВС США должны будут нести основную нагрузку при проведении военных операций в регионе, в том числе при постановке минных заграждений, а также для обороны с воздуха и моря американских военно-морских баз.

Операции американских войск с привлечением подразделений ВВС и ВМС (особенно на начальных этапах конфликта) уже неоднократно проводились. Так, во время агрессии стран НАТО против Югославии в 1999 г. именно самолеты штурмовой авиации ВВС и палубной авиации ВМС нанесли основное количество ракетно-бомбовых ударов по главным элементам критической инфраструктуры этой страны. С активным задействованием этих видов ВС проходил начальный этап войны против Ирака в 2003 г., когда в течение первых нескольких дней по территории противника были нанесены ракетно-бомбовые удары с применением большого количества крылатых ракет морского базирования и авиабомб. Операция против Ливии в 2011 г. проводилась по такой же схеме.

Отметим, что появлению концепции «воздушно-морского сражения» предшествовало принятие штабами видов вооружённых сил США пакета доктринальных документов, свидетельствующих о серьезной корректировке американской военной доктрины. Так, в 2007 г. была принята «Совместная стратегия морской мощи XXI века» – ключевой документ, обозначивший очередной этап развития американской военно-морской стратегии.⁴⁰ А в 2010 г. в развитие этого доктринального документа была принята «Концепция военно-морских операций».⁴¹ В 2008 г. был опубликован доктринальный документ КМП, сформулировавший значение морского десанта, флота универсальных десантных кораблей и «уникального набора возможностей» Корпуса морской пехоты для целей национальной безопасности до 2025 г.⁴²

В январе 2012 г. президент Барак Обама и министр обороны Леон Панетта утвердили «Стратегическое руководство в области обороны».⁴³ В документе были названы основные стратегические задачи, решение которых будет поло-

жено в основу военной политики Вашингтона до 2020 г.:

- противодействие международному терроризму и иррегулярным формированиям;
- сдерживание агрессии и достижение победы;
- создание средств противодействия мероприятиям по наращиванию «потенциала перекрытия доступа», направленным на формирование оперативных и технических ограничений на доступ иностранных воинских контингентов на территорию ряда стран и в прилегающие акватории;
- противодействие распространению ОМУ;
- активные операции в киберпространстве и космосе;
- поддержание безопасного и эффективного потенциала ядерного сдерживания;
- оборона национальной территории и поддержка гражданских властей;
- поддержание потенциала передового присутствия;
- проведение операций по стабилизации обстановки и противоповстанческих операций;
- проведение гуманитарных и других операций.

Б.Обама заявил тогда, что принятие этого документа «диктуется целями определения стратегических интересов США и связанных с этим военных расходов в предстоящем десятилетии, поскольку структура вооруженных сил, а также выделяемые им ассигнования должны определяться стратегическими задачами».⁴⁴ Обама также отметил, что современные вызовы Соединённым Штатам не могут быть предотвращены только с использованием военной силы. Для этого, по его мнению, необходимо задействовать все компоненты национальной мощи, а также соответствующий потенциал союзников и партнёров США.

Особое внимание Обама уделил вопросу расширения американского присутствия в АТР, указав, в частности, что Вашингтон намерен разместить дополнительные воинские контингенты в Австралии, усилить корабельные группировки в прилегающих акваториях и продолжать выделять необходимые средства союзникам и партнёрам для обеспечения стабильности в регионе. Кроме того, американское руководство сохранит военное присутствие на Ближнем Востоке. Угрозы, исходящие из этих критических, с точки зрения обеспечения национальной безопасности США, регионов мира и непредсказуемость изменения ситуации в них требуют сохранения (и даже усиления) там американских воинских контингентов. Как следует из заявления Обамы, Вашингтон собирается и далее при проведении совместных операций полагаться на европейских союзников по НАТО, поскольку те, хотя и ориентируются, в первую очередь, на достижение собственных целей, тем не менее, привержены целям и задачам альянса. Отметим, что такая установка американского руководства на международные коалиции, возглавляемые Соединёнными Штатами, стала предметом серьёзного анализа многих американских экспертов.⁴⁵

Министр обороны Панетта заявил в свою очередь, что «основной идеей новых стратегических установок США служит постепенная трансформация американских ВС с созданием к 2020 г. боеготовых формирований, которые

смогут обеспечить решение всего спектра задач в условиях сокращения ассигнований на оборону».⁴⁶ Он также отметил, что США будут укреплять сотрудничество с государствами Юго-Восточной и Южной Азии (в первую очередь с Индией), которые обладают необходимыми средствами и возможностями для обеспечения безопасности и соблюдения экономических и военно-стратегических интересов США в регионах, прилегающих к Индийскому океану. Вашингтон намерен и впредь поддерживать стабильность на Корейском полуострове, для чего планируется сосредоточить усилия на дальнейшем совершенствовании глобального режима нераспространения ядерных и ракетных технологий.

Что касается Китая, то Вашингтон намерен и дальше вести с ним стратегический диалог, чтобы иметь свободный доступ в этот регион планеты, ибо США, заявил Панетта, собираются «усилить свою военную мощь» в АТР и Юго-Восточной Азии. В частности, к 2020 г. планируется сосредоточить в акватории Тихого океана около 60% надводных кораблей и подводных лодок, а из 11 авианосцев шесть будут нести боевое дежурство в прилегающих акваториях. Новые стратегические установки Вашингтона, по словам Панетты, служат ответом на рост военных приготовлений Китая, «представляющих угрозу для свободы навигации на стратегических морских путях и в других оперативных пространствах». Поэтому США, как «традиционная тихоокеанская держава должны приложить больше усилий для строительства стратегических альянсов в регионе». Достичь этого Вашингтон планирует путём проведения манёвров совместно с региональными союзниками, в первую очередь, с Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Другие страны региона (например, Вьетнам, Филиппины, Таиланд, государства Океании) могут вовлекаться в орбиту американского влияния. Об этом упоминается и в ежегодном докладе Министерства обороны, посвященном развитию китайских вооруженных сил.⁴⁷ В нем, в частности, говорится, что Китай активно расширяет не только свое экономическое, но и военное присутствие в мире, причем далеко за границей своей традиционной зоны влияния, намерен строить океанский флот, в частности, авианосцы, а также продолжает активно модернизировать вооруженные силы. Исследованию военной политики Китая, а также планов разработки им новейших систем вооружений посвящены работы и ряда других американских аналитиков.⁴⁸ О возможных последствиях американо-китайского конфликта и его влияния на всю систему региональной безопасности пишет и директор Центра международной безопасности и оборонной политики корпорации РЭНД Джеймс Доббинс в своей статье «Война с Китаем».⁴⁹

Другим важнейшим для США регионом мира, где могут возникать непредвиденные осложнения международной обстановки, Панетта назвал регион Персидского залива. Для парирования возможных угроз Минобороны также планирует обеспечить в регионе необходимый режим безопасности, для чего оно намерено активно взаимодействовать с региональными союзниками и партнёрами с целью исключить возможность появления у Ирана ядерного оружия и воспрепятствовать потенциальной разбалансировке в нём военно-политической ситуации. Из доклада Панетты также следовало, что Минобороны взвешивает возможность сократить американское военное присутствие в Евро-

пе и пересмотреть вклад в обеспечение обороноспособности европейских стран. Тем не менее, все ранее взятые Вашингтоном обязательства по укреплению Североатлантического альянса подтверждаются, а усиление функциональных возможностей вооруженных сил стран НАТО с повышением эффективности их взаимодействия при проведении коалиционных операций определяются как стратегический приоритет. Для этого предлагается развивать концепцию «умной обороны», включающую совместные усилия по формированию интероперабельных вооруженных сил, построенных по модульному принципу и предназначенных для решения широкого круга задач с унифицированными системами вооружений и сопряженной системой управления.

С этими стратегическими установками совпадает и позиция начальника штаба сухопутных войск генерала Реймонда Одиерно.⁵⁰ В своей статье «Сухопутные войска США в переходный период: строительство гибких сил» он обращает внимание на то, что предстоящее десятилетие будет для американских ВС важным переходным периодом. Сухопутным войскам придется приспособиться к трем главным изменениям, а именно: сокращению бюджета Минобороны; переносу центра тяжести военных операций в АТР; повышенному вниманию к контртеррористическим операциям. Это, в свою очередь, потребует совершенствования тактики противодействия террористическим организациям, методов обучения союзников и партнеров США искусству формировать благоприятную стратегическую среду, а также способов предотвращения региональных конфликтов и повышения готовности американского военно-политического руководства к силовому реагированию на непредвиденные ситуации в различных регионах. Для того, чтобы сокращения оборонного бюджета не повлияли на систему подготовки и оснащения боевых подразделений новейшими системами вооружений и военной техники, Одиерно предлагает сократить контингент, находящийся на боевом дежурстве. А во избежание возможного снижения боеспособности частей и соединений, он предлагает их разукрупнить.

Как следует из статьи, присутствие американского воинского контингента в АТР – существенный элемент стратегии, так как затрудняет вероятному противнику задачу военного планирования и вынуждает его отвлекать значительные ресурсы на ответные действия. Помимо АТР к потенциально опасным для США регионам мира Одиерно относит также Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку. Между тем, взаимодействие с американскими союзниками в Европе должно, по мнению Одиерно, остаться стратегическим приоритетом. Сокращение расходов на оборону в большинстве европейских стран, а также вывод с территории Европы двух бригад сухопутных войск не должно, по его мнению, снизить уровень военного сотрудничества США с их европейскими союзниками. В свою очередь, командование сухопутных войск намерено и далее инвестировать в развитие учебных полигонов, баз материально-технического обеспечения, медицинского оснащения американского воинского контингента, остающегося в регионе. Кроме этого, стратегическим приоритетом останется дальнейшее усиление взаимодействия сухопутных войск с силами специальных операций при проведении совместных боевых операций на удаленных театрах военных действий. Для этого планируется более эффективно использовать возможности киберпространства для тактических подразделений.

В целях более масштабного разведывательного обеспечения действий американских вооружённых сил в различных регионах мира в апреле 2012 г. Министерство обороны приступило к формированию новой структуры – Секретной службы (Defense Clandestine Service), которая, как предполагается, будет тесно взаимодействовать с ЦРУ. Хотя новое подразделение и будет организационно входить в состав Разведывательного управления Минобороны, оно тем не менее будет самостоятельным компонентом национального разведывательного сообщества с подчинением непосредственно заместителю министра обороны по разведке. Военное руководство планирует, что новое подразделение Пентагона основное внимание в своей работе сосредоточит на ключевых стратегических направлениях – контртеррористических операциях, ядерном нераспространении, «поднимающихся» государствах. Инициатором создания новой структуры выступил министр обороны в первой администрации Обамы Л.Панетта. По его мнению, после завершения военных операций в Ираке и Афганистане необходимо будет изменить приоритеты военной разведки, а именно, значительно расширить спектр разведывательных операций, выходящих далеко за рамки информационного обеспечения действий ВС на ТВД, а также расширить количество потребителей военно-стратегической информации, в том числе за счет более тесного взаимодействия с другими структурами национального разведывательного сообщества.

Новые стратегические императивы Вашингтона нацелены на оказание значительного влияния на всю систему международной безопасности. Современная геополитическая ситуация в мире характеризуется существенной неопределенностью в отношении источников военных угроз и их характера. Под влиянием различных факторов продолжает снижаться управляемость системы международных отношений на глобальном уровне. Большинство основных международных институтов и норм поведения слабеют или оказываются неадекватными по отношению к постоянно изменяющимся политическим, экономическим, военно-стратегическим, информационным и культурным факторам.

Намеченная инновационная перестройка военных структур и механизмов США, конечно, нацелена в первую очередь на поддержание хиреющей лидерской роли Америки в современном, все более тяготеющем к многополюсности и мультицентризму мире. Другой вопрос – выиграет ли от этой «революции» что-либо дело мира и глобальной стабильности. Опыт прошлого в этом плане далеко не однозначен. Представляется, что многие аспекты и средства намечающегося и уже идущего процесса, должны стать предметом серьезного и профессионального экспертного международного разбирательства с тем, чтобы образовать в дальнейшем базу соответствующих переговорных форумов на официальных уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Alberts D., Hayes R. Power to the Edge: Command and Control in the Information Age. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense Command and Control Research Program,

2003; Gray C. *Strategy for Chaos: Revolutions in Military Affairs and the Evidence of History*. – L., 2002; Cordesman A. *Arms Control and the Revolution in Military Affairs*. – Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2000; Gompert D., Kugler R., Libicki M. *Mind the Gap: Promoting a Transatlantic Revolution in Military Affairs*. – Washington D.C.: National Defense University Press, 1999; Knox M., Murray W. *The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Hundley R. *Past Revolutions, Future Transformation: What Can the History of Revolutions in Military Affairs Tell Us about Transforming the U.S. Military?* – Santa Monica: RAND, 1999.

² McNaugher T. *The Real Meaning of Military Transformation: Rethinking the Revolution* // *Foreign Affairs*. Jan./Feb. 2007. p. 140–147.

³ Mullen M. *Chairman of the Joint Chiefs of Staff Guidance for 2011*. Washington D.C.: Joint Chiefs of Staff. January 2011.

⁴ Van Atta R., Lippitz M. *Transformation and Transition: DARPA's Role in Fostering the Emerging Revolution in Military Affairs*. – Alexandria: Institute for Defense Analyses, 2003.

⁵ *The Evolution of Operational Art: From Napoleon to the Present* / Ed. by Olsen J., Van Creveld M. – Oxford: Oxford University Press, 2010; Fisher D. *Morality and War: Can War be Just in the Twenty-First Century?* – Oxford: Oxford University Press, 2011.

⁶ Ucko D. *The New Counterinsurgency Era: Transforming the U.S. Military for Modern Wars*. – Washington D.C.: Georgetown University Press, 2009.

⁷ См. в частности: O'Hanlon M. *The Science of War: Defense Budgeting, Military Technology, Logistics, and Combat Outcomes*. – Princeton: Princeton University Press, 2009.

⁸ Gansler J. *Democracy's Arsenal: Creating a Twenty-First Century Defense Industry*. – Cambridge: The MIT Press, 2011; Hartung W. *Prophets of War: Lockheed Martin and the Making of the Military-Industrial Complex*. – L.; N.Y.: Nation Books, 2011; Jermy S. *Strategy for Action: Using Force Wisely in the 21st Century*. – L.: Knightstone Publishing, 2011; Singer P. *Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*. – N.Y.; London: Penguin Press, 2009; Van Creveld M. *The Changing Face of War: Combat from the Marne to Iraq*. – N.Y.: Ballantine, 2008.

⁹ Friedman N. *Network-Centric Warfare: How Navies Learned to Fight Smarter through Three World Wars*. – Annapolis: Naval Institute Press, 2009; Mitchell P. *Network-centric Warfare and Coalition Operations: The New Military Operating System*. – N.Y.: Routledge, 2009.

¹⁰ King A. *The Transformation of Europe's Armed Forces: From the Rhine to Afghanistan*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011; Nye J. *The Future of Power*. – L.; N.Y.: Public Affairs, 2011; *One Hundred Years of U.S. Navy Air Power* / Ed. by Smith D. – Annapolis: Naval Institute Press, 2010; Taw J. *Mission Revolution: The U.S. Military and Stability Operations*. – N.Y.: Columbia University Press, 2012.

¹¹ Van Creveld M. *The Age of Airpower*. – L.; N.Y.: Public Affairs, 2011.

¹² Jacobsen A. *Area 51: An Uncensored History of America's Top Secret Military Base*. – N.Y.: Little, Brown and Company, 2011.

¹³ Zimet E., Mann C. *Directed Energy Weapons: Are We There Yet? The Future of DEW Systems and Barriers to Success*. – Washington D.C.: National Defense University, Center for Technology and National Security Policy, 2009.

- ¹⁴ Boot M. *War Made New: Technology, Warfare and the Course of History, 1500 to Today*. – N.Y.: Gotham Books, 2006.
- ¹⁵ Kagan F. *Finding the Target: The Transformation of American Military Policy*. – N.Y.: Encounter Books, 2006.
- ¹⁶ Gompert D., Lachow I., Perkins J. *Battle-Wise: Seeking Time-Information Superiority in Networked Warfare*. – Washington D.C.: National Defense University, Center for Technology and National Security Policy, 2006.
- ¹⁷ Alberts D., Garstka J., Stein F. *Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority*. – Washington D.C.: DoD Command and Control Research Program, 2000; Alberts D., Garstka J., Hayes R., Signori D. *Understanding Information Age Warfare*. – Washington D.C.: DoD Command and Control Research Program, 2001; Alberts D. *Information Age Transformation: Getting to a 21st Century Military*. – Washington D.C.: DoD Command and Control Research Program, 2002.
- ¹⁸ Adamsky D. *The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the U.S., and Israel*. – Stanford: Stanford University Press, 2010.
- ¹⁹ Heuser B. *The Evolution of Strategy: Thinking War from Antiquity to the Present*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Kraska J. *Maritime Power and the Law of the Sea: Expeditionary Operations in World Politics*. – Oxford: Oxford University Press, 2011.
- ²⁰ Brzezinski Z. *Balancing the East, Upgrading the West: U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval* // *Foreign Affairs*. Jan./ Feb. 2012. p. 97–104; Hill C. *Grand Strategies: Literature, Statecraft and World Order*. – New Haven: Yale University Press, 2010; Miller P. *American Grand Strategy and the Democratic Peace* // *Survival*. Apr./May 2012. p. 49–76; Layne Ch. *The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present*. – N.Y.: Cornell University Press, 2006.
- ²¹ Abella A. *Soldiers of Reason: The RAND Corporation and the Rise of American Empire*. – Orlando: Harcourt Books, 2008.
- ²² Krepinevich A. *The Pentagon's Wasting Assets: The Eroding Foundations of American Power* // *Foreign Affairs*. July/ Aug. 2009. p. 18–33.
- ²³ Flournoy M., Davidson J. *Obama's New Global Posture: The Logic of U.S. Foreign Deployments* // *Foreign Affairs*. July/Aug. 2012. p. 54–63; McKean D. *After Iraq: The Trigger Doctrine* // *Survival*. Feb./March 2012. p. 159–174; Rumsfeld D. *Known and Unknown*. – N.Y.: Sentinel HC, 2011; Stevenson J. *Echoes of Gunfire: bin Laden, the U.S. and the Greater Middle East* // *Survival*. June/July 2011. p. 11–18.
- ²⁴ *Joint Vision 2020*. – Washington D.C.: Joint Chiefs of Staff, 2000.
- ²⁵ Cebrowski A., Garstka J. *Network-Centric Warfare: Its Origin and Future* // *U.S. Naval Institute Proceedings*. Jan. 1998. p. 29–35.
- ²⁶ Cebrowski A., Barnett T. *The American Way of War* // *U.S. Naval Institute Proceedings*. Jan. 2003. p. 19–24.

- ²⁷ Arquilla J., Ronfeldt D. *Swarming and the Future of Conflict*, DB-311-OSD. – Santa Monica: RAND, 2000; *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy* / Ed. by J. Arquilla and D. Ronfeldt. MR-1382-OSD. – Santa Monica: RAND, 2001.
- ²⁸ *Network Centric Operations Conceptual Framework, Version 2.0.* – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of Force Transformation, 2004; *Network-Centric Warfare: Creating a Decisive Warfighting Advantage.* – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2004.
- ²⁹ *The Implementation of Network-Centric Warfare.* – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of Force Transformation, 2005.
- ³⁰ O'Rourke R. *Iraq War: Defense Program Implications for Congress.* – Washington: Congressional Research Service, 2003.
- ³¹ *Future Strategic Strike Forces / Report of the Defense Science Board Task Force.* – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2004.
- ³² *Global Strike Joint Integrating Concept. Version 1.0.* – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2005.
- ³³ Kristensen H. *Global Strike: A Chronology of the Pentagon's New Offensive Strike Plan.* – Washington D.C.: Federation of American Scientists. 2006.
- ³⁴ Clark W. *Wining Modern Wars: Iraq, Terrorism, and the American Empire.* – N.Y., 2003.
- ³⁵ Arquilla J. *The New Rules of War* // *Foreign Policy*. March/Apr. 2010. p. 60–67.
- ³⁶ Dunigan M. *Victory for Hire: Private Security Companies' Impact on Military Effectiveness.* – Stanford: Stanford University Press, 2011.
- ³⁷ *The National Military Strategy of the United States of America: Redefining America's Military Leadership.* – Washington D.C.: Joint Chiefs of Staff, 2011.
- ³⁸ Cavas C. *Air-Sea Battle Office a Nexus of Networking* // *Defense News*. 09.11.2011; O'Hanlon M., Steinberg J. *Going beyond "Air-Sea Battle"* // *The Washington Post*. 24.08.2012.
- ³⁹ Cavas C. *U.S. AF, Navy to Expand Cooperation: Air-Sea Battle will Close Gaps, Boost Strength* // *Defense News*. 09.11.2009; Krepinevich A. *Why Air Sea Battle?* / Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010; Sweetman B., Fisher R. *Revolutionary Enough? U.S. Air Force, Naval Services Draft Air Sea Battle Concept, But Chinese Threats Loom* // *Aviation Week and Space Technology*. 04.04.2011. p. 62–65; Van Tol J., Gunziger M., Krepinevich A., Thomas J. *Air Sea Battle: A Point-of-Departure Operational Concept.* – Washington D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010.
- ⁴⁰ *A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower.* – Washington D.C.: U.S. Department of the Navy, 2007.
- ⁴¹ *Naval Operations Concept: Implementing the Maritime Strategy.* – Washington D.C.: U.S. Department of the Navy, 2010; *Navy Program Guide 2011.* – Washington D.C.: U.S. Department of the Navy, Chief of Naval Operations, 2011; *Navy's Total Force Vision for the 21st Century.* – Washington D.C.: U.S. Department of the Navy, 2010.

⁴² Marine Corps Vision and Strategy 2025 / U.S. Marine Corps, June 2008.

⁴³ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2012.

⁴⁴ President Obama Speaks on the Defense Strategic Review. – Washington D.C.: The White House, 2012; Obama B. Remarks by the President on the Middle East and North Africa. 19 May 2011. – Washington D.C.: The White House, 2011; Obama B. Remarks by the President on the Way Forward in Afghanistan. 22 June 2011. – Washington D.C.: The White House, 2011.

⁴⁵ Hart G. After bin Laden: Security Strategy and the Global Commons // Survival. Aug./Sept. 2011. p. 19–25; Kroenig M. Time to Attack Iran: Why a Strike Is the Least Bad Option // Foreign Affairs. Jan./Feb. 2012. p. 76–86.

⁴⁶ Panetta L. Statement on Defense Strategic Guidance. Speech, 5 Jan. 2012. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2012; Report to Congress on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan and United States Plan for Sustaining the Afghanistan National Security Forces. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2010.

⁴⁷ The Military Power of the People's Republic of China. Annual Report to the Congress. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 2012.

⁴⁸ Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. – L.; N.Y.: W.W.Norton & Co., 2011; Kissinger H. On China. – L.; N.Y.: Allen Lane and The Penguin Press, 2012; Kissinger H. The Future of U.S.–Chinese Relations: Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. March/Apr. 2012. p. 44–55; O'Rourke R. China Naval Modernization: Implications for U.S. Naval Capabilities: Background and Issues for Congress. RL 33153. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2011; Vego M. China's Naval Challenge // U.S. Naval Institute Proceedings. Apr. 2011. p. 36–40; Wise D. Tiger Trap: America's Secret Spy War with China. – N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2011.

⁴⁹ Dobbins J. War with China // Survival. Aug./Sept. 2012. p. 7–24.

⁵⁰ Odierno R. The U.S. Army in a Time of Transition: Building a Flexible Force // Foreign Affairs. May/June 2012. p. 7–11.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНТРОЛЯ НАД ЭКСПОРТОМ ВООРУЖЕНИЙ

28 марта 2013 г. завершила свою работу Конференция ООН по торговле оружием, получившая значительный отклик в мировых и отечественных СМИ. По оценке многих экспертов, проблема регулирования торговли оружием далека от решения, удовлетворяющего подавляющее большинство производителей, экспортеров и импортеров вооружений в мире, и остается предметом последующих дискуссий.

Экспорт вооружений неизменно сопровождается обсуждением вопросов контроля над ним. При этом необходимость ограничения экспорта закономерно связывается с гуманитарными аспектами международных отношений (прекращение конфликтов, геноцид, недопущение уничтожения гражданского населения/некомбатантов и т. п.). В дискуссиях по этому вопросу присутствует, хотя порой и незримо, и иной мотив – противоборство крупных держав-конкурентов, стремящихся сузить сферу деятельности соперников и, соответственно, защитить и отстоять свои позиции на мировом рынке вооружений.

I. Противоречивый опыт

Первые попытки ограничить экспорт вооружений восходят к последней четверти XIX в. Они были связаны с борьбой империалистических держав в Азии и Африке за сферы влияния и прикрывались благовидным предлогом ограничить истребление негритянского населения от арабских охотников на рабов. Последовательные акты 1885, 1888, 1890 гг. с добавлениями 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. сводились к установлению ряда запретных для оружейной торговли зон. Брюссельский акт 1890 г. предусматривал создание при бельгийском министерстве иностранных дел специального бюро для информации и наблюдения за мерами по борьбе с запретным торгом. С созданием Лиги Наций (1919 г.) вопрос перешел в ее ведение и до сих пор продолжает находиться главным образом в сфере деятельности ООН. При этом Россия получала голоса поддержки от ряда, прежде всего, нейтральных стран типа Мальты, Швеции и Дании.

Первая мировая война резко усилила интерес общественности и политических кругов ведущих стран мира к проблеме торговли оружием. Сен-Жерменская конвенция 1919 г. вновь обратилась к так называемым запретным зонам. Под термином «специальные зоны» понимался весь африканский континент, за исключением Алжира, Ливии и ЮАС, а также Аравийский полуостров, все бывшие турецкие подмандатные владения, Персия и Закавказье.

В октябре 1921 г. Совет Лиги Наций обратился к государствам, подписавшим Конвенцию, в том числе и к тем, кто не являлся членом этой организации, с предложением поскорее ратифицировать ее. Препятствие возникло в связи с

позицией Соединенных Штатов: Вашингтон не пожелал стеснять своих военных производителей. К тому моменту США вышли на ведущие позиции в мире по производству вооружений и не желали себя ограничивать в этом качестве. Впрочем, американская сторона оговорила, что она будет придерживаться Брюссельского акта, если президент США сочтет это полезным. Стоит ли говорить, что в таких условиях вопросы ограничения военного экспорта в значительной степени потеряли свой смысл.

Развивая производство военной техники в условиях политической изоляции со стороны ведущих индустриальных держав мира, Москва также отказалась участвовать в каких-либо формах в международных конференциях по ограничению торговли оружием. В 1925 г. представителя СССР не было на проводившейся под эгидой Лиги Наций Женевской конференции по контролю за торговлей оружием и боеприпасами, в работе которой приняли участие 44 страны Европы, Азии, Америки и Африки.¹

Лига Наций призывала СССР ратифицировать Конвенцию, однако тогдашний народный комиссар СССР по иностранным делам Г.Чичерин в своей ноте от 27 апреля 1925 г. уведомил Лигу, что проект Конвенции «в некоторых отношениях» является «вмешательством во внутренние дела СССР». Имелось в виду распространение ограничительных зон на Закавказье.² Но по большому счету, советское руководство считало Конвенцию служащей, в первую очередь, интересам империалистических держав.

Следует отметить, что Лига Наций при обсуждении вопроса об ограничении военных поставок стороны не смогла прийти к единому знаменателю по вопросу о том, какие системы считать боевыми, а какие, говоря современным языком, – системы двойного назначения. К тому времени усилившие свое влияние в Лиге Наций США добились обсуждения поправки о запрете поставок бактериологического оружия, расширив тематику дискуссий. В условиях колониального мира участники дискуссий не пришли к пониманию и относительно того, что подразумевать под категорией «правительство». Были предложения считать таковыми только легально признанные правительства. Но сразу возникал вопрос о том, кем признанные и насколько «легитимно» такое признание? Иными словами, один вопрос вытекал из другого, не находя должного ответа. Не было единого мнения и в том, должны ли положения Конвенции распространяться только на членов Лиги или же на все государства мира.³ Не пришли договаривающиеся стороны и к согласию относительно участия в самой Конвенции. Но, пожалуй, главной проблемой стала, по мнению советского эксперта проф. В.Дурденевского, неспособность создания международного органа по централизации статистики по импорту оружия, хотя бы в уже обозначенных зонах.⁴

Анализируя причины провала переговоров по ограничению военных поставок в рамках Лиги Наций, В.Дурденевский упоминает нежелание малых и особенно восточных стран становиться под контроль великих держав, нежелание государств – крупных производителей оружия сокращать доходную статью, «мирное соперничество» Англии и США, а также признание устаревшим раздела мира, закрепленного Сен-Жерменскими соглашениями 1919 г.⁵

Советский Союз тогда не присоединился к Брюссельскому акту 1890 г. и не поставил подпись под Сен-Жерменской конвенцией, хотя по аналогии с Англией, Францией и Бельгией подписал и даже ратифицировал протокол к ней. И это при том, что еще в первой половине 1930-х гг. СССР официально уже был признан международным сообществом в качестве крупного производителя вооружений.⁶ Отсутствовала подпись СССР и под такими важными соглашениями, регламентирующими военные поставки, как Брюссельский акт 1890 г., запрещающий поставки оружия в Центральную и Южную Африку, соглашение об ограничении военных поставок в Абиссинию от 1930 г., соглашение об ограничении военных поставок в Китай 1929 г. (наряду с Германией и Чехословакией), Сент-Жерменская конвенция 1919 г., в соответствии с которой поставлять оружие рекомендовалось только законно признанным правительствам и налагались ограничения на военные поставки в район Красного моря, Персидского залива и Южной Азии (вплоть до Гвадара и Белуджистана). Представитель СССР отсутствовал и на Конференции Лиги Наций по разоружению (1932 г.), во многом вследствие того, что советские внешнеполитические интересы тогда еще не распространялись так далеко. СССР не ответил и на предлагавшийся Конференцией опросник на предмет производства и поставок вооружений другим государствам. В целом Конференция признала, что «попытки установить международный контроль за поставками вооружений требуют много времени и, очевидно, далеки от реального воплощения».⁷

Причины игнорирования Советским Союзом международных инициатив по контролю за поставками вооружений, видимо, крылись не только в том, что он находился практически в состоянии международной изоляции и вследствие этого был вынужден наращивать свою военную мощь. Определенную роль играли и два других фактора. Во-первых, сохранялась ставка на помощь революциям в других государствах. Эти государства лежали вне колониальной зоны, а соответственно, вне признания другими державами-производителями вооружений. Возможны были ситуации, когда СССР начал бы оказывать помощь, но не законным правительствам, а революционерам, и уже в силу этого Москва не желала связывать себе руки международными соглашениями и регламентами. По сути такая позиция соответствовала и американской позиции, а также позиции ряда других держав того времени.

Во-вторых, Советский Союз старался стремительно нарастить выпуск вооружений для собственных нужд, чтобы обеспечить выживание советского государства и общественного строя. Ограничения рассматривались Кремлем как сдерживающий фактор, который мог затормозить развитие советского ВПК. В СССР ставили задачи радикального свойства. «Сталин лично руководил развитием военной техники, -- писал М.Н.Тухачевский. – Он ставил задачи создания мощной не только по числу, но и по качеству авиации, усиления армии многочисленными танковыми соединениями, усиления армии могучей современной артиллерией, создания мощного оборонного значения флота».⁸

II. Противоборство великих держав

Вторая мировая война и подготовительный период к ней, когда складывались основные группировки противоборствующих государств, практически низвели проблему ограничения военных поставок до уровня формальности. Достаточно вспомнить массированные военные поставки Советским Союзом и Германией своим ставленникам в Испании в годы гражданской войны.

Война и участие в ней всех ведущих мировых держав стимулировали острейшее соперничество как в количестве, так и, особенно, в качестве производимых вооружений. Это привело к небывалому в мировой истории уровню производства вооружений в мире. Так, в Советском Союзе было произведено 12,1 млн. винтовок и карабинов, более 6 млн. единиц автоматического оружия, 500 тыс. орудий, 350 тыс. минометов, 100 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), 112 тыс. боевых самолетов.⁹ США произвели за военные годы почти 12,5 млн. винтовок и карабинов, почти 5 млн. пулеметов, 550 тыс. орудий, 100 тыс. танков и САУ, почти 200 тыс. военных самолетов.¹⁰ Хотя значительная часть этих вооружений была уничтожена в ходе военных действий, очень много оружия осталось у победителей, включая захваченное вооружение побежденных держав Оси. Требовалась или его частичная утилизация, или передача союзникам. СССР в военные и послевоенные годы оказал значительную военную помощь союзным государствам Европы и Азии.

С появлением ядерного оружия перед первыми ядерными и «пороговыми» государствами, включая СССР, встал и такой вопрос: а нужно ли себя ограничивать в производстве обычных вооружений и распространении их среди союзников, пока сохраняется американская ядерная монополия? Тот период, когда сохранялась ядерная монополия США, СССР, форсируя аналогичные работы, уделял внимание совершенствованию и обычных вооружений в той степени, чтобы они могли компенсировать отставание от США и, даже в случае использования американцами ядерной бомбы, нанести им значительный ущерб.

«Холодная война» как противоборство между двумя политическими системами и блоками государств стимулировала относительно быстрое и качественное совершенствование обычных вооружений и оружия массового уничтожения (ОМУ). Ликвидация Советским Союзом ядерной монополии Соединенных Штатов и установление ядерного паритета сыграли важную роль в возврате двух сверхдержав к проблеме ограничения обычных вооружений. Как показало поведение СССР и США в ходе ряда международных конфликтов (например, на Корейском п-ове и на Ближнем Востоке), между ними сформировалось некое негласное джентльменское соглашение, согласно которому тот или иной локально-региональный конфликт следовало ограничивать региональными рамками и не переносить его на глобальный уровень.

В годы «холодной войны» ООН в основном играла декоративную роль в ограничении поставок вооружений, которые по большей части регулировались двусторонними официальными или часто вербальными договоренностями между СССР и США, иногда с участием некоторых других держав, и их опасениями, связанными с угрозой эскалации того или иного конфликта. Тем не менее, время от времени великие державы прибегали к использованию прерога-

тив ООН ради придания легитимности своим действиям, что особенно наглядно проявлялось в ходе периодической эскалации арабо-израильского конфликта.

Однако в любом случае реальность была такова, что одна сверхдержава могла поставить вооружение своему клиенту вне зависимости от того, нравилось ли это международному сообществу или нет, хотя и с некоторой оглядкой на другую сверхдержаву. Трибуна же ООН часто использовалась как место, где можно было пропагандистски обосновать перед мировым сообществом правомерность своей позиции по предоставлению военной помощи тому или иному государству.

В целом, по мнению ряда экспертов, в послевоенный период все усилия стран-производителей оружия навести хоть какой-то порядок в этой области свелись в основном к картелизации мировой торговли оружием. В сложившихся обстоятельствах они, видимо, и не могли привести к иным результатам. Более продуктивной выглядела идея ограничения спроса на оружие снизу, что автоматически должно было бы ограничить и аппетиты производителей вооружений. Эту идею, в частности, разделял известный американский политик Г.Киссинджер.¹¹ Ее серьезным недостатком была непродуманность самого механизма самоограничения стран-покупателей.

Западные страны обвиняли Советский Союз в том, что он срывает предпринимаемые ими меры по ограничению экспорта вооружений, ссылаясь, в частности, на пример Ближнего Востока, где в 1950–1955 гг. действовали оговоренные США, Англией и Францией ограничения на поставки вооружений. «Ворвавшийся» в Египет Советский Союз якобы «расстроил порядок вещей». При этом на Западе не желали признать, что они поддерживали не ограничения как таковые, а установленный ими и, безусловно, выгодный им режим.

Советско-американские переговоры по ограничению экспорта вооружений велись в период 1977–1978 гг. США тогда настаивали на недопущении поставок наиболее современных боевых систем, а также реэкспорта вооружений в третьи страны. Советский Союз предлагал определиться с политическими ситуациями, которые требовали ограничений в военных поставках.

В ходе переговоров стороны пришли к пониманию того, что необходимо ограничить поставки отдельных видов вооружений – ракет класса «земля-земля» большой дальности, морских мин и вооружений, которыми могут воспользоваться террористы. Однако гораздо больше разногласий возникло при обсуждении ситуации в регионах, в которых необходимо соблюдать такие ограничения. Советский Союз настаивал на том, чтобы соответствующие ограничения были введены на поставки оружия Китайской Народной Республике. США намеревались ограничить военные поставки в Латинскую Америку и Африку южнее Сахары. В результате стороны так и не смогли выйти с заранее согласованными предложениями в Совет Безопасности ООН, где КНР, как они, имела блокирующий голос. В этой связи примечательно, что переходный период конца 1980-х – начала 1990-х гг. характеризовался активизацией усилий великих держав в рамках ООН по ограничению неконтролируемого распространения в мире вооружений, военной техники и военных технологий. Во многом это было обусловлено обвальным сокращением военных поставок из Советского Союза и России.

Так, по итогам состоявшейся в Лондоне 17-18 октября 1991 г. встречи полномочных представителей пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН (СССР, США, Китая, Англии и Франции) было принято совместное Коммюнике «Основные направления поставок обычных видов вооружений», в соответствии с которым стороны обязались:

«1. Внимательно рассматривать, насколько военные поставки:

- содействуют возможностям получателя рассчитывать на законную самооборону;

- служат разумным и пропорциональным ответом на вызовы безопасности и военные угрозы, с которыми сталкивается страна-получатель;

- способствуют возможностям получателя участвовать в региональных и иных системах коллективной безопасности в соответствии с Хартией ООН или по просьбе ООН.

2. Избегать поставок, если таковые приведут к:

- продолжению или обострению существующих конфликтов;

- усилению напряженности в регионе или будут способствовать нестабильности в нем;

- станут дестабилизирующим военным фактором;

- нарушат эмбарго или иные действующие в рамках международного сообщества ограничения;

- будут использоваться в целях, отличных от потребностей законной самообороны и безопасности страны-получателя;

- будут способствовать международному терроризму или поощрять его;

- будут нацелены на вмешательство во внутренние дела другого государства;

- будут серьезно подрывать экономические основы государства».¹²

К сожалению, на практике этот документ так и остался в основном декларацией о намерениях. Политика государств и их интересы чаще побуждали их избегать переговорных процессов, давая оценки тем или иным ситуациям, связанным с поставками вооружений.

III. В роли ведущего игрока

Процесс «перестройки», демократизации и гласности в СССР и России оказал существенное влияние на повышение транспарентности (прозрачности) военных поставок. В связи с этим изменилась сама база исследований в области военного экспорта. Теперь источниками информации стали официальные российские структуры, связанные с экспортом вооружений, компании, производящие вооружения и средства массовой информации, которые могли получать от них соответствующие сведения, причем достаточно надежные. Конечно, в ходе реализации контрактов пересмотру и уточнению могли подвергаться как количественные показатели поставок, так и их стоимостные параметры, но в целом стало возможным получить относительно полную и четкую картину экспорта вооружений. При этом военные партнеры могли, естественно, скрывать детали поставок, снаряжения и оборудования.

В результате стало возможным появление на свет другого важного документа – резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1991 г. о Регистре обычных вооружений. В соответствии с этим актом, все государства, как экспортирующие, так и импортирующие вооружения и военную технику (ВВТ), приглашались в добровольном порядке предоставлять ежегодную информацию о своем экспорте и импорте ВВТ. В резолюции обозначалось семь основных пунктов отчетности: танки, бронемашины, боевые ударные вертолеты, боевые корабли, артиллерийские системы больших калибров, боевые самолеты и ракетные системы.¹³ Естественно, что государства, добровольно взявшие на себя такие функции, должны были считаться с тем, что предоставляемая ими информация всегда могла быть проверена с помощью средств космической и иной радиотехнической разведки.

В 1992 г. состоялись встречи руководителей государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН по вопросам ограничения военных поставок на Ближний Восток. Однако участники обсуждений не смогли договориться ни о целях, ни о параметрах таких ограничений. Было лишь констатировано, что такого рода ограничения полезны, хотя и не всегда имелся в наличии инвентарий по их выполнению. В октябре 1992 г. Китай приостановил участие в процессе после того, как США объявили о поставке 150 истребителей «F-16» Тайваню. Другие усилия предпринимались в рамках ЕС (по вопросам поставки техники двойного назначения), ОБСЕ (по вопросам предоставления информации о военных поставках в регистр ООН), «семерки» (по вопросам передачи ракетных технологий, систем доставки химического и биологического оружия), а также отдельными государствами. США, например, предприняли одностороннюю попытку ограничить поставки вооружения Ираку и Ирану, хотя и (а возможно, частично и вследствие того, что) не являлись главным поставщиком вооружений в зону ирано-иракского конфликта.

К числу дальнейших позитивных сдвигов следует отнести создание в отдельных государствах соответствующих органов по контролю за экспортом вооружений. Так, в Японии был создан Комитет по контролю за безопасностью экспорта, в России – комиссия по экспортному контролю и т. д. Стал ужесточаться контроль над поставками вооружений в зоны конфликтов, особенно в тех государствах, в отношении которых действовало эмбарго СБ ООН. Была, наконец, сформирована группа международных экспертов по обслуживанию Регистра ООН. За первые два года его существования примерно половина государств-членов ООН дали свою информацию для Регистра, включая ведущих мировых экспортеров. Однако информация не могла расцениваться экспертами как полная, к тому же формы предоставления ее не отличались однообразием.

Многие импортеры вооружений давали неполную информацию или не давали ее вовсе, не говоря уже о неточном отнесении отдельных образцов к требуемой категории поставок. Иными словами, картина мирового экспорта вооружений по ряду показателей все еще оставалась расплывчатой. Так, например, по информации экспортеров, в 1993 г. было поставлено за рубеж 2493 танка, а импортеры заявили о приобретении 1709 танков.¹⁴ Отдельные государства продолжали выдвигать свои идеи относительно списка техники. Так, например КНР считала, что ракеты ПВО должны быть исключены из категории «ракет».

С середины 1990-х гг. стали осложняться отношения американской администрации с руководством ООН в политической и, как следствие, в финансовой сферах. Правительство США считало, что ООН позволяет себе проводить слишком независимый, а нередко и антиамериканский курс, что, по мнению Вашингтона, было непозволительно в отношении США как государства, являющегося основным спонсором ООН и предоставившего место для ее штаб-квартиры. Вашингтон перестал вовремя вносить средства в бюджет ООН, чем изрядно ограничил деятельность и возможности организации. Более того, администрация Б.Клинтона открыто взяла курс на игнорирование роли ООН в международных кризисах (наиболее наглядный пример – действия США против Югославии).

Таблица 3. Эмбарго на поставки вооружений, введенные на основе мандата ООН

Потребитель	Наложено	Снято	Резолюция
Афганистан (Талибан)	19.12.01 г.		СБ ООН 1333
Ангола (УНИТА)	15.09.93 г.		СБ ООН 864
Эритрея	17.05.00 г.	15.05.01 г.	СБ ООН 1298
Эфиопия	17.05.00 г.	15.05.01 г.	СБ ООН 1298
Ирак	6.08.90 г.		СБ ООН 661
Либерия	7.03.01 г.		СБ ООН 1343
Ливия	31.03.92 г.	5.04.99 г.	СБ ООН 748
Руанда	16.08.95 г.		СБ ООН 1011
Сьерра-Леоне	5.07.98 г.		СБ ООН 1171
Сомали	23.01.92 г.		СБ ООН 733
Югославия (СРЮ)	31.03.98 г.	10.09.01 г.	СБ ООН 1160
Конго (ДРК)	28.07.03 г.		СБ ООН
Аль-Каида и сторонники	16.01.02 г.		СБ ООН 1390

Источник: Ежегодник СИПРИ 2002 / Пер. с англ. – М., 2003. с. 403.

Последующие односторонние акции США в обход ведущей международной организации в решении конфликтных ситуаций в Югославии и на Ближнем Востоке еще более снизили значение ранее достигнутых договоренностей. США сделали основной акцент на координацию усилий в рамках НАТО, лишь изредка идя на согласование некоторых двусторонних действий с Россией. В результате роль ООН в области ограничения поставок вооружений в зоны региональных конфликтов становилась почти маргинальной. ООН оказалась *де факто* неспособной регулировать возникающие конфликты, тем более влиять на военные поставки в ту или иную точку планеты. Кризис с ООН стал понемногу разрешаться лишь к началу 2000-х гг., когда США пообещали вносить свою долю в финансирование ООН, но опять же после того, как была обеспечена

поддержка со стороны ООН их действий сначала в Афганистане, а потом и в Ираке.

С другой стороны, практически все резолюции, касающиеся применения эмбарго ООН на поставки вооружений в ту или иную «горячую» точку на основе мандата Совета Безопасности, принимались в отношении тех стран, которые не являлись крупными или даже значимыми покупателями вооружений и так или иначе стояли на пути интересов Соединенных Штатов. Примерами могут служить бойкот движения Талибан в Афганистане и режима С.Хусейна в Ираке. Некоторые виды эмбарго принимались США вообще без мандата СБ ООН. Кроме того, эмбарго на поставки вооружений принимались и в рамках ЕС. Однако в основном такие эмбарго касались африканских стран, которые (за исключением, пожалуй, Эфиопии) не являлись крупными потребителями ВВТ.

В ряде случаев США и их союзники в одностороннем порядке контролировали реализацию эмбарго, если, конечно, были в этом заинтересованы. Израиль, например, перехватывал суда, поставляющие военные грузы для Ирака, которые, якобы, предназначались для третьих стран. Военный блок НАТО особенно внимательно следил за соблюдением эмбарго на предоставление военной помощи Югославии в 1999 г.

Принципиально новая ситуация стала складываться с начала 2000-х гг. Она в большей мере была связана с выходом России по ряду параметров из экономического провала, образовавшегося на смене эпох, и со значительным ростом объема ее военного экспорта. Решающее значение имела и новая конфигурация сил на мировой арене в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Conference for the Supervision of the International Trade in Arms and Ammunition and Implements of War. – Geneva, 1925.

² Международная жизнь. 1929. № 8. с. 44.

³ Так, например, Бразилия и Персия сочли невозможным для мирового сообщества судить законность и легальность правительств отдельных стран. В конечном итоге американская сторона решила считать правительства законными по усмотрению президента САСШ, и, как следствие, дискуссии закончились ничем.

⁴ Международная жизнь. 1929. № 8. с. 51.

⁵ Там же, с.52.

⁶ White F. Traffic in Arms. – L.: League of Nations, 1934. p.27.

⁷ Ibid., p.56.

⁸ Тухачевский М. Мощь Красной Армии непреодолима. Речь на VII съезде Советов СССР. – М.: Партиздат, 1935. с. 7.

⁹ Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. – М: Наука, 2005. с. 321.

¹⁰ Там же, с. 332.

¹¹ Pierre A. The Global Politics of Arms Sales. – Princeton (N.J.), 1982. p. 283.

¹² Disarmament. V. XV. № 1. – N.Y.: UN, 1992. p. 162–163.

¹³ Coming to Terms with Security: a Lexicon for Arms Control, Disarmament, and Confidence-Building. Steve Tulliu and Thomas Schmalberger. – Geneva: UNIDIR, 2003. p. 193.

¹⁴ SIPRI Yearbook 1995. – Oxford: Oxford University Press, 1995. p. 561.

СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ, КОМЕНТАРИИ

И.Н.Куклина

РОССИЙСКИЙ ПАЦИФИЗМ – НОВОЕ ДЫХАНИЕ?

В условиях «холодной войны» общественная борьба за мир, символизировавшая лед и пламень военно-политического и идеологического противостояния Востока и Запада, создавала нишу для выражения своих убеждений искренними (или наивными?) противниками вооруженного насилия по обе стороны линии противостояния. Сейчас, на фоне краха биполярного мира и его последствий пацифизм иной раз кажется почти исключительно достоянием прошлого.

Россия довольно равнодушно относится к глобальным пацифистским инициативам, которых существует великое множество. Например, подписание 380 депутатами Европарламента декларации в поддержку неправительственных организаций (НПО), выступающих против ядерного оружия и за ужесточение режима нераспространения и разоружение, мало кого взволновал в российском политическом классе. Впрочем, современный зарубежный пацифизм также тяготеет к некоторой виртуальности. В реальности он все более замещается диверсифицированными поисками ответов на относительно частные вопросы, которые не всегда сочетаются с философией подлинного мироутверждения, и диктуется, скорее, интересами выживания государственных и общественных конструкций в месиве не идентифицированных, непредсказуемых международных и социально-политических процессов.

Можно ли, однако, полностью согласиться с мнением о том, что пацифизм или «пацифистские настроения» умерли? С одной стороны, на Россию никто не нападает извне и она спокойно живет уже 20 лет, причем с перманентно реформируемой армией, которую никак не удастся довести до степени «постоянной боевой готовности». С другой стороны, в обществе явно наблюдается дефицит безопасности. В 1990-е гг. от него спасались за железными дверями, потом — в домашних крепостях, за все более высокими заборами, наконец, за счет разрастания в небывалых масштабах охранных структур разного калибра. За последние два десятилетия Россия пережила два тяжелых внутренних вооруженных конфликта (или две стадии одного и того же конфликта на Северном Кавказе) и военную операцию в связи с кризисом вокруг Южной Осетии и привлекла к регулярным «террористическим» новостям. В целом, в обществе ощущается недостаток устойчивого мира в стране и ее ближайшем окружении (не говоря уже о более отдаленных регионах, внимание к которым резко сократилось). Можно предположить, что на маргинальном уровне большинство россиян по-прежнему «за мир» и за то, что «лишь бы не было войны». Еще не совсем вымерли те, кто помнит Великую Отечественную. Живы воевавшие в Афганистане и Чечне. Память о неподсчитанных погибших и пропавших без вести в

ходе обрушения «нерушимого» Союза живет на всем постсоветском пространстве.

Пацифистские настроения в виде приверженности принципу ненасилия присутствуют в деятельности ряда правозащитных, антимилитаристских, антивоенных и женских неправительственных организаций. На протяжении последних двух десятилетий они развивались в условиях:

- практического отсутствия какой-либо материальной или иной поддержки со стороны государства;

- быстрого прогресса в развитии и укреплении международных связей российских НКО на протяжении 1990-х гг., в основном с европейскими и американскими организациями;

- резкой «смены вех» государственной политики в этой области в последнее десятилетие, направленной на прекращение всякой поддержки неправительственных организаций из-за рубежа;

- смены поколений в среде гражданских активистов, происходящей на фоне расширения коммуникативных возможностей и развития подвижного сетевого общения неформальных групп, выпадающих из сферы юридического и административно-экономического государственного контроля. Можно ожидать, что и формы «общения» государства с протестными движениями будут отличаться от прежних, патерналистских форм.

При этом нельзя сказать, чтобы государственная политика по отношению к некоммерческим объединениям в России принципиальным образом отличалась от общемировых тенденций. Данный сектор в той или иной мере неизбежно зависит от государства: в развитых странах - как источника финансирования, в развивающихся - как источника повышенного внимания или различного рода притеснений. Российская ситуация от обеих вариаций отличается тем, что в отношениях с государством молодое, нарождающееся гражданское общество за короткий срок прошло путь от бурной перестроечной эйфории и ельцинской анархической «свободы» к отрезвляющей ситуации 2000-х гг., которая оборачивает определенной – и растущей – изоляцией России в мире¹ на основе отчуждения граждан от реального участия в формировании национальных ориентиров развития.

Рассуждая о российском пацифизме, следует иметь в виду, что история общественной самоорганизации в России за последние десятилетия все еще слабо изучена. Чаще всего описание деятельности неправительственных организаций опирается исключительно на социологический инструментарий, что нередко ограничивает возможности разностороннего и объективного анализа форм и методов работы различных НПО, их роли и влияния в развитии взаимоотношений с властными структурами и обществом. Не следует забывать и о том, что двух одинаковых НПО не бывает, каждое неправительственное объединение развивается по собственной уникальной траектории, как и любой живой социальный организм.

Учитывая все эти обстоятельства, попробуем рассмотреть, каковы итоги миротворческих течений и настроений в российском обществе последних десятилетий, связанных с деятельностью наиболее знакомых автору неправительственных организаций. Оговоримся при этом, что автор, в течение двух десяти-

летий работавший членом Координационного совета Союза комитетов солдатских матерей России, не претендует на всеобъемлющий анализ.

В угаре эйфории, порожденной окончанием «холодной войны», когда глобальный мир многим казался вполне близким и достижимым, пацифисты на короткое время оказались в авангарде политических и идеологических подвижек. Конечно, причины краха биполярного мира, в первую очередь, определялись отнюдь не влиянием пацифистских настроений. Но пацифисты смогли использовать плоды этих подвижек для демонстрации своего общественного присутствия. Так, в конце 1980-х гг., на волне подписания Хельсинкских соглашений возникла российско-американская группа, объединенная идеями пропаганды мира и ненасилия. Оживилась деятельность и некоторых «федералистских» организаций.

В 1990-е гг. на преимущественно интеллигентский российский пацифизм обрушились бурные процессы, сопровождавшие «суверенизацию» страны. Под давлением окружающей среды пацифизм должен был адаптироваться к новым условиям. Придавленные проблемами выживания и нищетой, «маргинальные» группы женщин-матерей без всякой внешней поддержки создают Комитет солдатских матерей России во главе с председателем Марией Кирбасовой, который в 1990 г. созывает *всесоюзный* форум на тему «Какая армия нам нужна?». Вопрос был поставлен, что называется, ребром, и российская власть окончательного ответа на него до сего времени так и не дала. Форум четко определил позиции участников по важнейшим стратегическим проблемам и основные направления их деятельности. «Солдатские матери» заявили о своей приверженности принципам ненасилия, призвали отказаться от использования вооруженной силы в международной жизни, выступили в защиту прав военнослужащих по призыву, призывников и их родителей, высказались против принудительного призыва и потребовали скорейшего проведения военной реформы, направленной на создание в России профессиональной армии. Таким образом, пацифистские идеалы и идеи в деятельности солдатских матерей с самого начала были выражены четко и ясно.

В этом контексте следует также упомянуть инициативу солдатских матерей по расследованию нарушений прав человека на острове Русском. В 1992–1993 гг. в шести учебных центрах ВМС РФ, расположенных на острове, который был виден из окна кабинета командующего Тихоокеанским флотом, две тысячи молодых матросов по призыву погибали от дистрофии, болезней, антисанитарии и криминального произвола. В конечном итоге командующий «тихо ушел» в отставку, «стрелочников» наказали, больных и изувеченных частью увезли с собой матери, частью попрятали на других флотах. В 1994 г. учебные центры были расформированы. Тогда именно солдатские матери выступили против внутриармейского произвола и насилия.

Затем грянула война в Чечне – война нового для постсоветской России типа, на собственной территории, чрезвычайно болезненная, с гремучей смесью партизанской борьбы и терроризма.² За считанные месяцы число комитетов солдатских матерей в России возросло в три-четыре раза. Сотнями матери отправлялись в Чечню за сыновьями. Они были убеждены, что терять сыновей

в ходе внутреннего вооруженного конфликта недопустимо. Они хотели мира и они его добивались, как могли.

Каков же основной итог пацифистских акций за истекшие 20 лет? В самом общем виде они таковы:

- Деятельность комитетов солдатских матерей засвидетельствовала, что потенциал гражданской самоорганизации в России не утерян, его оживление требует лишь ясности в определении целей, достойных приложения усилий. При этом вопросы войны и мира традиционно занимают приоритетные места в иерархии объектов гражданского внимания.

- Впервые в истории России защита прав военнослужащего стала предметом общественного внимания. В советское время вопрос о том, человека в военной форме, солдата, можно и нужно защищать от государственного произвола и насилия, не ставился. Солдатские матери вывели эту проблему не только на национальный, но и на международный уровень.

- Солдатские матери, опираясь на международно-правовые нормы, использовали любые возможности для содействия прекращению боевых действий и защиты прав военнослужащих. Они обращались к российским властям, международному сообществу и чеченским боевикам с предложениями о посредничестве в установлении мира.³

- Именно солдатские матери поставили на повестку дня вопрос о военной реформе на основе профессионализации армии. Не вина матерей, что после очередной попытки сдвинуть реформу с места, вскрылись настолько острые проблемы функционирования российской военной корпорации, что пришлось срочно вновь прикрывать их покрывалом секретности.

Главным же итогом деятельности организаций солдатских матерей явились тысячи и тысячи спасенных жизней. В 1990-е гг. потери вооруженных сил в мирное время достигали, по официальным данным, более трех тысяч военнослужащих по призыву в год. Избитые, искалеченные, ограбленные, страдающие от болезней и голода солдаты искали защиты в комитетах солдатских матерей. В Волгограде был случай, когда к солдатским матерям в полном составе припарковала из другого города рота солдат, которых командир, «расследуя» пропажу транспортного средства, избивал черенком лопаты. Недаром Союз комитетов солдатских матерей России прочно держит первенство по популярности среди общественных организаций. Активность солдатских матерей - это живая и плодотворная ветвь современного российского пацифизма.

В то же время деятельность КСМ послужила причиной формирования некоторых тенденций, которых солдатские матери не ожидали. В частности, параллельно активизации мероприятий солдатских матерей стали нарастать иждивенческие настроения среди родителей военнослужащих по призыву. Приток новых кадров правозащитников в КСМ заметно ослаб. Люди привыкли к тому, что комитеты делают за родителей то, что надо, а именно защищают их детей. В дополнение к этому отвергаемая обществом идея принудительного призыва вызвала феномен «специализированного» экспертного сообщества в этой области, готового на все ради платы от родителей за освобождение их ребенка от военной службы.

Кроме того – и это, пожалуй, самое интересное – с принятием закона об альтернативной службе в России начали развиваться правозащитные группы, занявшие свободную нишу в системе защиты прав военнослужащих по призыву, а именно сферу нарушений прав «альтернативнослужащих». Некоторые приверженцы идей развития альтернативной службы, например, С.Сорокин («Движение против насилия»), вообще считали, что проблемы призыва и его отмены в принципе не существует, а военнослужащие по призыву являются по сути добровольцами.

Союз КСМ смотрит на эти проблемы иначе. Наличие соответствующей конституционной нормы солдатские матери считают вполне достаточным основанием для защиты прав тех, кто не хочет брать в руки оружия в силу своих убеждений. Кроме того, они уже на стадии разработки закона об альтернативной службе были убеждены, что в реальных политических условиях Государственная Дума РФ примет такой закон, который будет отвечать интересам Генштаба и прежде всего Главного организационно-мобилизационного управления. Так и случилось. Сейчас, с сокращением срока службы по призыву, количество «альтернативнослужащих» столь невелико, что отмирание вооруженных сил вследствие роста популярности альтернативной службы вряд ли стоит на повестке дня.

Конечно, пацифизм в России вовсе не исчерпывается деятельностью тех организаций, о которых упомянуто выше. Просто их примеры характерны и показательны. На самом деле, пацифистские настроения среди общественности гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд. Союз комитетов солдатских матерей России тесно сотрудничал и сотрудничает со многими из таких групп и организаций. Среди них «Мемориал», неполитическая общественная организация имени генерала Лебеда, многие женские, молодежные организации и др. Особое место занимает Движение юных миротворцев и школ мира, огромную роль в организации которого сыграл его научный руководитель, директор Музея миротворческих операций ООН В.В.Гергель, принадлежащий к славной когорте первых советских миротворцев ООН. Очень хотелось бы, чтобы проблематика современного российского пацифизма, изучение его места и роли в нынешних условиях становления гражданского общества в России привлекли к себе больше внимания заинтересованных исследователей.

Недавно вице-премьер Дмитрий Рогозин назвал угрозу применения военной силы ключевым фактором при решении политических и экономических вопросов в современном мире. Он считает, что «пожимая руку своим партнерам стальным кулаком в лайковой перчатке, Россия должна продемонстрировать миру свою твердую решимость отстаивать мир и свое в нем достойное место».⁴ Несмотря на то, кулаком пожать руку затруднительно, подобные заявления свидетельствуют о все большей актуальности проблем войны и мира для России. Россияне могут вновь оказаться в положении, когда им придется спрашивать себя: «Хотят ли русские войны?». Не опоздать бы ответить!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. – М.: РОССПЭН, 2010.

² Комитет солдатских матерей России, в частности, в 1995 г. обращался к Президенту РФ с просьбой уточнить, какая из шести употребляющихся в официальных документах формулировок, касающихся определения событий, происходящих в Чеченской Республике, является наиболее точной. Ответа он не получил.

³ Попытка первых мирных переговоров российских НПО с чеченской стороной состоялась в конце сентября 1994 г. В них участвовали, помимо двух солдатских матерей, члены организаций «Омега» и «Международное ненасилие» В.Сухов и А.Каменщиков, а также К.Хантер, квакер из Великобритании.

⁴ Заявление Д.Рогозина 20 марта 2013 г. на заседании Военно-промышленной комиссии. <<http://lenta.ru/news/2013/03/20/rudiments>>.

АНТИВОЕННЫЕ АКЦИИ ГЕРМАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В течение почти всего периода «холодной войны» ФРГ отличалась, как правило, высоким градусом антивоенных, антимилитаристских настроений. Процесс воссоединения Германии на рубеже 1980-1990-х гг. в какой-то мере отвлек внимание граждан страны от активных действий в мирозащитном плане, что и предрасположило некоторых западных аналитиков к ожиданию длительного спада в этой области. Однако подобные прогнозы не оправдались. Начиная с конца 1990-х гг. ФРГ вновь вышла в передовые ряды антивоенных сил и с тех пор демонстрирует устойчивый лидерский потенциал в этой области.

15 февраля 2013 г. исполнилось 10 лет со дня самой мощной в истории послевоенной Германии антивоенной демонстрации, в которой приняли участие более 500 тыс. человек. Эта акция, организованная десятками различных структур антивоенного и правозащитного движения, профсоюзами и политическими партиями, была направлена против планов администрации Дж.Буша начать агрессию против Ирака. Несмотря на просьбу тогдашнего канцлера ФРГ социал-демократа Г.Шредера воздержаться от участия в этом мероприятии, президент бундестага В.Тирзе (СДПГ), федеральные министры «красно-зеленого» правительства из СДПГ и партии «Союз 90/зеленые» заместитель председателя СДПГ Х.-М.Вичорек-Цойль, Ю.Триттин и Р.Кюнаст (оба из партии «зеленых») присоединились к шествию.¹ Об эффективности демонстрации свидетельствовал тот факт, что акция побудила германский журналистский цех более интенсивно заняться собственно проблемой войны, нежели вопросом «верности ФРГ Североатлантическому союзу».²

Представленные в бундестаге политические партии с тех пор активно используют парламентскую площадку для продвижения своих полемики с политическим оппонентами по вопросам войны и мира. Фракция СДПГ, например, в недавнем проекте резолюции «Никакой модернизации размещенного в Европе и на территории Германии ядерного оружия США – использовать шансы для разоружения» напомнила о сделанных в ходе предвыборной кампании правящими партиями ХДС/ХСС и СвДП обещаниях. В частности, в коалиционном соглашении ХДС, ХСС и СвДП в 2009 г. была зафиксирована формулировка о выводе с территории ФРГ американского ядерного оружия.³ Социал-демократы призвали канцлера ФРГ А.Меркель сделать заявление в духе министра иностранных дел ФРГ Г.Вестервелле (СвДП) о необходимости сокращения роли ядерного потенциала в стратегии НАТО и важности участия Альянса в достижении глобального ядерного разоружения, вывода американского ядерного оружия с территории ФРГ. Принципиальным представляется проведение соответствующих консультаций со «скептически настроенными» союзниками по НАТО в плане формирования мер доверия по отношению к России.

Фракция Левой партии в бундестаге также обратилась к правительству ФРГ с призывом реализовать заявленное в коалиционном соглашении между ХДС, ХСС и СвДП 2009 г. намерение о выводе размещенного на германской территории американского ядерного оружия. По мнению фракции, консервативно-либеральная коалиция за последние годы не предприняла серьезных шагов в этом направлении. Левые настоятельно рекомендуют правительству во главе с А.Меркель согласовать с администрацией США вопрос о начале данного процесса, в категорической форме отвергают возможные будущие планы по размещению ядерного оружия на территории ФРГ.⁴

Потенциал антивоенного движения в ФРГ не только не исчерпан, но и определенно возрастает. По инициативе фракции Левой партии в июне 2012 г. в Берлине состоялся т. н. седьмой «круглый стол» с участием представителей различных антивоенных структур, посвященный проблемам войны в Афганистане и ситуациям вокруг Сирии и Ирана. Активисты антивоенного движения высказались за немедленный и полный вывод иностранных войск из Афганистана, поскольку, по их мнению, запланированное пребывание натовского воинского контингента в количестве 30 тыс. военнослужащих отнюдь не означает оказание помощи местным властям в подготовке местных вооруженных сил и полицейских подразделений. Речь идет о боевых частях с задачами обеспечения геополитических интересов с учетом близости Афганистана к границам России и Китая, транзита энергоносителей.⁵

В 2012 г. пацифистские организации провели кампанию в общегерманском масштабе против поставок германских танков «Леопард» в Саудовскую Аравию. Цель проекта, организованного более чем 50 гражданскими инициативами, – добиться значительного сокращения экспорта германского оружия. Если верить опросам, 60-70% немецких респондентов, включая представителей ХДС и СвДП, высказываются против экспорта немецкого оружия. Как заявила официальная представительница акции и генеральный секретарь движения «ПАКС-КРИСТИ» К.Хофманн, созданная организационная структура зиждется на самой широкой за последние десятилетия общественной платформе выступающей против поставок немецкого оружия в зарубежные страны. Акции состоялись под патронажем бывшего председателя Евангелической церкви в Германии М.Кэсман.⁶

Католическая и Евангелическая церкви Германии в ежегодном докладе (декабрь 2012 г.) подвергли резкой критике политику федерального правительства в сфере экспорта германского оружия.⁷ В документе подчеркнуто, что полномочия федерального Совета безопасности, конкретно решающего вопросы экспорта оружия, не прописаны ни в Основном законе, ни в каких-либо законодательных актах, ни в Регламенте федерального правительства. Решение о создании такого органа было принято в 1950-е гг. Дата и повестка дня Совета, содержание его заседаний и решения держатся в тайне. Информирование парламента также не предусмотрено, что может быть лишь частично восполнено лишь путем целевых обращений парламентских фракций к федеральному правительству. По мнению составителей документа, такая практика «противоречит концептуальным положениям Основного закона о

парламентской демократии». В этой связи следует принять необходимые меры – проведение реформ в целях создания парламентского контроля.⁸ Развивая эту тему, заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге, эксперт по международным вопросам Г.Эрлер назвал такую практику «доктриной Меркель», которая размывает надлежащий порядок решения вопроса о поставках германского оружия за рубеж. Между тем число стран – покупателей немецкого оружия возросло с 48 до 64, а 42% разрешений на экспорт немецкого оружия осуществляется в третьи страны, которые не являются членами Евросоюза или НАТО. Помимо этого, речь идет о государствах с сомнительной репутацией в плане соблюдения прав человека. Г.Эрлер высказался в пользу своевременного информирования бундестага о планах подобного рода, подключения парламента к соответствующим процессам согласования. В этом контексте известный германский политик внес предложение о создании специального контрольного парламентского органа, которому должно быть подотчетно федеральное правительство.⁹

Одна из проблем, волнующих германскую общественность, -- американская система противоракетной обороны (ПРО). Свою негативную позицию в отношении ПРО неоднократно выражали германские социал-демократы. Против планов США развернуть ПРО в Европе высказались вице-канцлер, министр иностранных дел правительства «большой» коалиции из ХДС/ХСС и СДПГ (созыва 2005-2009 гг.) Ф.-В.Штайнмайер, председатель СДПГ К.Бек (2006-2008 гг.), заместитель председателя партии В.Тирзе, другие известные деятели германской социал-демократии. По словам Ф.-В.Штайнмайера, применительно к развертыванию ПРО «сомнительное развитие событий необходимо остановить».¹⁰ СДПГ, Левая партия, антивоенное движение, другие социальные потоки не находят убедительных аргументов в пользу продолжения продвижения военной инфраструктуры НАТО на Восток, с интересом воспринимают и внимательно изучают инициативы Москвы в сферах обеспечения безопасности и стратегического равновесия в Европе, включая инициативу Президента России о подписании Договора о европейской безопасности.

Германское антивоенное движение ежегодно проводит акции и выступает с заявлениями в связи с годовщинами начала Второй мировой войны. В распространенном в «антивоенный день» 2012 г. документе немецкие пацифисты призвали приостановить эскалацию насилия в Сирии, объявили правильным подход России и Китая к прекращению гражданской войны в этой стране. Два этих государства в Совете безопасности, по словам документа, блокируют действия западных стран, направленные на переустройство стратегической конфигурации на Ближнем и Среднем Востоке, предотвращают возможную военную интервенцию.

Антивоенное движение ФРГ выражает обеспокоенность продолжающимися вылазками правых радикалов, призывает к бдительности в этом плане. Особо подчеркивается тот исторический факт, что, хотя Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., к ее подготовке нацисты приступили сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 г. Отмечается, что антивоенное движение будет и в дальнейшем действовать в духе клятвы

узников нацистского концлагеря «Бухенвальд», активно выступать против войны и фашизма. По случаю антивоенного дня 2012 г. по всей ФРГ прошли более ста акций против военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств, экспорта современных видов вооружений, опасности неонацизма, возможного задействования бундесвера в решении внутригерманских проблем.¹¹

По случаю 70-летия нападения нацистской Германии на Советский Союз в 2011 г. представители политического класса и общественности страны выступили с соответствующими заявлениями. На территории ФРГ прошли памятные мероприятия, посвященные этой трагической дате. Руководители общества «Знак примирения – служение делу мира», объединения «Против беспамьяства – за демократию», «Российско-германского музея Берлин-Карлсхорст», фондов «Память, ответственность и будущее», «Мемориал памяти замученных в Европе евреев», «Саксонские мемориалы», «Нижнесаксонские мемориалы», Центра по исследованию проблем антисемитизма при Техническом университете Берлина, австрийского института истории в Клагенфурте и др. подписали Меморандум о т. н. забытых жертвах войны против Советского Союза. В документе, в частности, подчеркивается, что «22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз и вела против него беспримерную по своей жестокости войну на уничтожение: массовое преследование и уничтожение миллионов мирных жителей и военнопленных. Уже война против Польши отличалась антиславянской политикой. После начала агрессии против СССР гражданское население и военнопленные стали жертвами войны на уничтожение». Особо выделяются трагедия Ленинградской блокады, бесчеловечный «Генеральный план Ост», Холокост, использование на принудительных работах подневольного труда угнанных в Германию советских граждан. Подписавшие Меморандум обратились с призывом к германскому государству и обществу закрепить в исторической памяти злодеяния нацистов.¹² Проведенные на территории ФРГ многочисленные памятные акции подтвердили тенденцию к закреплению в германском общественном сознании трагической даты 22 июня 1941 г., роли многонациональной Красной Армии в разгроме гитлеризма, освобождении немецкого, других европейских народов от нацистской тирании.

В связи с 80-летием прихода нацистов к власти (30 января 1933 г.), а также 75-ой годовщиной «хрустальной ночи» (с 9 на 10 ноября 1938 г.) в ФРГ пошли тематические мероприятия под символическим лозунгом «Разрушенное многообразие». Руководство страны, представители политического класса и общественных кругов выступают с заявлениями. В своей речи 30 января 2013 г. на открытии экспозиции «Берлин 1933 г. – путь к диктатуре» в музее «Топография террора» канцлер А.Меркель, в частности, подчеркнула, что приход нацистов к власти стал возможным в результате соучастия элит и определенных частей общества. Большинство немцев этому потворствовали, своим молчанием.¹³

В заявлении сопредседателейлевой партии К.Киппинг и Б.Риксингера, руководителя парламентской фракции Г.Гизи обращается внимание на горький вывод германского рабочего движения о том, что «фашизм – это война»,

высказывается озабоченность сохраняющимся в современной Германии антисемитизмом, расизмом, неонацизмом и звучит призыв к противодействию правому радикализму.¹⁴ По словам кандидата в канцлеры от СДПГ П.Штайнбрюка, только сильное и бдительное гражданское общество может дать эффективный ответ на любые угрозы экстремизма и противников демократии.¹⁵ СДПГ, Левая партия, «зеленые», различные социальные движения страны активно артикулировали необходимость запрета НДПГ.

Основными программными требованиями германского антивоенного движения на 2013 г. названы:

1. Прекращение боевых действий в Афганистане, незамедлительный вывод бундесвера из этой страны. С точки зрения сторонником мира, объявленное правительством ФРГ сокращение германских военных подразделений до 3300 чел. (срок - февраль 2014 г.) является политическим маневром перед выборами в бундестаг осенью 2013 г.

2. Прекращение военного вмешательства во внутренние дела Сирии, оказания помощи вооруженным оппозиционным силам. Подчеркивается важность участия ООН в процессе достижения прекращения боевых действий и в проведении переговоров в целях мирного урегулирования затянувшегося военного конфликта.

Лишь население страны имеет исключительное право на определение политического и общественного порядка собственного государства. Выражается озабоченность в связи с переброской немецких зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» в Турцию, что содействует дальнейшему расширению гражданской войны в Сирии, возникновению новых рисков в ближневосточном регионе.

3. Предотвращение войны против Ирана. По мнению антивоенного движения, в условиях отсутствия доказательств о наличии в Иране атомного оружия США и Евросоюз вводят санкции, от которых страдает гражданское население и которые приближают ситуацию к опасной черте.

4. Недопущение развертывания американской ПРО в Европе, проведение широкомасштабных переговоров по проблемам разоружения, включая баллистические и крылатые ракеты, космическое оружие.

5. Прекращение развития технологий нового оружия. Применение нового оружия с обогащенным ураном в Ираке, Боснии, Косово и Афганистане свидетельствует о повышении заболеваемости раком, появлении других патологий, что нанесет ущерб будущим поколениям.

6. Перепрофилирование предприятий, выпускающих оружие на экспорт, на производство продукции гражданского сектора с обеспечением занятости.

7. Противодействие милитаризации общественного сознания.

8. Пресечение вылазок неонацистов. Современные нацисты культивируют традиции фашизма и расизма. Антивоенное движение продолжает вести активную борьбу против нацизма, ненависти к иностранцам, любой формы расизма.¹⁶

В целом политическая философия германского антивоенного движения сводится к необходимости создания безъядерного мира, демилитаризованной Европы и взаимопонимания между народами. С германской территории никогда

не должна исходить опасность войны. В год выборов в бундестаг и повышенной активности в обществе следует более активно информировать граждан ФРГ о логических взаимосвязях между кризисом и войной, обсуждать альтернативные пути решения конфликтов исключительно мирными средствами.

Такая повестка дня отвечает запросам и российской общественности. Её представители на различных интеллектуальных площадках, включая германо-русский Форум «Петербургский диалог», партийные фонды СДПГ, ХДС, ХСС, СвДП, Лево́й партии и «зеленых», ведут с немецкими партнерами обмен мнениями о необходимости совместных усилий по сохранению мира и стабильности в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, Севере Африки, противодействию ксенофобии, неонацизму и антисемитизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.schwaebische.de/home_artikel,-Riesige-Friedensdemonstration-in-Berlin-arid.714181.html>.

² <<http://www.kirche-mv.de/Friedensdemonstration.2845.0.html>>.

³ Deutscher Bundestag. 17.Wahlperiode. Drucksache 17/11323.06.11.2012. Antrag der Fraktion der SPD "Keine Modernisierung der US-Nuklearwaffen in Europa und Deutschland-Abrüstungschancen nicht ungenutzt verstreichen lassen".

⁴ Deutscher Bundestag. 17.Wahlperiode. Drucksache 17/11225. 25.10.2012. Antrag der Fraktion der Partei DIE LINKE „Abzug statt Modernisierung der US-Atomwaffen in Deutschland“.

⁵ <<http://christinebucholz.de/2012/06/21/7-runder-tisch-friedensbewegungen>>.

⁶ <http://www.ekd.de/print.php?file=/aktuell_presse/news_2012_07_16_2_fridensbewegung.html>.

⁷ Gemeinsame Konferenz Kirche und Entwicklung. Rüstungsexportbericht 2012 der GKKE. Vorgelegt von der GKKE- Fachgruppe Rüstungsexporte. <<http://www.gkke.org>>.

⁸ Ibid. S.74-76.

⁹ Stellvertretender Vorsitzender der SPD-Bundestagsfraktion Gernot Erler. 10 Dezember 2012. <http://www.gernot-erler.de/cms/front_content>.

¹⁰ Frank-Walter Steinmeier. Mein Deutschland. Wofür ich stehe. – München: Bertelsmann Verlag, 2009. S.214.

¹¹ Antikriegstag 2012 : Im Schatten von Krieg, Rüstung und neonazistischen Umtrieben. Erklärung des Bundesausschusses Friedensratsschlag. – Kassel, Berlin, Frankfurt, 27 August 2012. <<http://www.ag.-friedensforschung.de>>.

¹² Aktion Sühnezeichen Friedensdienste. <<https://www.asf-ev.de/index.php?id=1534>>.

¹³ <<http://www.bundesregierung.de./Content/De/Rede/2013/01/2013-01-30-topografie-merkel.html>>.

¹⁴ <<http://www.die-linke.de./nc/presse/presserkluerungen/detailzurueck/30-januar-2013-tag-des>>.

¹⁵ <http://www.spd.de./presse/Pressemitteilungen/87744/20130129_steinbrueck_zum30.januar_1933.html>.

¹⁶ Friedenspolitische Schwerpunkte 2013. Bundesausschuss Friedensratsschlag.
<<http://www.ag-friedensforschung.de>>.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ДВИЖЕНИЯХ ПРОТЕСТА В СТРАНАХ МАГРИБА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

На сегодняшний день в России и за рубежом вышло большое количество научных и публицистических статей, в которых анализируются предпосылки движений социального протеста в странах Магриба и Ближнего Востока, получивших собирательное название «Арабская весна». Недавние события в арабском мире, действительно, дали массу эмпирического материала, представляющего интерес для ученых и специалистов самого разного профиля. Экономисты и социологи, как правило, видят основную причину массовых волнений в социально-экономической структуре стран региона. Для специалистов по международным отношениям интерес представляют политические последствия падения светских режимов и приход к власти в ряде стран региона исламистских движений. И все же больше всего материала для анализа получили специалисты, занимающиеся исследованием современных средств и технологий информации и коммуникации. Именно в результате событий в арабском мире стало очевидным, насколько современные каналы коммуникации могут влиять на успех протестных движений. В первые месяцы после свержения режимов в Тунисе и Египте в среде специалистов даже звучали мнения о решающей роли социальных интернет-сервисов в развитии протестных движений.¹ Но спустя какое-то время, когда революционные изменения захлестнули самые разные страны Ближнего Востока, эксперты стали более осторожными в своих оценках. Такая коррекция естественна, когда речь заходит об исследовании сложных и быстро меняющихся социальных систем. Смена режима, независимо от методов ее осуществления, обязательно имеет в своей основе множество предпосылок, которые не могут сводиться только к экономическим, политическим, или инфраструктурным показателям.

Целью этого краткого анализа – попытаться выявить место и роль новейшей информационно-коммуникационных технологий в ряду тех факторов, которые сыграли важную роль в формировании и развитии движений социального протеста в странах Северной Африки и Ближнего Востока.

Не переоценивая роли социальных медиа в развитии протестных выступлений в этом регионе, следует признать, что категории «твиттер-революция» и «революция через социальные сети» прочно вошли в научный дискурс именно в результате массовых выступлений в арабском мире. Тем не менее первые массовые случаи использования протестующими онлайн сервисов были зафиксированы во время антиправительственных волнений в Молдавии² и Иране³ в 2009 г. И в том, и в другом случае ответом властей было отключение мобильной связи и блокирование доступа к информационным ресурсам. В частности, в Молдавии власти заблокировали доступ к популярному в этой стране ресурсу Odnoklassniki.ru, а в Иране правительство ограничило доступ пользователей к ресурсам, на которых вел предвыборную

агитацию оппозиционный кандидат в президенты Мир-Хусейн Мусави – Facebook.com и YouTube.com.⁴

Возможно, именно данные по использованию социальных сервисов для самоорганизации протестующих в Молдавии и Иране, вызвали интерес у представителей близких к американским военным кругам ученых из исследовательской организации DARPA. Эта организация в декабре 2009 г. объявила конкурс по определению точных координат объектов с помощью социальных сетей с призовым фондом в 40000 долл. США. Основная задекларированная цель — понять, как интернет и социальные сети могут помочь людям организовать сотрудничество друг с другом для решения реальных проблем и задач. По результатам конкурса победу одержала команда Массачусетского технологического института, которая за 9 часов установила координаты 10 красных метеозондов, запущенных в разных частях США.⁵

Координационные возможности социальных медиа были быстро взяты на вооружение и более радикально настроенными оппозиционными группировками в разных странах мира, в том числе практикующих вооруженные методы борьбы. Ярким подтверждением этому служит использование социальных медиа и других интернет-технологий повстанческо-террористическими группировками в ходе гражданской войны в Сирии, а также теми силами за пределами Сирии, которые оказывали и координировали поддержку вооруженной оппозиции. Так, молодые кувейтские шейхи Хаджадж аль-Аджми и Иршид аль-Хаджри организовали сбор средств через Twitter, Facebook и YouTube, призывая «братьев в Саудовской Аравии, Кувейте и Катаре» поддержать сирийских повстанцев. Блог Хаджаджа аль-Аджми насчитывает более 150 тыс. читателей, многие из которых распространяют просьбы о финансовой поддержке вооруженной сирийской оппозиции. Кроме того, в Сирии повстанцы продемонстрировали возможности использования новейших интернет-технологий в координации усилий при проведении реальных боевых операций. В ходе боев за находящийся под правительственным контролем город Харем на севере страны повстанцы, используя средства Google maps, в режиме реального времени отмечали как позиции правительственных войск в окрестностях города, так и конкретное расположение пулеметных установок на укрепленной цитадели, расположенной в центре. Когда один из отрядов повстанцев попал в окружение, активисты разместили на своей странице в Facebook просьбы о помощи. Повстанцы так же распространяли в социальных сетях информацию о передвижениях правительственных войск.⁶

События «Арабской весны» еще раз подтвердили возможность воздействия на поведение крупных социальных групп посредством современных средств коммуникации. Но степень и характер этого влияния пока еще недостаточно изучены. Другими словами, можно утверждать, что координация протестов через интернет вносит определенный вклад в развитие протестного движения, но ответ на вопрос, значение каких конкретных параметров при этом меняется, требует дополнительного изучения.

Анализ статистических данных по странам, которые были затронуты событиями «Арабской весны», может помочь в расширении наших представлений о значимых факторах, повлиявших на интенсивность и

успешность протестных выступлений, а так же оценить роль и место интернет-коммуникаций в этом процессе. Для получения достоверных результатов в комплекс данных следует включить сравнимые показатели по всем арабским странам, в которых проходили протестные выступления. Оценить результативность антиправительственных акций можно путем ранжирования последствий по пятибальной шкале. С этой точки зрения, самыми результативными были протесты в Тунисе, Египте и Йемене, где акции оппозиции привели к отставке глав государств в кратчайшие сроки. Поэтому результатам протестов в этих странах будет присвоено значение «5». Гораздо более драматично развивались протестные движения в Ливии и Сирии. Здесь протестующим не удалось добиться своих целей ненасильственными методами, а внутривластные кризисы вылились в гражданские войны (в ливийском случае в комплексе с иностранной интервенцией) с массовыми жертвами. Результатам протестов в этих странах будет присвоено значение «4». В таких странах, как Оман, Кувейт, Бахрейн и Иордания, протестующим не удалось пошатнуть основы режима, но власти были вынуждены пойти на существенные уступки, назначив досрочные парламентские выборы⁷ или отправив в отставку высокопоставленных чиновников.⁸ Результаты протестов в этих странах можно оценить на «3». В Алжире, Саудовской Аравии, Марокко и некоторых других арабских странах на фоне протестных настроений власти были вынуждены пойти на незначительные уступки оппозиции, такие как расширение социальных программ⁹ и структурные реформы в экономике.¹⁰ Поэтому результатам протестов присваивается значение «2». Хотя в других арабских странах и имели место отдельные протестные акции, их интенсивность была недостаточной для того чтобы спровоцировать уступки со стороны властей (оценка «1»).

Факторы, которые могли повлиять на интенсивность и результативность протеста, могут быть разбиты на 4 категории. Во-первых, это социально-экономические показатели (средний возраст населения, ВВП на душу населения, уровень безработицы и инфляции). Во-вторых, это показатели развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, выраженные в числе сим-карт на душу населения и в числе интернет-пользователей. Третья и четвертая категории содержат по одному показателю – это уровень гражданских свобод, взятый из доклада международной организации “Freedom House” за 2010 г.,¹¹ и число погибших в результате протестных акций (ограничено периодом 2010 – первой половины 2011 г.).

Выбор этих факторов обусловлен тем, что именно к ним апеллируют большинство ученых, объясняя причины протестных выступлений в странах Магриба и Ближнего Востока. Но уже первичный анализ статистических показателей дает повод усомниться в справедливости утверждения о решающем влиянии какого-либо из них на интенсивность протеста. Коэффициент корреляции¹² между выбранными факторами и последствиями протестных акций не превышает 0,36, что свидетельствует об отсутствии значимых зависимостей. Даже распространенность интернета и ограничение гражданских свобод, столь часто называемые в качестве ключевых факторов, здесь не исключение (значение коэффициентов корреляции 0,359 и 0,273 соответственно). Единственным фактором, влияние которого представляется

значимым, является количество погибших в результате протестных акций (даже с учетом того, что тот период, за который приведены данные погибших, не включает период наиболее тяжелых людских потерь в ходе сирийского конфликта). Как показывают расчеты, значение коэффициента в данном случае будет равно 0,63, что при данном количестве наблюдений является значимым на уровне 0,01. Переводя полученный результат с языка математической статистики, можно сказать, что наиболее решительные и радикальных результатов протестующие добились в тех странах, где были наиболее кровавые столкновения с наибольшим количеством жертв. Интерпретировать эти данные можно таким образом, что ответная реакция властей в виде жесткого подавления демонстраций и разгона массовых акций вызывает более ожесточенную реакцию оппозиции и способствует ее легитимации среди населения в качестве рупора народных масс. Тогда в ряды протестующих вливаются новые группы и массы людей, которые до тех пор оставались пассивными наблюдателями, но, возмущенные неадекватным применением силы, вышли на улицы и присоединились к протестному движению.

Но значит ли это, что роль массовых коммуникаций и социальных медиа в мобилизации протестных движений незначительна? Дальнейший анализ данных говорит о том, что нельзя быть столь категоричным в этом утверждении. Хотя интернет и не был определяющим фактором, уровень его распространения повлиял на общий ход протестных выступлений в тех странах, где протестующие добились наибольших успехов (3-5 по нашей шкале результативности протестных акций). Влияние это заключается в том, что в тех странах, где проникновение интернета было высоким, *количество жертв было меньшим*, чем в тех, где протестующие не использовали это средство коммуникации. Коэффициент корреляции между этими параметрами равен 0,82, что является значимым даже на таком небольшом количестве наблюдений (9 стран). Это может быть вызвано как общей гуманизирующей ролью интернета, так и более налаженной координацией оппозиции через социальные медиа, вынуждающей авторитарные режимы реагировать более «умно» и комплексно, вплоть до определенных – явных или неявных – уступок протестным движениям. Блогосфера и социальные сети являются не только средством организации оппозиции, но и служат эффективным инструментом получения обратной связи для власти. Мониторинг настроений в социальных медиа позволил элитам получить более подробную картину протестной активности, последствием чего могло стать внутреннее брожение в среде правящей верхушки, в некоторых случаях становившейся на сторону оппозиции, как, например, это произошло в Йемене и Египте. В свою очередь, это позволило не допустить большего количества жертв среди протестующих.

В таком контексте случаи Ливии и Сирии смотрятся не типично, но в этих странах была высока роль вмешательства внешних сил во внутривнутриполитические процессы. Поэтому для расчета корреляций в этих странах данные о количестве жертв брались до 18 марта 2011 г. для Ливии (объявление бесполетной зоны) и до конца мая 2011 г. для Сирии (когда командующий оппозиционными силами Рияд аль-Ассад обратился с призывом к генсеку ООН Кофи Аннуну признать провал плана мирного урегулирования).¹³

Следует отметить, что при анализе протестных выступлений не учитывался такой значимый фактор, как качество организационной структуры ядра оппозиции. В то же время этот фактор достаточно важен, так как социальные сети и интернет являются лишь инструментом для организации масс, тогда как источником протестной активности выступают конкретные движения и организации. В целом, для более точного описания протеста следует обратить внимание на три фактора: социально-экономическая обстановка в стране, наличие сплоченной оппозиционной организации и развитость информационной инфраструктуры. В первом приближении модель протеста можно описать следующим образом. Низкий уровень жизни и недовольство большинства населения существующим положением вещей порождает благоприятную почву для распространения оппозиционных настроений в массах. Источником этих настроений выступают организации и движения, притесняемые действующим правительством. Интернет и социальные сети выполняют лишь роль доведения оппозиционных лозунгов до населения и являются средством организации протеста. В эту модель укладываются практически все успешные протестные выступления в арабских странах. В Тунисе ядром и координатором протестных акций выступила партия Исламского возрождения («Хизб аль-нахда»), в Египте локомотивом протеста являлось движение «Братья мусульмане», в Йемене у правящей семьи Салеха были непростые отношения с семьей Аль-Ахмар из влиятельного племени Хашид,¹⁴ выступившей на стороне протестующих, а в Ливии протесты начались в Киренаике, где большое влияние имел суфийский тарикат Синусийа. Общей чертой всех этих организаций была обида на действующую власть, и они воспользовались первым же удобным случаем для того, чтобы ей отомстить.

Таким образом, становится ясно, что объяснить причины массовых выступлений в арабских странах невозможно, рассматривая только социально-экономические или только инфраструктурные факторы. Как показывают расчеты, значимых корреляций нет ни в том, ни в другом случае. С уверенностью можно говорить лишь о том, что развитая информационная инфраструктура способствует общей гуманизации протеста и позволяет оппозиции добиваться своих целей относительно более мирными средствами.

Табл. 1. Сводные данные по 18 странам¹⁵

Страна	Сред. возраст населения	ВВП на душу нас., \$	Уров. безработицы (%)	Уров. инфляции (%)	Пользователи интернета (%)	Пользователи сим-карт (%)	Уров. гражданских свобод	Число погибших в рез. протестов ¹⁶	Последствия
Египет	24,6	6500	9,0	11,1%	25,0%	103,6	4,5	846	5
Тунис	30,5	9700	13,0	4,4%	32,6%	115,4	4	219	5
Йемен	18,3	2700	35,0	11,2%	10,0%	49,6	4,5	2000	5
Бахрейн	31,1	27700	15,0	2,0%	35,3%	142,7	4,5	82	3
Ливия	24,8	14800	30,0	2,5%	6,4%	178,1	3	1000	4
Сирия	22,3	5000	8,6	4,4%	19,8%	58,2	3,5	1062	4
Алжир	28,1	7300	10,0	3,9%	13,0%	98,3	4,5	5	2
Иордания	22,4	5900	12,5	5,0%	25,2%	115,0	4,5	2	3
Мавритания	19,6	2000	30,0	6,3%	2,3%	102,3	4,5	3	1
Судан	18,7	2300	18,7	13,0%	12,8%	76,2	3	1	1
Оман	24,4	27000	15,0	3,2%	49,4	162,0	4,5	3	3
Саудовская Аравия	25,7	23300	10,8	5,4%	38,0	208,6	3,5	1	1
Марокко	27,3	4900	9,1	1,0%	41,7	115,4	5,5	5	2
Джибути	22,1	2600	59,0	4,0%	3,5	26,1	5	2	1
Ирак	21,1	4000	15,0	2,4%	1,1	91,0	4,5	29	2
Кувейт	28,6	39600	2,2	4,0%	43,1	172,5	6	0	3
Буркина-Фасо	17	1300	77,0	2,0%	1,1	47,4	6	7	2
Ливан	30,4	15500	26,0	4,0%	24,2	80,9	5	7	1

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блинов А.А. Интернет в арабском мире // Восточная аналитика. 2011. № 2. с. 188–196.

² Harding L., Moldova forces regain control of parliament after “Twitter revolution” // The Guardian. 08.04.2009.

³ Elson S., Yeung D., Roshan P., Bohandy S. R., Nader A., Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood After the 2009 Election. – Palo Alto: RAND, 2012.

⁴ Мобильная связь и веб-сайты отключены в Тегеране на фоне протестов // РИА Новости. 14.06.2009.

⁵ DARPA network challenge: project report // DARPA. 16.02.2010. <<http://www.hSDL.org/?view&did=17522>>.

⁶ Berman A. Syrian Rebel Use of Social Media // Foreign Policy Research Institute note. 10.2012. <http://www.fpri.org/docs/MEMM_2012_10_Berman.pdf>.

⁷ Kuwait to hold early general election on February 2 // AFP. 18.12.2011.

⁸ Bloomfield A. King Abdullah II of Jordan sacks government amid street protests // The Telegraph. 01.02.2011.

⁹ Saudi King boosts spending, returns to country // Voice of America. 22.02.2011.

¹⁰ Moroccan king to make reforms with constitutional body // Middle East Online. 22.02.2011. <<http://www.middle-east-online.com/english/?id=44526>>.

¹¹ Freedom in the World 2010 / Freedom House Report, 2010. <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2010>>.

¹² Здесь и далее, в качестве инструмента измерения берется двусторонняя корреляция по Спирмену на уровне значимости 0,01.

¹³ Лидер сирийских оппозиционеров призывает Аннана признать, что его план урегулирования провалился // Интерфакс. 31.05.2011.

¹⁴ Исаев Л. Страна без перспективы // Эксперт. № 30-31 (813). 30.07.2012.

¹⁵ Источник статистических данных: CIA Factbook

¹⁶ Источники данных о погибших по странам:

Египет: Egypt unrest: 846 killed in protests - official toll // BBC. 19.04.2011.

Тунис: Tunisia protests against Ben Ali left 200 dead, says UN // BBC. 01.02.2011.

Йемен: Al-Hajj A. Yemen says more than 2000 killed in uprising // The Washington Post. 19.03.2012.

Бахрейн: Bahrain government bans protests amid violence // BBC. 30.10.2012.

Ливия: Libya and Middle East unrest // The Guardian. 18.03.2011.

Сирия: Syria death toll "surpasses 1000" // Aljazeera. 24.05.2011.

Алжир: Algeria protesters push for change // Aljazeera. 12.02.2011.

Иордания: Two protesters killed in Jordan clashes // Aur Blog. 26.03.2011.

<<http://www.aurblog.com/2011/03/26/two-protesters-killed-in-jordan-clashes>>.

Мавритания: Mauritania's Bouazizi died today // Dekhnstan blog. 23.01.2011.

<<http://dekhntan.wordpress.com/2011/01/23/mauritania-bouazizi-died-today>>.

Судан: Sudanese student dies after protests – activists // Reuters. 31.01.2011.

Оман: Three killed, dozens injured in Oman protests // Al-Arabiya News. 1 Apr. 2011.

Саудовская Аравия: Report: Saudi Facebook activist planning protest shot dead // Deutsche press agentur. 02.03.2011.

Марокко: Five killed in Morocco protests // Press TV. 04.02.2011.

Джибути: Violence as wave of unrest sweeps Middle East // Sky News. 19.02.2011.

Ирак: At least 29 dead in Iraq protests // UPI. 27.02.2011.

Буркина-Фасо: Freedom in the World 2012: Burkina Faso // Freedom House Report. 2012.

<<http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2012/burkina-faso>>.

Ливан: Lebanon... Perils of the Syrian quake aftershocks // Al Jazeera Centre for Studies. 07.06.2011.

КИЕВСКОЕ УРАВНЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОЕКТЕ

Многотрудные российско-украинские переговоры по газовой проблеме все еще далеки от своего удовлетворительного завершения, хотя некоторые точки схождения по конкретным вопросам к середине текущего года как будто начали обозначаться. Главное, однако, в качественно новом развороте, который принимают события. Выдвинутый Президентом РФ евразийский проект обеспечения безопасности и интеграции резко перемещают всю проблему из тактической плоскости в плоскость оперативную и даже стратегическую.

Становится ясно, что и Евразийский экономический союз (ЕЭС), планируемый к 2015 г., и тем более Евразийский союз на основе ЕЭС без Украины не будут иметь того влияния, которое совершенно необходимо для обеспечения региональной и даже глобальной безопасности – функции, которую должен принять на себя планируемый Союз.

Но именно поэтому задержки в развитии и гармонизации российско-украинских отношений вызывают серьезную озабоченность. Даже обмены визитами на высшем уровне между двумя странами все еще затруднительны, что не может не тревожить. Конечно, непосредственной причиной такой пробуксовки могут быть недоработанные еще газовые согласования. Идет сложная дипломатическая игра, включающая, прежде всего, цену на поставляемый в Украину российский газ и проблемы транзита газа через Украину. Но на этом фоне поднимается более объемная тема – об участии Украины в евразийских схемах интеграции, активно продвигаемых в настоящее время российской стороной.

При всей важности газовых проблем, особенно их финансового аспекта, они не должны заслонять главного вопроса – о выборе Украиной внешнеполитической линии на многие годы вперед. Украинские руководители хотели бы взять такой курс, который оптимально сочетал бы эффективное сотрудничество на Западе и Востоке. Киевских политиков можно понять – подобные цели стоят перед каждой страной. Но настоящий выбор – более важный, из разряда цивилизационных. Сделать его нелегко, принуждать же к нему – неразумно; это как принуждение к любви – подобные чувства не могут быть истинны и долговечны. Не принуждать, а способствовать украинскому решению сделать верный цивилизационный выбор – единственно правильная, но нелегкая и деликатная задача.

Создается впечатление, что российская политика все еще основывается, главным образом, на тактических подходах и направлена на получение сиюминутных, прежде всего, финансовых выгод. Не видно более широкого, ответственного стратегического маневра, который ставил бы и более дальние и важные, основополагающие цели.

В 2012 г. Украина стала полноправным членом зоны свободной торговли на пространстве СНГ (в нее входят большинство стран – членов СНГ), которая

наконец-то начала действовать, хотя и со второго захода. Но это лишь первый интеграционный этап. Украина является наблюдателем в ЕврАзЭС, подписав и ратифицировав все 10 базовых соглашений о присоединении к этой структуре, которое мало чем отличается от вышеупомянутой зоны свободной торговли. Однако Украина пока так и не стала полноправным членом этой организации.

Качественно новым шагом явилось бы участие Украины в Таможенном союзе (ТС), который создает единую таможенную территорию стран-участниц. В настоящее время в эту организацию входят только РФ, РБ и Казахстан; Украина же, по оценкам некоторых украинских экспертов, вряд ли может подписать 22 из 51 соглашения, составляющих договорно-правовую базу ТС; эти соглашения, по их мнению, не полностью соответствуют украинскому законодательству.

Что касается следующего интеграционного этапа – создания единого экономического пространства (ЕЭП), Украине было предложено участие в его образовании. Она, как отмечалось, подписала 15 из 17 документов в ЕЭП; но под вопросом остается главное – деятельность Евразийской экономической комиссии, которая является наднациональным регулирующим органом.

Такова картина участия Украины в действующих сегодня интеграционных механизмах на евразийском пространстве. Дальнейшее развитие интеграции вряд ли может реализовываться без решения проблем предыдущих этапов. Поэтому создание Евразийского экономического союза к 2015 г. видится на базе ЕЭП и решения всех интеграционных задач, нерешенных на ранних этапах.

Конечно, газовые проблемы существенно отягощают российско-украинские отношения. Новым фактом в этой области стало выставление Украине Газпромом значительного штрафа в 7 млрд. дол. за неполучение в 2012 г. определенного количества газа, который должен был быть получен в соответствии с договором 2009 г. Здесь снова возникает вопрос о действии этого договора, который украинская сторона открыто называет «кабальным соглашением». Те, кто знаком с историей заключения этого договора, не могут не согласиться с тем, что подобный акт вряд ли допустим между стратегическими партнерами, тем более между союзниками. Прозвучавшее недавно высказывание посла РФ в Киеве о том, что газовые проблемы могут решаться и вне контекста ТС, свидетельствует о понимании в Москве значения этого вопроса.

Не стоит при этом забывать и о том, что на Западе, и прежде всего в США, хотели бы поставить препоны на пути создания Евразийского союза, который без Украины теряет существенную часть своего значения и международного веса. Для этого используется широкий набор инструментов: от вовлечения Украины в Евросоюз до предоставления планов разработки с помощью международных корпораций месторождений сланцевого газа на ее территории с целью «освобождения страны от тисков Газпрома».

С украинской ситуацией до известной степени может быть сопряжено положение дел в Болгарии, также круто замешанное на энергетических проблемах. Естественно, Украина – не Болгария, если использовать словесный образ одного бывшего украинского президента, и размер имеет значение. Однако в обоих случаях вполне четко прослеживается некоторая закономерность. Еврофилия и американофилия практически неизбежно ведут к русофобии, которая в

евразийском регионе не может служить фактором стабильности и устойчивого развития.

Долгосрочная стратегия требует конструктивного, взаимовыгодного решения газовых и иных проблем в российско-украинских отношениях. Это послужило бы строительству полноценного Евразийского союза, который в свою очередь, мог бы стать одним из центров глобального утверждения мира и разно-стороннего цивилизационного развития.

ДОРОЖНАЯ КАРТА ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ*

I. Тезисы

26 сентября 2012 г. состоялся Ученый Совет ИМЭМО под председательством академика В.Г.Барановского, посвященный перспективам многостороннего ограничения ядерных вооружений, состоялся. С докладом «Переход к многостороннему ядерному разоружению: проблемы и варианты» выступил руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО, академик А.Г.Арбатов. Представляем вниманию читателей тезисы доклада, а также краткий обзор дискуссии, в которой приняли участие ведущие сотрудники ИМЭМО и приглашенные специалисты из других организаций.

А.Г.АРБАТОВ, действительный член РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН:

1.1. Мультисубъектная фаза? Одной из важнейших точек соприкосновения в сфере ядерного разоружения является перспектива расширения круга государств-участников процесса, который не может бесконечно оставаться двусторонним предприятием.

1.2. Призывы или даже политическое давление со стороны России и США сами по себе едва ли будут достаточны в условиях все более полицентричного мира и растущей независимости остальных глобальных и региональных центров силы. В сложившейся конъюнктуре приоритетно важны «зацепки» за реальные интересы третьих держав, конкретные схемы их деятельного «подключения» к процессу.

1.3. На приглашение двух главных ядерных держав присоединиться к ядерному разоружению, остальные члены «ядерного клуба» обычно отвечают, что для этого «большая двойка» должна сначала сократить свои арсеналы до уровня, более близкого к уровням вооружений других стран.

В этом контексте речь должна бы вестись о дополнительном сокращении ядерных сил РФ и США, как минимум, в 10 раз – до уровней в несколько сотен единиц. Трудно предположить, что обе ядерные сверхдержавы уже теперь согласились бы на это пойти.

2.1. Политический аспект. Некоторые политические соображения ставят под вопрос идею «подключения» третьих стран к переговорам – как разом всей

* Материал подготовлен при поддержке РФНФ (грант № 11-03-00518а).

категорией, так и по очереди по формальным группам: европейская «двойка», «пятерка ДНЯО», «четверка аутсайдеров ДНЯО». Военно-политические отношения России и США с третьими странами слишком различны, чтобы позволить решение проблемы по формальным признакам.

2.2. Отношения России с Великобританией и Францией как с членами НАТО в данной области определяются взаимодействием РФ с США. Две европейские ядерные державы вполне открыты в отношении ядерных сил, существенно сократили их и планируют дальнейшее сокращение в обозримом будущем. Серьезной самостоятельной или дополнительной ядерной угрозы для РФ эти государства пока не представляют и большого влияния на прогнозируемый военный баланс не имеют.

2.3. Индия является традиционным близким соратником, а Израиль – относительно недавним партнером России. Для США Израиль – давний фактический союзник, а Индия – новый партнер. Их подключение к ядерному разоружению для России и США теоретически желательно, но в плане безопасности не является сколько-нибудь важным или срочным делом.

2.4. Наибольшую тревогу у России должны вызывать отношения с Пакистаном и КНДР, которые могут быть резко дестабилизированы в случае радикальных и не зависящих от РФ перемен во внутреннем положении и внешней политике этих стран. Еще менее предсказуем Иран, если он перешагнет «ядерный порог».

2.4. Китай с учетом его растущего военно-экономического потенциала, – единственная в мире держава, способная в течение 10–15 лет нарастить ракетно-ядерную мощь и сравняться с РФ и США, тем самым коренным образом изменить глобальную стратегическую картину мира.

Ограничение ядерных вооружений КНР и Пакистана, ядерное разоружение Пакистана и КНДР, предотвращение обретения ЯО Ираном – безусловно, являются важнейшим интересом безопасности России.

2.4. Это положение в принципе совпадает и с приоритетами США, в каждом случае для достижения позитивных целей требуется соответствующий формат и момент.

3.1. Стратегические балансы. «Ядерную девятку» условно можно разделить на три группы. Во-первых, это ведущая «двойка» сверхдержав: Россия и США, во-вторых, «тройка» остальных ядерных государств-членов Договора о нераспространении ЯО и постоянных членов Совета Безопасности ООН: Великобритания, Франция, Китай; в-третьих, «четверка аутсайдеров» ДНЯО: Израиль, Индия, Пакистан и КНДР.

3.2. Если, согласно экспертным оценкам, сложить все ядерные средства «тройки» и средства «четверки» по числу боезарядов (из них лишь Великобритания и Франция открыто публикуют информацию о ядерных силах), то с ними следует сравнивать не только стратегические силы, но и все ядерные арсеналы России и США. К ним относятся стратегические и достратегические (оперативно-тактические) вооружения, как оперативно развернутые, так и находящиеся на складском хранении в разных режимах технического состояния и содержания. Соотношение сил между каждой из двух ведущих держав и даже

суммарной численностью арсеналов «тройки» и «двойки» выглядит крайне асимметрично в пользу РФ и США. Главная неопределенность связана более всего с оценкой ядерных сил Китая, поскольку остается без объяснения предназначение огромных защищенных подземных тоннелей, сооружаемых Корпусом Второй Артиллерии КНР (аналогом российских РВСН).

3.3. Поскольку чаще всего только стратегические силы «большой двойки» сравниваются с ядерными средствами третьих государств, постольку корректно вычленив вооружения «тройки» и «четверки», подпадающие под категорию стратегических вооружений, являющихся объектом нового Договора СНВ. Тогда соотношение еще более меняется в пользу РФ и США.

3.4. Нередко в качестве предмета расширения формата переговоров приводятся ракеты средней и меньшей дальности, которые США и СССР ликвидировали по Договору РСМД от 1987 г. В 2007 г. две державы сообщая призывали все остальные страны присоединиться к этому договору. Неядерные государства сходу отвергли эту инициативу. Но даже если вести речь только о странах с ядерными ракетами и объединить СЯС и системы, подпадающие под Договор РСМД, то и тогда соотношение арсеналов РФ, США, «тройки» и «четверки» все равно существенно ассиметрично в пользу «большой двойки».

3.5. Таким образом, при всей желательности ограничения и сокращения ядерных вооружений третьих стран как такового, в плане военного баланса по сопоставимым категориям – даже после выполнения нового Договора СНВ, Россия и США сохраняют огромное превосходство над ядерными силами остальных государств.

Между тем на протяжении, как минимум, десятилетия, с военной точки зрения (в отличие от политической), нет явных обязательств или срочности в «подключении» к ограничению вооружений третьих стран. Это относится не только к положению дел после выполнения нового Договора СНВ, но даже и к гипотетической ситуации с заключением следующего договора, если бы после 2020 г. он ограничил СЯС двух главных держав уровнем примерно в 1000 боезарядов.

3.6. Серьезные переговоры и соглашения по ограничению ядерных вооружений – важнейший элемент военно-стратегических отношений. Поэтому для соглашений об ограничении вооружений необходимо, как минимум, чтобы такие стратегические отношения реально существовали. Тогда одно государство может ограничить свои вооруженные силы и военные программы в обмен на то, что их ограничивает другое – в согласованном соотношении, порядке и на договорных условиях.

Не следует забывать, что третьи державы – не «статисты» глобального ядерного баланса. Так же, как СССР/Россия и США, каждое ядерное государство связывает с этим оружием собственные интересы: сдерживание ядерной или конвенциональной агрессии, международный статус и престиж, военно-политическое давление на противников, «козырь» на переговорах по другим темам и пр.

3.7. Великобритания и Франция – ядерные державы и находятся в пределах досягаемости ядерных вооружений друг до друга. Но между ними нет отношений взаимного ядерного сдерживания. У них нет предмета для

переговоров о взаимном ограничении ядерных сил. То же в принципе справедливо для отношений названных двух держав с США: все они являются союзниками по НАТО.

3.8. Исходя из той же логики, нет оснований для переговоров о взаимном ограничении ядерных вооружений Китая с Великобританией и Францией: они взаимно находятся вне досягаемости своих вооружений друг и не имеют отношений ядерного сдерживания. Размеры и характеристики ядерного потенциала Пекина не имеют никакого стратегического отношения к силам и программам Парижа и Лондона, и между ними нет основы для соглашений о взаимном ограничении вооружений.

3.9. Взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует также в отношениях США, Франции и Великобритании – с Израилем, Индией, Пакистаном. В высшей степени асимметричное ядерное сдерживание между США и КНДР также не оставляет надежды на взаимное ограничение вооружений (кроме концепции безъядерной зоны на Корейском полуострове). Таких отношений не просматривается и в стратегических взаимоотношениях России с Индией, тогда как в отношениях РФ с Израилем, Пакистаном и КНДР вопрос не ясен. Ядерное сдерживание тут может присутствовать «закулисно» (латентно), но оно едва ли создает осязаемый предмет переговоров о взаимном ограничении вооружений. Точно так же у Китая нет взаимодействия по модели ядерного сдерживания с Израилем, Пакистаном и КНДР.

4.1. В отличие от этого, стратегические отношения Великобритании и Франции с Россией имеют в своей основе взаимное ядерное сдерживание. Тем не менее, стратегическая основа для переговоров между ними есть, хотя она и весьма асимметрична.

4.2. Безусловно, асимметричное взаимное ядерное сдерживание присутствует в отношениях США и КНР, а также негласно (латентно) – между Россией и Китаем. Но, это треугольник отнюдь не «равнобедренный» как по уровням сил, так и по политической удаленности держав друг от друга. Если в стратегическом плане наличие предмета переговоров между США и Россией или США и КНР не вызывает сомнений, то диалог между Россией и Китаем – намного более туманная тема. Во всяком случае, весьма сомнительно, что такие переговоры и соглашения в обозримом будущем станут фактом.

4.3. По той же логике, отношения взаимного сдерживания и переговоры между Индией и Пакистаном (как и между Индией и КНР) возможны – а в перспективе и необходимы. Но и тут жизнеспособность трехстороннего формата далеко не очевидна в стратегическом и военно-техническом разрезе.

4.4. Что касается двух негласных и непризнанных ядерных государств на противоположных окраинах Евразии - Израиля и КНДР, – то едва ли они станут формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. Здесь скорее мыслим региональный формат и контекст укрепления режимов ДНЯО, чем традиционная модель соглашений о взаимном ограничении ядерных вооружений.

4.5. В целом, ядерные балансы третьих стран гораздо более глубоко вписаны в региональный контекст, чем СЯС России и США. В связи с этим тв

третьих странах на перспективы ограничения ядерных вооружений будут намного сильнее влиять нерешенные территориальные вопросы (как и этнические, и конфессиональные, и внутривластные). Кроме того, с учетом относительно небольшой численности и менее высоких качественных характеристик ядерных сил третьих стран, вопросы их достаточности и возможности ограничения будут, по всей вероятности, дополнительно осложняться влиянием на военный баланс со стороны интенсивно развиваемых систем региональной и глобальной ПРО, высокоточных обычных вооружений большой дальности.

5.1. Варианты многостороннего подхода. Отмеченные выше сложности не означают, что расширение круга государств-участников процесса ядерного разоружения в принципе невозможно. Как представляется, при наличии политической воли и совмещении усилий двух ведущих ядерных держав, а также, безусловно, параллельно с продолжением их переговоров и соглашений в данной области – реформирование процесса с двустороннего на многосторонний в принципе возможно.

5.2. В обозримом будущем (2020–2030 гг.) наиболее вероятен вариант нескольких форумов двустороннего формата:

- Великобритания/Франция – Россия; США – КНР;
- Россия – КНР (под большим вопросом);
- КНР – Индия (тоже трудно);
- Индия – Пакистан.

При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (в рамках ООН или МАГАТЭ).

5.3. Европейские державы. Все попытки СССР приплюсовать силы европейских стран к СЯС США и ограничить их единым потолком были отвергнуты Западом на том основании, что силы Англии и Франции являются национальными, а не коллективными потенциалами сдерживания.¹ В будущем эта позиция едва ли изменится. Отдельным переговорам России с двумя европейскими странами мешает огромная асимметрия СЯС сторон.

Согласие Великобритании и Франции хотя бы на некоторые меры доверия, транспарентности, инспекционной деятельности из «меню» нового Договора СНВ имело бы большое положительное значение как прецедент и как пример для других стран, прежде всего, Китая. Но две европейские державы, едва ли согласятся трактовать это как юридически обязывающее ограничение своих ядерных вооружений (даже согласно односторонне принятым программами модернизации), ибо это означает, с их точки зрения, пойти на юридическую легализацию российского превосходства.

Что касается обязательства Британии и Франции не наращивать ядерные силы, то весомым дополнительным аргументом, чтобы заинтересовать США и НАТО, могло бы стать согласие России на переговоры по ТЯО.

5.4. Китай. Вовлечение КНР в процесс ограничения ядерных вооружений возможно только на сугубо прагматической основе: если Китай сочтет, что его

уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России).

Китай ставит много условий, но реальной предпосылкой их согласия на переговоры является, видимо, признание Соединенными Штатами (и негласно Россией) права КНР на собственное ядерное сдерживание в отношении двух сверхдержав, несмотря на отсутствие стратегического паритета с ними. Это подразумевает обязательство двух ведущих держав не пытаться ослабить такой потенциал Китая посредством наступательных средств (ядерных и обычных) и оборонительных систем (ПРО США на Тихом океане и Воздушно-Космическая Оборона России за Уралом). Соединенным Штатам трудно согласиться с этими положениями, в свете обязательств безопасности союзникам и партнерам (Япония, Южная Корея, Тайвань). А для России это нелегко ввиду ее растущего отставания от КНР по силам общего назначения (СОН) в Сибири и на Дальнем Востоке.

Реальные предпосылки согласия КНР на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) могут быть следующими:

- Обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане.

- Обязательство США и России, что в случае достижения ими договоренности о сотрудничестве в развитии ПРО в отдельных проектах (например, обмен данными средств предупреждения о ракетных пусках) КНР сможет принять участие в приемлемом для нее формате.

- Переход США и РФ к переговорам о следующем соглашении СНВ, включая ликвидацию стратегических носителей, ограничение высокоточных средств в неядерном оснащении, ракетно-планирующих частично-орбитальных систем (в чем заинтересована и Россия).

- Продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России, которое позволило бы поставить вопрос о транспарентности и ограничении китайских систем средней дальности и оперативно-тактического класса.

- Отказ от идеи НАТО о передислокации российских нестратегических средств с запада на восток.

Наиболее вероятный формат переговоров – двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России и Китая. Трехсторонний формат, видимо, возможен по сотрудничеству в сфере ПРО.

5.3. Южная Азия. Примерное равенство и однотипность ядерных сил Индии и Пакистана по носителям и боезарядам, а также практика их раздельного хранения создают стратегические и технические предпосылки для классических соглашений об ограничении ядерных вооружений и мерах доверия, как минимум, применительно к системам ракет средней и меньшей дальности по типу Договора и ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Препятствия создают противоречия в острых политических отношениях сторон (территориальный спор, терроризм), индийском превосходстве в силах

общего назначения, а в перспективе – по ПРО. Если с помощью великих держав и ООН эти препятствия будут сняты, то Южная Азия может стать еще одним примером перехода ядерного разоружения к многостороннему формату. Параллельный диалог России и США по следующему договору СНВ, сотрудничеству в сфере ПРО, начало диалога по ТЯО, наряду с переговорами США и Китая – могли бы ощутимо способствовать прогрессу в Южной Азии.

Также, указанные инициативы могли бы также стимулировать диалог на Ближнем Востоке и Корейском полуострове в региональном масштабе и в контексте укрепления режимов ДНЯО.

II. Дискуссия

А.Н.Калядин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО:

Обоснованный в докладе А.Г.Арбатова переход к формату многостороннего ядерного разоружения представляется вполне целесообразным и назревшим. Споры нет, нельзя игнорировать происходящие в мире противоречивые процессы в сфере национальной, региональной и глобальной безопасности, рост международной нестабильности. Очевидно, что в ближайшей перспективе, в труднопредсказуемом и турбулентном мире, в условиях значительных глобальных рисков, стратегических неопределенностей и международной нестабильности трудно ожидать скорого и решительного прорыва в сфере многостороннего ядерного разоружения (будь то по модели прямого подключения к американо-российским переговорам или в виде отдельных двусторонних форматов, о которых упомянул докладчик).

Верно и то, что в близком будущем вряд ли осуществима столь радикальная трансформация международных отношений, которая позволила бы полностью реализовать грандиозный проект всеобщего радикального ядерного разоружения, полного и безоговорочного запрещения такого оружия. Это проблемы долгосрочного характера, требующие формирования совершенно новой международной среды и эффективно функционирующей системы глобальной безопасности. Нельзя не учитывать и инерцию преобладающих традиционно-негативных подходов к разоружению.

Но вопросы радикального сокращения ядерных вооружений, различные варианты их решения и продвижения человечества в этом направлении, тем не менее, все настойчивее ставятся в повестку дня различных форумов мирового сообщества. Их актуальность определена в ближайшие годы возрастет в связи со следующими двумя обстоятельствами. В 2012 г. начался новый цикл обзорного процесса по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Восьмую конференцию по рассмотрению действия ДНЯО предполагается провести в 2015 г. Состоявшиеся дискуссии показали, что неядерные государства все настойчивее требуют от ядерных держав полного выполнения ст. VI ДНЯО, осуществления дальнейших крупных практических шагов по сокращению их ядерных арсеналов, в том числе согласования и представления поэтапного графика ядерного разоружения.

В то же время на мировой арене большую активность проявляют различные национальные и международные общественные антиядерные движения. В их числе – движения за ядерное разоружение (ученых, врачей, озабоченных экологов и представителей других профессий): за предотвращение ядерной катастрофы, за так называемый «ядерный нуль» (ликвидация всех накопленных запасов ядерного оружия), за заключение глобальной конвенции о полном запрещении ядерного оружия и т.д.

В мировом общественном мнении уже получили широкую поддержку идеи заключения глобальной конвенции о полном запрещении ядерного оружия, инициатива по «глобальному ядерному нулю», «план разоружения» генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, требования, обращенные к ядерным державам, согласиться на установление четких сроков достижения мира, свободного от ядерного оружия, то-есть конкретного графика ядерного разоружения, продвижения к миру без ядерного оружия. Было бы легкомыслием отмахиваться от этих призывов как заведомо невыполнимых, утопичных, недооценивать потенциал международного антиядерного движения, роль неправительственных организаций, их возможностей привлекать на свою сторону мировое общественное мнение, воздействовать на многостороннюю дипломатию.

Ясно, что ядерные державы, которые будут обуславливать переход к радикальному сокращению ядерных вооружений частозолотом предварительных условий и искусственных увязок и, таким образом, игнорировать настроения, нарастающие в международном общественном мнении, рискуют понести серьезные имиджевые потери.

Поэтому возрастает актуальность разработок альтернативных глобальных схем многостороннего радикального ядерного разоружения, которые позволили бы направить международные дискуссии по данной теме в реалистическое русло.

России в условиях усиливающейся полицентричности мироустройства, скорее всего, придется обеспечивать свою безопасность с большим упором на углубление взаимодействия с другими ответственными членами мирового сообщества, в том числе через институты ООН.

Огромное практическое значение получает реализация конкретных возможностей упрочения международной стратегической стабильности и укрепления безопасности мирового сообщества посредством эффективного использования многосторонних политических и правовых инструментов безопасности, совершенствования многосторонних режимов контроля над вооружениями и заключения новых соглашений в данной области.

России, в частности, нужны не избыточные вооружения, ослабляющие ее конкурентоспособность, а перевод экономики на инновационные рельсы, на новый технологический уклад в условиях укрепления всеобщей безопасности. Продвижение по этому пути оставляет России шансы избежать ошибочных затратных решений, наносящих ущерб, в том числе и оборонному планированию. Без существенных потерь для сферы военной безопасности Россия сможет направить больше средств также и на необходимое наращивание факторов «мягкой силы» (модернизация промышленности,

развитие науки, образования и культуры, сильная социальная и демографическая политика, обретение достойного образа жизни и т. д.)

России, с ее историческими традициями в защите мира и разоружения, следовало бы взять на себя лидерство в разработке постоянными членами СБ ООН заблаговременной договоренности, направленной на усиление механизмов реагирования мирового сообщества на угрозы, исходящие от гонки вооружений, распространения ОМУ и международного терроризма. Почему бы, например, не предложить международному сообществу подробную дорожную карту движения в направлении всеобщего ядерного разоружения, строительства безопасного мира без ядерного оружия? В ней можно было бы наметить ориентиры, вехи, этапы продвижения в этом направлении.

Помимо прочего, это вызвало бы широкий позитивный международный резонанс, способствовало бы улучшению международного имиджа нашей страны, что тоже немаловажно.

Нужно работать на опережение. Усилия в этом направлении представляются полезными, в том числе и в сугубо практическом плане укрепления национальной безопасности.

Переговоры о всеобщем ядерном разоружении нуждаются в мощном позитивном импульсе. Такой импульс мог бы дать мировой форум. Соответствующая инициатива, несомненно, была бы положительно воспринята многими странами и широкой международной общественностью.

В этой связи вполне уместным было бы выдвижение нашей страной идеи проведения мирового саммита по проблемам многостороннего ядерного разоружения и усиления управляемости военно-политическими процессами, саммита, призванного помочь вывести международную политику безопасности на конкретные практические меры контроля над вооружениями (и не только в ядерной сфере).

С.А.Афонцев, доктор экономических наук, зав. Отделом экономической теории ИМЭМО:

Для анализа специфики современных проблем могли бы оказаться полезными некоторые инструменты, используемые современной теорией игр. В 1960-х гг. применение этих инструментов произвело революцию в изучении вопросов гонки вооружений и контроля над вооружениями. Речь идет в первую очередь о работах Т.Шеллинга, получившего в 2005 г. Нобелевскую премию по экономике (совместно с Р.Ауманном) за вклад в изучение конфликтов и сотрудничества на основе теории игр. После выхода в свет пионерных работ Т.Шеллинга «Стратегия конфликта» (1960 г.) и «Стратегия и контроль над вооружениями» (1961 г., в соавторстве с М.Хальпериным) были опубликованы тысячи (а возможно, уже и десятки тысяч) работ, посвященных использованию соответствующего инструментария для изучения проблем разоружения, в том числе ядерного.

Одно из ключевых понятий в теории игр, традиционно востребованных в анализе вопросов контроля над вооружениями – это равновесие по Нэшу (Дж.Нэш – еще один лауреат Нобелевской премии по экономике 1994 г. за достижения в области теории игр). Данное понятие описывает ситуацию, когда

ни один из участников игры, зная возможные стратегии поведения других игроков, не имеет стимула к изменению собственного поведения. Равновесие по Нэшу может быть «эффективным» или «неэффективным» (точнее, «оптимальным» или «субоптимальным») с точки зрения группы игроков в целом и каждого игрока в отдельности. Однако, как только такое равновесие достигнуто, отвечающая его условиям конфигурация стратегий игроков оказывается «заблокированной» в том смысле, что, при прочих равных условиях, ни один из участников игры не готов ничего менять. Чтобы система перешла к новому равновесию, должны измениться определенные параметры взаимодействия как такового. Например, поменяться внешние условия, правила игры, состав и целевые функции участников, объем имеющихся у них ресурсов и информации. Если все перечисленные факторы останутся неизменными, неизменным останется и равновесный исход игры.

Каким образом может быть нарушено это устойчивое равновесие? Во-первых, это может быть обеспечено за счет изменения сравнительных ресурсных позиций игроков. Например, если в ближайшие годы Китай захочет (и сможет) значительно нарастить свой ядерный потенциал, можно будет говорить о формировании условий для перехода к модели стратегического взаимодействия, характерной для ситуации ядерного паритета. Разумеется, такое развитие может оказаться нежелательным для многих членов «ядерного клуба» (в первую очередь, США и Индии), однако они вынуждены будут адаптировать модели собственного поведения к изменившимся реалиям.

Во-вторых, может измениться состав стран, обладающих ядерным оружием. В современных условиях шансы на то, что какая-либо из стран добровольно откажется от ядерного статуса по примеру ЮАР после падения режима апартеида, равны нулю. А вот вероятность расширения «ядерного клуба» в среднесрочной перспективе может оказывать заметное влияние на стратегии поведения ключевых игроков – причем изменение соответствующих стратегий может быть обусловлено не только фактическим появлением новых стран, располагающих ядерным оружием, но и повышением шансов на появление таких стран. Наиболее острый характер носит проблема, связанная с реализацией ядерной программы Ирана. Возможное превращение данной страны в ядерную державу способно повлиять не только на стратегическое поведение его ближайшего соседа и противника – Израиля, но и на ядерных союзников последнего, а также других стран, фактически (или потенциально) находящихся в радиусе досягаемости иранских ядерных ракет.

В-третьих, может претерпеть изменения характер целевых функций членов «ядерного клуба». Характер экзогенных изменений можно проследить на примере распада бывшего СССР, когда обретшие независимость республики добровольно передали России свои ядерные арсеналы. Однако гораздо больший интерес представляют эндогенные изменения целевых функций. Для понимания соответствующих изменений необходимо обратиться к наработкам теории политических рынков. Данная теория выросла на основе целого ряда научных направлений. В экономической науке это, прежде всего, теория общественного выбора, двое отцов-основателей которой – Джеймс Бьюкенен и Гэри Беккер – стали лауреатами Нобелевской премии. Теория

политических рынков акцентирует внимание на рыночном характере взаимодействия политических субъектов. Это означает, что при анализе процессов принятия политических решений мы разделяем участников данного процесса на две группы. С одной стороны, это субъекты, предъявляющие спрос на соответствующие решения, с другой – субъекты, осуществляющие их предложение. Между этими субъектами происходит обмен рыночного типа: чтобы получить нужное решение, субъекты спроса «платят» определенную «цену» субъектам предложения.

Политика конкретной страны по конкретному вопросу представляет собой результат сложного взаимодействия субъектов национального политического рынка между собой, а также с субъектами, оперирующими на региональном и глобальном уровне политических рынков. Субъекты принятия политических решений на национальном уровне максимизируют свои собственные целевые функции, а конкретные условия достижения ими своих целей оказывают влияние на сравнительный вес, который они придают тем или иным приоритетам национальной политики. С учетом этого сравнительный вес приоритетов, связанных с обладанием ядерным оружием, может существенно меняться в зависимости от того, какие выгоды субъекты принятия политических решений ожидают получить от других субъектов посредством интенсификации или, наоборот, в обмен на свертывание (полное или частичное) своих ядерных программ. В последнее десятилетие здесь произошла существенная коррекция приоритетов. В 1990-е гг. была популярна модель добровольного отказа от ядерного оружия «в обмен» на международную помощь и инвестиции (Украина, Беларусь, Казахстан, ЮАР). Однако в свете печального примера Ливии, отказавшейся в 2003 г. от реализации собственной ядерной программы и ставшей объектом внешнего вооруженного вмешательства во внутривнутриполитический конфликт, данная стратегия утратила привлекательность. На сегодняшний день основная игровая стратегия потенциальных членов «ядерного клуба» (Иран, КНДР) стала опираться на принцип «частичного торможения ядерной программы в обмен на ослабление санкций».

Наконец, переход к новому равновесию в сфере взаимодействия ядерных держав может быть обеспечен изменением «правил игры» на международной арене. Каким образом можно изменить правила игры? Ответ опять-таки дает теория политических рынков, которая позволяет сформулировать алгоритм выработки рекомендаций для институциональных изменений как на национальном, так и на международном уровне. Данный алгоритм опирается на тот факт, что любые сколь угодно привлекательные с точки зрения «национальных интересов» или «интересов международного сообщества» предложения не имеют шансов на реализацию, если они не пользуются поддержкой влиятельных субъектов политических рынков, интересам которых они отвечают. Подтверждения тому можно встретить почти на каждом шагу. В экономической сфере классическим примером является откладывание назревших антикризисных мер, обусловленное стремлением политических партий переложить на партию-оппонента ответственность за проведение непопулярных в обществе преобразований (что мы наблюдаем на протяжении последних двух лет в США и ЕС). В сфере международной безопасности эта

проблема не менее актуальна. В экспертном сообществе циркулирует большое число идей и предложений, которые с точки зрения теории политических рынков абсолютно нежизнеспособны, что не означает, что соответствующие идеи и предложения не заслуживают обсуждения. Более того, в долгосрочной перспективе они могут оказать влияние на целевые функции субъектов политических рынков или даже привести к появлению новых субъектов, отстаивающих соответствующие приоритеты (как это произошло с экологическими неправительственными организациями и «зелеными» партиями в экономически развитых странах). Однако потенциал таких изменений не безграничен, а в ряде сфер международного взаимодействия – минимален.

С точки зрения теории политических рынков, имеет смысл предлагать такие рекомендации, которые являются наиболее эффективными из числа политически приемлемых. Если мы определим круг политически приемлемых рекомендаций в сфере управления ядерными арсеналами и выберем из них те, которые в наибольшей степени отвечают интересам обеспечения международной безопасности, то есть шанс, что эти рекомендации будут реализованы. Наиболее перспективным направлением разработки новых «правил игры» представляется поиск комплексных стратегий, увязывающих вопросы ядерного разоружения с вопросами сотрудничества в неядерной сфере. Кроме того, представляет безусловный интерес предложение об информационном обмене, потому что игра с открытой информацией ведет к иным, потенциально более эффективным результатам, нежели игра в условиях, когда обмен информацией между игроками отсутствует.

А.В.Радчук, советник начальника Генерального Штаба ВС РФ:

Ряд вопросов, связанных с дальнейшими шагами по пути ядерного разоружения носит, насколько можно судить, спорный характер. Вряд ли, например, можно полностью согласиться с тезисом о том, что в настоящее время переговоры между РФ и США по ядерному разоружению находятся в тупике. Скорее здесь наличествует некая «стратегическая пауза», наступившая после заключения Пражского договора в 2010 г.

Призывы отдельных «групп мудрецов» к скорейшему достижению «ядерного нуля», как и резолюции Сената США о незамедлительном начале нового раунда российско-американских переговоров о сокращении ядерных вооружений, не могут служить веским основанием для возобновления подобного переговорного процесса, как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Таким основанием способен стать только уровень национальной безопасности, военно-стратегическая целесообразность и экономическая выгода от сокращения собственных ядерных сил.

В условиях, когда в военном балансе главный акцент делается на обычных, в первую очередь, высокоточных вооружениях, а ядерное оружие все более утверждается в качестве средства сдерживания крупномасштабных военных угроз, целесообразность ускорения переговорного процесса по СНВ для нашей страны явно не просматривается.

Подход к оценке стратегических взаимоотношений в виде своеобразной таблицы «ядерного чемпионата» весьма интересен. Однако сегодня едва ли

правомерно сводить проблему стратегических взаимоотношений ядерных держав только к ядерному паритету, а силовой баланс выстраивать только с учетом ядерного оружия. Необходим комплексный учет всех параметров военной мощи: ядерных и обычных, в том числе высокоточных, вооружений, оборонительных систем и инфраструктуры. Важны также и параметры «мягкой силы», которой государство может компенсировать недостаток силы военной.

Ядерное оружие являлось единственным способом парирования угроз в ту пору, когда СССР и США были идеологическими противниками-антагонистами, не считавшимися ни с какими затратами. Отсюда и готовность вести ядерную войну, и опора на взаимное гарантированное уничтожение. Сегодня мы перешли в несколько другой формат, и официально уже более 20 лет не говорим о взаимном ядерном сдерживании. В наших доктринальных документах идет речь о стратегическом сдерживании потенциальных угроз и поддержании потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности.

Как только ядерное оружие создается, оно сразу становится латентным средством сдерживания, даже без официального объявления целей его появления. Ядерное оружие, как сложнейшая военная организационно-техническая система, имеет инерцию, очень длительный цикл изменений. А политическая конъюнктура меняется порой очень быстро. Сегодня угрозы, может быть, нет, а завтра она появится. Вот, например, совсем недавно шел «бой» на водометах у островов Сенкаку. А что там будет дальше? Как будет развиваться этот японо-китайский конфликт, и какие страны в него могут быть втянуты?

Стратегические взаимоотношения стран отнюдь не подобны соревнованию по одному виду спорта. Они формируются как результат общего «олимпийского» зачета. Поэтому для полноты картины необходимо учитывать «таблички» и других чемпионатов: по «обычным вооружениям», «экономике», «науке», «культуре» и так далее. Сегодня, например, начался розыгрыш и некоторых относительно новых, нетрадиционных чемпионатов, в том числе – «религиозного». Общий зачет розыгрыша всех этих «видов спорта» и выводит итоговый рейтинг победителя в «стратегической Олимпиаде».

В подобной постановке, к сожалению, задача ещё не решалась. Да и простых путей решения она не имеет. Правильно сформулированное коллегами положение: для ее решения необходим широкий комплекс глубоких и разноплановых, многоаспектных междисциплинарных исследований.

Есть, на мой взгляд, и еще один существенный момент – насчет точности информации, используемой при оценке стратегических балансов. Поставщики информации в наши дни тоже активизируют свои игры. Воспоминания политиков, как проигравших, так и победителей, всегда субъективны, правда, по разным причинам. Ныне с учетом современных технических средств этот момент особенно важно принимать во внимание.

В.Г.Барановский, академик РАН, заместитель директора ИМЭМО:

Перед нами огромный круг проблем. Они неизбежно возникают при сколько-нибудь серьезном обсуждении значимых для нашей темы вопросов –

например, вопросов безопасности, а внутри этого проблемного поля - вопросов разоружения, а еще более сфокусировано - вопросов ядерного разоружения. И когда мы ставим задачу проанализировать стратегические взаимоотношения между странами, искусство и аналитиков, и политиков состоит в том, чтобы вычленил именно те сегменты этих взаимоотношений, где удалось бы добиться каких-то позитивных результатов в практическом отношении.

Иными словами, первоочередно нужны конкретные решения, которые можно было бы предложить и осуществить на деле. Сверхзадача в том, чтобы вычленил такие решения в том огромном поле, которое образовано взаимоотношениями между странами в международной системе – взаимоотношениями, в которых выявляется гигантское количество измерений. Причем очень многие из них взаимодействуют между собой, влияют друг на друга.

Мы это очень хорошо видим и чувствуем. Одно из конкурентных преимуществ нашего Института – в том, что мы в состоянии (по крайней мере, мы пытаемся) свести воедино разные ракурсы и проблемные темы, привести их к какому-то общему знаменателю, вывести некоторую результирующую, проистекающую из действия разноплановых и зачастую разнонаправленных факторов. Это то, что мы хотели бы получить в наших общеинститутских работах – прогнозах и анализе полицентричной международной системы.

Именно в этом контексте перед нами возникает вопрос о том, как подступиться к проблеме многостороннего ядерного разоружения, что можно сделать практически для того, чтобы здесь возник весомый результат. Проще всего было бы сказать, что идея хороша теоретически, но браться за нее бессмысленно – потому что это слишком сложно, потому что вовлеченные в эту проблематику государства имеют неодинаковые интересы, руководствуются разными мотивами. Да и вообще у каждой страны есть свое понимание необходимости ядерного оружия. Очень трудно это все свести к некой общей базе.

Это трудно сделать и с учетом того, что мир изменился. Здесь невольно можем вспомнить благословенные времена «холодной войны» и жесткой биполярной конфронтации, когда все было проще и яснее. Скажем, вопрос о стратегических вооружениях можно было достаточно комфортно операционализировать применительно к отношениям между СССР и США. А сегодня это уже не так просто. И проблема будет становиться еще более сложной, если пытаться подключить Китай к этому уравнению. А не подключать его в той или иной перспективе просто невозможно. То же самое касается возможности вовлечения в этот процесс других ядерных стран, не говоря уже о других субъектах международной жизни в более широком смысле слова, а не только обладающих ядерным оружием.

Мне кажется, в докладе Алексея Арбатова предложены конкретные формулы, по которым можно было бы продвигаться вперед в области ядерного разоружения (или ограничения вооружений в ядерной области). Обозначены некоторые конкретные вещи, конкретные подходы, которые позволили бы продвигаться вперед. Будь это китайская проблематика, или проблема треугольника Россия–США–Китай, или проблема индийско-пакистанских

взаимоотношений. Мне кажется, именно таким образом, подходя очень конкретно к каждой соответствующей ситуации, можно будет попытаться сформулировать рецепты стабилизации в этих двух различных стратегических конфигурациях: Россия–США–Китай и Индия–Пакистан–Китай.

Наша дискуссия показала, что именно такой подход плодотворен. Он перспективен, потому что позволяет найти какие-то нетрадиционные, нетривиальные решения. Пытаясь их разработать, мы и составляем ту дорожную карту, о которой говорил Александр Калядин. Она должна возникать не как результат каких-то умозрительных размышлений на предмет того, что хорошо бы выдвинуть лозунг многостороннего ядерного разоружения и призвать ядерные страны заняться его претворением в жизнь.

Дорожная карта должна возникнуть из анализа очень конкретных проблем, конкретных сюжетов, с учетом конкретных интересов, конкретных мотивов, которыми руководствуются государства, когда решают свои проблемы безопасности. В частности, когда они пытаются решать эти проблемы, обращаясь к ядерному оружию.

Так что тема, которая явилась здесь предметом обсуждения, далеко не закрыта. Наоборот, она при ближайшем рассмотрении, определенно и уверенно выходит на мировую политическую авансцену, становясь в то же время все более сложной и многозначной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая такая попытка была предпринята в рамках Соглашения ОСВ-1 от 1972 г., затем – на переговорах об ОСВ-2 в конце 70-х годов и в Договоре РСМД от 1987 г.

КРИЗИСНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЖЕЛАНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Inter-Cultural Dialogue in International Crises /
Ed. by Pernille Rieker and Ole Jacob Sending.
– Oslo: NUPI, 2012. p.103.

Имеет ли многосторонняя дипломатия шансы разрешать международные кризисы или же речь идет только о хрупких промежуточных компромиссах? Этот и другие подобные вопросы исследуются в новой коллективной работе о деятельности многосторонней дипломатии в международных кризисах Норвежского института внешней политики (НИВП), выполненной под редакцией Перниллы Рикер и Уле Сендин (они же соавторы первой, методологической главы о компаративности подобных изысканий – с. 11–18). Интерес в Норвегии к этой проблематике – далеко не только теоретический. Эта малая скандинавская страна внесла большой вклад в урегулирование палестино-израильского конфликта, многолетней кровавой распри на Шри-Ланке, в Сомали, Гватемале и ещё в целом ряде других «горячих точек». Даже сейчас в Осло негласно идут мирные переговоры между правительством Колумбии и повстанцами ФАРК. Необходимо отметить, что с авторитетным норвежским «мозговым трестом» ИМЭМО РАН поддерживает давние плодотворные научные контакты.

Авторы приходят к своим умозаключениям на основе рассмотрения ограниченного числа актуальных и острых конфликтов. Так, «шестидневную войну» в Закавказье 2008 г. между Грузией и Россией рассматривает видный сотрудник НИВП Я.Годзимирски (с. 19-40). Колоритный сюжет, связанный с Ливией – когда М.Каддафи закрыл свою атомную программу по настоянию и под аплодисменты Запада – рассмотрен П.Рикер (она же -- соавтор введения; с. 7–10) совместно с коллегой М.Браут-Хегхаммер (с. 41–58). Перипетии «ядерной дипломатии» вокруг атомной программы Ирана обстоятельно освещает сотрудник НИВП С.Лодгорд (с. 59–86). Вот некоторые из высказанных в труде суждений.

Подходы конфликтующих сторон определяются основополагающими национальными интересами и фундаментальными международными условиями (с. 16–18). В Грузии французскому президенту Николя Саркози удалось от имени Евросоюза (в тот период по ротации он являлся председателем Евросовета) добиться прекращения огня (с. 34–36), а Ливия на секретных переговорах договорилась с США и Великобританией в 2003 г. (с. 45–46). Тем не менее, территориальный конфликт между Россией и Грузией остался неразрешенным, а недоверие между М.Каддафи и руководством западных держав продолжило углубляться. Переговоры с Ираном по большей

части ограничились обменом и уточнением позиций сторон. Однако есть исторический прецедент, когда неожиданное изменение позиций одной стороны в корне изменило условия и рамки всех переговоров – Стокгольмская конференция по безопасности и мерам доверия, когда советский лидер М.С.Горбачев пришел к власти. Тогда стороны начали вновь с «*flying start*» и быстро достигли серии соглашений, которые привели к прекращению «холодной войны».

В работе отмечается, что переговоры с антагонистом могут использоваться одной из сторон для легитимизации своей наступательной стратегии, а также для того, чтобы дипломатически-пропагандистски представить себя в лучшем свете (с. 92). Именно так думают и действуют правительства США и Израиля в конфликте с Ираном. К безрезультативности переговоров в данном случае, по мнению экспертов, привели: западная политика санкций, кибер-атаки и убийства и покушения на иранских атомных физиков. Указанные обстоятельства, вместе взятые свидетельствуют о том, что «мирные средства» на данном этапе не получили применения (с. 83–85).

Немаловажным фактором является выбор самих посредников-переговорщиков (с. 92–93). В закавказском конфликте 2008 г. Франция/ЕС смогла выступить нейтральным актором, что в итоге способствовало заключению перемирия. Норвежские эксперты отмечают, что Муаммару Каддафи также в свое время повезло с выбором нейтрального «честного маклера» – переговоры с Западом в 1990-е гг. взяли успешный старт после того, как новые лица применили новую методологию посредничества. В случае с Ираном два переговорщика – председатель Комиссии Евросоюза Х.Солана и представитель Высшего совета нацбезопасности Ирана А.Лариджани (оба – прагматики высокого профессионального класса) – действовали фактически на грани своих переговорных мандатов.¹ Правда, затем они были остановлены своими непримиримыми руководителями. При этом А.Лариджани был отозван и заменён на менее гибкого С.Джалили (с. 67–70).

Весной 2010 г. Турция, Бразилия и Иран достигли согласия о мерах доверия, о которых до этого великие державы безрезультатно вели переговоры на протяжении более полугода. Представители правительств Турции и Бразилии благополучно достигли взаимопонимания со многими участниками сложной иранской политической системы. Но всё закончилось очередным давлением США и введением ими ещё более жестких санкций против Тегерана (с. 63–65).

По признанию норвежских коллег, западные державы имеют склонность вести переговоры с малыми странами свысока, с позиции «сверху вниз», с использованием материальных рычагов и преимуществ (с. 93). В своих мемуарах умудренный опытом экс-председатель МАГАТЭ М.Эль-Барадей так образно резюмировал западную политику в отношении Ирана: «Ничто не может удовлетворить (Запад), разве что Иран появится за столом переговоров совершенно голый» (с. 72). В свою очередь М.Ахмадинежад использовал провокационные демарши западных держав для ещё большего подстегивания атомной программы Ирана (с. 73). Конфликт в Ливии также продемонстрировал этот классический силовой (если не сказать жестче – империалистический)

подход, что, безусловно, снизило и ограничило переговорные возможности дипломатии.

Исследователи НИВП полагают, что в кризисных ситуациях переговорщики, как правило, в большей мере нацелены на ограничение конфликта, чем на его разрешение (с. 93–94). В ходе этих дипломатических контактов часто возникает опасность роста взаимного непонимания, неожиданного ужесточения позиций сторон, дефицита гибкости, неспособности к коррективам. Сразу же после того, как переговоры между США и Ираном в 1979 г. были прерваны, американцы распустили свои экспертные группы, поскольку они формально остались не у дел. В долгосрочном плане такая «экономия на издержках» сослужила плохую службу Вашингтону: его переговорные позиции лишились необходимых нюансов и способности учитывать перспективу.

Широко распространенное убеждение в том, что межкультурное разнообразие, особенно некоторые этнические, этноконфессиональные, лингвистические и прочие различия и противоречия, являются сдерживающим фактором современных дипломатических контактов, в целом скорее оспаривается, чем подтверждается авторами данной работы. Степень демократизации той или иной страны как участника мирных переговоров также не очень существенно влияет на их исход. В более широком плане, проблемы политической культуры и этнокультурного разнообразия не представляется очевидными причинами, влияющей на результаты переговоров по урегулированию конфликтов. Впрочем, авторы признают, что эта взаимосвязь требует внимательного и подробного дальнейшего рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь уместно вспомнить прорывную «прогулку в лесу» Ю.Квицинского и Дж.Бейкера во время переговоров по ракетам средней и меньшей дальности в Вене в 1982 г.

«АФГАНЦЫ» ГЛАЗАМИ БРИТАНЦА

Braithwaite R. *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–1989.* – New York: Oxford University Press, 2011. 432 p.

На этапе подготовки и осуществления вывода из Афганистана вооруженных сил государств-членов НАТО, правительства которых обещали своим уставшим от войны избирателям полный вывод войск к концу 2014 г., самое время напомнить как лидерам, так и гражданам западных стран о том, что два с половиной десятилетия назад такая же дилемма стояла перед руководством СССР.

В своей книге «Афганцы» сэр Родерик Брейтуэйт, бывший британский посол в СССР/России (1988–1992 гг.), рассказывает историю советского присутствия в Афганистане, демонстрируя удивительные параллели между попытками СССР и коалиции во главе с США установить контроль над Афганистаном и – в большей (в случае СССР) или меньшей (в случае США и НАТО) степени – изменить эту страну. Обе попытки, несмотря на огромное военное превосходство СССР в 1980-е гг. и США и их союзников в 2000-е гг., обернулись серьезными проблемами в осуществлении даже такой, казалось бы, простой задачи, как сохранение лояльного режима в Кабуле перед лицом непримиримой враждебности со стороны вооруженных группировок за пределами основных центров власти.

Книга Брейтуэйта развеивает некоторые мифы, связанные с советской оккупацией Афганистана. Несмотря на то, что эти мифы – не более чем реликты пропаганды времен «холодной войны», они до сих пор широко распространены, особенно на Западе, даже среди тех, кто осуждает американскую поддержку моджахедов в их противостоянии советским войскам. Один из наиболее устойчивых мифов касается самого ввода войск и роли Москвы в предшествовавшем ему перевороте 1978 г., в результате которого к власти в Афганистане пришли коммунисты. Брейтуэйт объясняет, что «Саурская революция» (апрель 1978 г.) не была инициирована Советским Союзом и что, хотя пришедшая к власти Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), как и большинство компартий по всему миру, и была связана с СССР и КПСС, Москва поддерживала тесные рабочие отношения и с республиканской администрацией Мухаммеда Дауда, свергнутой в ходе переворота. Апрельский переворот 1978 г. фактически не оставил СССР другого выбора, кроме как поддержать новое правительство, несмотря на отсутствие у Москвы уверенности как в способности руководства НДПА управлять страной, так и в готовности Афганистана к «построению социализма».

Неохотное решение Москвы, в конечном итоге, прибегнуть к военной интервенции в Афганистане связано с клубком политических интриг внутри НДПА и соперничеством двух ее фракций – сельской «Хальк» и городской «Парчам» – и их лидеров. Брейтуэйт подчеркивает, что стареющий Брежнев рассматривал первого президента Демократической республики Афганистан (ДРА), Нура Мухаммеда Тараки, как своего протеже. Тараки принадлежал к фракции «Хальк», доминировавшей в НДПА вплоть до советской интервенции, но придерживался более примирительной позиции в отношении «Парчам», чем премьер-министр и фактический лидер «Хальк» (а затем второй президент ДРА) Хафизулла Амин.

Несмотря на относительно умеренную позицию Тараки, период, предшествовавший интервенции, был отмечен ростом убийств и политических преследований оппозиционных группировок внутри НДПА, а также гражданских лиц, заподозренных в связях с ними или в их поддержке, что вызвало широкое недовольство в стране и грозило ее дестабилизацией. Это стало одной из причин, по которым такие ключевые члены Политбюро ЦК КПСС, как А.Н.Косыгин, А.А.Громыко и Д.Ф.Устинов, весьма скептически оценивали как перспективы правления НДПА в целом, так и доводы в пользу советского военного вмешательства в Афганистане, в частности. В его необходимости их не убедило даже антикоммунистическое восстание в Герате в 1979 г., которое афганским властям удалось подавить лишь с большим трудом.

Брейтуэйт подчеркивает, что сам Тараки и советское руководство недооценили слабость позиции Тараки внутри НДПА – его арест и убийство сторонниками Х.Амина потрясло Москву, особенно Брежнева. Именно эти события предопределили трансформацию советской военной помощи ДРА и ограниченного военного присутствия в полномасштабную интервенцию.

Конечно, отмечает Брейтуэйт, решение о вводе советских войск в Афганистан было продиктовано и логикой «холодной войны», диктовавшей «игру с нулевой суммой». В СССР считали Амина агентом ЦРУ (он учился в США, почти наверняка на каком-то этапе был связан с ЦРУ, однако, вероятнее всего, на момент прихода к власти агентом ЦРУ не являлся). В то же время исламская революция в Иране 1979 г., которая привела к потере Соединенными Штатами своего ключевого союзника в регионе, должна была, по мнению Москвы, подтолкнуть США к поиску другого такого союзника. При этом в параноидальной атмосфере того времени в Кремле просто отказывались замечать то, какой серьезный удар по влиянию США в Юго-западной Азии нанесла осада американского посольства в Тегеране, как, впрочем, и явное отсутствие у США на том этапе какого-либо серьезного интереса к Афганистану.

Брейтуэйт детально излагает ход советской операции под кодовым названием «Штурм-333» по захвату президентского дворца в Кабуле. Он рассказывает, как советские войска и спецназ (включая «мусульманский батальон» ГРУ, составленный преимущественно из выходцев из среднеазиатских республик), дислоцированные на базе «Баграм» в непосредственной близости от дворца, сохраняли втайне характер операции от лояльных Амину сил вплоть до того момента, когда штурм уже был в разгаре. Он с юмором описывает процесс сбора разведанных о расположении помещений и внутреннем распорядке двор-

ца. Сам штурм был внезапной и ожесточенной атакой, в результате которой Амин, его сыновья, значительная часть его сил безопасности, личного и политического окружения были убиты. На тот момент в стране уже находилось большое число советских военных и гражданских советников, а также подразделения советской армии и ВДВ, численность которых возрастала с весны–лета 1979 г. Многие из них были не в курсе готовящейся интервенции, а некоторых она в прямом смысле застигла врасплох.

Советский Союз сделал президентом лидера фракции «Парчам» Бабрака Кармалю. Его лидерство в НДПА, а также руководство страной в целом, полностью зависели от поддержки со стороны СССР. Брейтуэйт считает, что этот фактор сыграл решающую роль в том, что Москва не смогла уклониться от ответственности за обеспечение безопасности режима, а Афганистан не смог избежать сползания в ситуацию тотальной гражданской войны. Кармаль был слабым лидером, к тому же его хорошо известные проблемы с алкоголем только усугубились под воздействием войны и пребывания на верховном посту. Полная опора на советское военное доминирование в Афганистане лишила его стимулов к выстраиванию и поддержанию безопасности внутри страны (помимо создания репрессивного аппарата), так как улучшение ситуации с безопасностью могло бы подтолкнуть СССР к выводу войск.

Афганская кампания также стала заложником застоя и начала сползания СССР и его руководства в кризис в 1980-е гг. Как отмечает Брейтуэйт, советские «воины-интернационалисты», а также большое число гражданских специалистов, которые ехали в Афганистан с искренним стремлением «строить там социализм», теперь осознали, что риторика о «светлом будущем» в их собственной стране расходится с реальностью. В этом смысле Брейтуэйт сравнивает советские усилия по построению социализма в Афганистане с западными попытками насадить там демократию, подчеркивая малоприменимость обоих этих абстрактных понятий к афганскому обществу, находящемуся на более ранней стадии развития.

Смерть Брежнева и период правления Юрия Андропова еще более осложнили ситуацию. Андропов был послом СССР в Будапеште во время венгерского восстания 1956 г. Опыт подавления восстания вселил в него уверенность в том, что лишь советская военно-силовая мощь может предотвратить коллапс коммунистических режимов. Поэтому с его стороны не было тех сомнений по поводу вторжения в Афганистан, которые имелись у некоторых других членов Политбюро ЦК. В период пребывания советских войск в Афганистане советские генералы и советники несли практически абсолютную ответственность за управление страной, хотя территория под контролем центрального правительства в Кабуле продолжала сокращаться на протяжении 1980-х.

Хотя активизация моджахедов в отдаленных и горных районах страны в значительной мере финансировалась арабскими странами Персидского залива и осуществлялась при военной поддержке Пакистана, повстанческое движение имело и глубокие внутренние корни, уходящие в кланово-племенные отношения – в частности, оппортунизм племенных лидеров, пытавшихся укрепиться и подняться за счет доступа к иностранной финансовой и военной помощи. Самой крупной фигурой среди лидеров моджахедов был Ахмад-Шах Масуд, пред-

водитель таджикских сил в Панджшерской долине к северу от стратегически важного тоннеля Саланг, т. е. фактически в тылу советских войск. Силы Масуда предпринимали регулярные вылазки, ставя под угрозу безопасность ключевого транспортного коридора, и отбивали попытки советских войск очистить долину и надежно обеспечить безопасность тоннеля Саланг. Активизация таких лидеров, как Масуд или пуштунский исламист Гульбеддин Хекматиар, и их группировок, свидетельствовала об ухудшении ситуации в области безопасности, особенно к концу десятилетия.

После смертей советских генсеков Андропова и Черненко, приоритеты СССР в Афганистане изменились. К моменту прихода к власти М.Горбачева (март 1985 г.) военная кампания в Афганистане стала непопулярной, а цензура в отношении информации о потерях среди советских солдат, особенно молодых призывников, провоцировала недовольство, еще больше размывая общественную поддержку этой войны. Афганская кампания к тому же становилась все более материально обременительной для страны, чья экономика и финансовая стабильность все больше зависели от займов со стороны «идеологических противников». Горбачевская программа реформ и его апеллирование к гражданскому обществу сделали его правительство более зависимым от общественного мнения (и более уязвимым по отношению к общественному недовольству), чем любое правительство до него. В этих условиях при Горбачеве начался длительный процесс переговоров о выводе войск: в разделе книги, озаглавленном «Долгое прощание», Брейтуэйт подчеркивает, что Советский Союз почти половину периода пребывания своих войск в Афганистане потратил на планирование и осуществление их вывода.

В ранне-горбачевский период СССР также стал оказывать давление на НДПА с целью отстранить Бабрака Кармаля, что и было сделано в 1986 г. Кармаля сменил Мохаммад Наджибулла, четвертый и последний президент ДРА, который оставался у власти вплоть до полного коллапса режима в 1992 г., был казнен талибами в 1996 г., но до сих пор пользуется популярностью среди афганского городского населения. По прагматическим соображениям и с одобрения СССР Наджибулла прекратил попытки «построения социализма» в Афганистане и начал программу национального примирения.

На этом этапе основным приоритетом советского руководства стало обеспечение «почетного ухода» из Афганистана. Препятствиями на этом пути служили как собственная уязвленная гордость, так и неспособность администрации Рональда Рейгана противостоять соблазну унизить СССР, что в итоге продолжило войну и нанесло определенный политический вред благожелательно настроенному к США Горбачеву. Подписывая Женевские соглашения 1988 г. о выводе советских войск, министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе, конечно, осознавал, что они фиксируют далеко не победный для СССР исход. Подавленное ощущение среди офицеров-«афганцев», привыкших гордиться честью советского оружия и своих отцов, выигравших Великую Отечественную войну, а также дискредитация среди населения мифа о непобедимости советской военной мощи усугубили внутренний кризис и общественный надлом в Советском Союзе, доживавшем свои последние дни.

Книга Брейтуэйта, рассказывающая историю советской оккупации и вывода войск из Афганистана, актуальна не только для специалистов-исследователей и рядовых читателей, но и для современных политиков – как на фоне присутствия и вывода сил НАТО из Афганистана, так и в более широком стратегическом контексте. Тяжелые последствия советского военного присутствия и американской поддержки антисоветского джихада являют собой яркий урок того, насколько опасны во внешней политике «игра с нулевой суммой» и игнорирование культурно-политических традиций любой страны, с которой имеешь дело.

Что касается позитивных уроков советского опыта, то к ним вполне можно отнести тот факт, что режиму Наджибуллы удавалось сохранять власть в течение более чем трех лет после вывода советских войск – даже после того, как военная помощь СССР Кабулу практически прекратилась (после развала самого Советского Союза новая Россия не хотела и не могла оказывать режиму Наджибуллы даже базовую поддержку). С точки зрения натовских стратегов, это должно внушать некоторую надежду, так как нынешнее правительство в Кабуле не так антагонистично по отношению к оппонентам, как правительство НДПА, повстанцы хуже финансируются и слабее вооружены, а НАТО лучше подготовлено к тому, что продолжать оказывать правящему режиму поддержку извне, чем СССР при позднем Горбачеве или Ельцине.

Брейтуэйт посвящает значительную часть своей книги анализу социально-го и культурного влияния войны в Афганистане не только на СССР как на государство и общество, но и на индивидуальные судьбы молодых советских солдат, в том числе добровольцев. Это придает рассказу живой, человеческий характер, что, наряду с проведенным автором тщательным и «пропущенным через себя» исследованием, делает книгу «Афганцы» одной из наиболее важных западных работ о советской войне в Афганистане. Эта книга послужит хорошим подспорьем любому, кто стремится понять как историю этого конфликта, так и проблемы идеологически мотивированной интервенции в целом.

Пер. с англ. Е.Степановой

СИРИЙСКИЙ УРОК НОВЕЙШИМ РЕВОЛЮЦИЯМ

Der Syrienkonflikt / Vorgelegt von C.Schweitzer und A.Buro.
– Bonn: Kooperation fur den Frieden,
Forderverein Frieden eV. – 2012. 12 S.

Современная эпоха предъявляет повышенные требования к левым и революционным акциям и движениям. Главное из них – последовательное ненасилие, отказ от действий, способных иметь разрушительные последствия для человека, социальной и природной среды его обитания. Предостережением против пренебрежения этим императивом могут служить известные звенья «арабской весны», прежде всего ливийское и сирийское. Возможно, особый интерес здесь заслуживают оценки и суждения представителей заинтересованных международных социальных движений, отражающие точки зрения массовых аудиторий защитников прав человека, мира и безопасности. Характерна в этом отношении небольшая, но емкая по содержанию брошюра, составленная двумя видными деятелями немецкого и международного пацифистского движения – Кристин Швейцер и Андреасом Буро (последний хорошо известен в России участием в совместных выступлениях западных и советских пацифистов периода «антиракетных» и «разрядочных» кампаний 1970-х и 1980-х гг.).

В центре внимания авторов – как ненасильственные протестные кампании, так и революционные преобразования последних десятилетий. Среди них борьба за независимость на Филиппинах в 1986 г., иранская революция 1978 г., серия смены режимов в странах Восточной Европы конца 1980-х – начала 1990-х гг. и, наконец, «ряд успешных выступлений гражданской общественности» в Тунисе и Египте в 2011 г. (с. 7). Но были и достойные сожаления отступления от этой позитивной тенденции, и прежде всего – ливийский и сирийский. Сценарии. Особенно зловещ последний. В Сирии, как отметили составители издания, погибли (по данным на начало осени 2012 г.) десятки тысяч жителей страны, а сотни тысяч лишились крова и стали беженцами. Особое значение приобретает опасность вовлечения внешних сил в конфликт, а также становящаяся все более реальной угроза применения одной из противоборствующих или какой-либо «третьей» силой имеющегося у Сирии химического оружия.

Далеко не все в Сирии и за ее пределами, по оценкам авторов, считают режим Б.Асада «диктаторским», а его самого – деспотом. При этом составители текста допускают правомерность выдвижения оппозиционными силами требований о его отставке. Но вот значительная часть методов вооруженной оппозиции вызывают у экспертов-пацифистов не только критику, но и решительное неприятие. Первоначальные мирные манифестации и период ненасильственных действий сменились периодом обострения борьбы противостоящих друг другу сторон. Государства-члены НАТО во главе с США поспешили потребовать ухода Б.Асада, радикализовав сирийскую оппозицию, а Саудовская Аравия и Катар начали поставки оппозиционным группировкам в Сирии оружия и боеприпасов и предоставили им значительные финансовые средства. В итоге

«произошла милитаризация конфликта» (с. 2). Дальнейшее развитие приняло форму затяжной кровопролитной гражданской войны, которой не видно конца, причем к репрессиям самым разнузданным образом прибегают обе стороны, а основные жертвы приходятся на мирное население.

Одну из основных причин срыва протестного движения в пропасть насилия авторы издания усматривают в том, что у оппозиции еще на исходном этапе отсутствовала «четкая концепция организации гражданского восстания» (с. 3). Х.Швейцер и А.Буро, таким образом, формулируют прямую рекомендацию революционным движениям: прежде чем разворачивать массовые акции широких масштабов, необходимо озаботиться выработкой конкретного и реалистического плана мероприятий и акций, обеспечивающих надежную защиту процесса от вырождения в силовые и милитаристские, «командные» деформации. Интересно, что авторы при этом берут под сомнение широко бытующее в рядах «новых левых» активистов ориентацию на децентрализованные сетевые модели организации: так, отсутствие в Сирии единой руководящей инстанции оппозиционно-повстанческого движения (претендующий на такую роль Сирийский национальный совет существенного влияния не имеет) никак не помешало, а, пожалуй, и поспособствовало возникновению многочисленных кровавых разборок.

С этой точки зрения, очень важно указание составителей материала на необходимость систематической работы в демократических организациях над основательным изучением и популяризацией результатов изучения конфликтных ситуаций и мирных способов их разрешения. Даже в современной Сирии, в условиях далеко зашедших силовых столкновений, делающих крайне затруднительным прямое возвращение к гражданским способам регулирования официальных и политических противоречий, возможности определенной нормализации или хотя бы создания предпосылок для нее, по мнению авторов, еще имеются. Прежде всего, этому могло бы помочь заключение перемирия между властями и войсковыми соединениями повстанцев, в том числе и с опорой на участие Китая и России. Существенную роль могла бы сыграть «новая миссия» ООН, которая, по мнению авторов, не должна «состоять из солдат» (с. 8). Послать в Сирию надо гражданских миротворцев, специалистов по конфликтному регулированию. Численность ее должна быть очень значительной – 3000 человек вместо 300 (численность последней миссии наблюдателей ООН в Сирии). Трудно сказать, насколько реалистичны подобные советы, но уже сама их артикуляция в недрах западного общества представляет особый интерес.

ЭТНОСЕПАРАТИЗМ В РОССИИ И ГРУЗИИ

George J.A. The Politics of Ethnic Separatism in Russia and Georgia. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. 248 p.

Трудно сказать наверняка, стала ли опубликованная в 2009 г. книга Джулии Джордж «Политика этнического сепаратизма в России и Грузии» прямой реакцией на вооруженный конфликт вокруг Южной Осетии лета 2008 г. или процесс работы над книгой на момент начала так называемой пятидневной войны шел уже давно. Тем не менее, в отличие от авторов тех публикаций по данному конфликту, которые написаны в рамках примордиалистских и близких к ним подходов и упирают на решающую роль фактора этнической вражды, Дж.Джордж отвергает понятие этничности как объективной категории, якобы неизбежно влекущей за собой вечные и непримиримые противоречия и разногласия между этническими сообществами. Руководствуясь определением, позаимствованным у этнолога Поля Брасса, автор рассматривает этничность как «идентичность, которая проявляется в “субъективном, символическом и эмблематическом использовании” группой людей “любых культурных признаков, которые отличают ее от других групп”» (с. 15). Более того, в развитие инструменталистского подхода, Джордж утверждает, что в случае Грузии и России этническая мобилизация «расширила возможности соответствующих групп по достижению ими своих политических и экономических целей», т. е. культурная идентичность сознательно использовалась политическими лидерами в качестве инструмента массовой мобилизации с целью реконструировать «политические и экономические системы в своих интересах» (с. 19).

Конечно, с г-жой Джордж можно поспорить о том, могут ли этнические различия и идентичность сами по себе – и если могут, то насколько – быть одной из коренных причин конфликта, а не просто служить средством сознательной манипуляции для достижения иных целей. Однако, учитывая, что перед нами – автор, сочетающий многолетний опыт академических и полевых исследований со значительным теоретическим вкладом в изучение проблем этничности и конфликтов в регионе, книга Дж.Джордж заслуживает внимания. Рассмотрим вкратце основные идеи и выводы автора, с тем, чтобы оценить, насколько предложенный ею аналитический подход способен объяснить развитие событий в данном регионе, а также то, применим ли этот подход к другим контекстам, где этнический фактор играет важную роль в государственном строительстве и конфликтах.

В предисловии к книге Дж.Джордж подчеркивает, что продолжающиеся трения и конфликты в кавказском регионе во многом связаны с неурегулированными вопросам статуса, межэтнических отношений и суверенитета (с. 1). Тем не менее, автор замечает, что в грузинском случае решение как центрального правительства, так и руководства Абхазии и Южной Осетии прибегнуть к этнической мобилизации (а в случае последних, и к практике сепаратизма) стали реакцией на более широкий

«структурный, институциональный и персональный контекст» и должны рассматриваться в этом контексте (с. 4).

Автор полагает, что при определенных условиях можно предсказать, насколько и как лидеры будут использовать фактор этнической мобилизации для достижения своих целей. Она предлагает аналитическую модель, цель которой – помочь оценить потенциал тех или иных акторов к применению насилия в ответ на меняющиеся условия для этнических групп внутри того или иного государства. В противовес «привычным концепциям, которые выводят этнический конфликт из культурного многообразия или угнетения меньшинств», автор выявляет три основных политико-экономических фактора, совокупность которых, по ее мнению, определяет те варианты действий, который доступны акторам, представляющим как (центральную) государственную власть, так и региональные элиты (с. 14). Эти структурные факторы, влияющие на принятие решений элитами разного уровня, включают, во-первых, ресурсы и возможности, которыми обладает тот или иной регион страны, проявляющий тенденцию к автономизации или сепаратизму, во-вторых, совокупный потенциал центрального правительства, а в-третьих, наличие и уровень неформальных связей между центром и «проблемным» регионов, особенно между их лидерами. Этот инструменталистский подход, избранный Джулией Джордж для своей аналитической модели, которую она использует в исследовании конфликтов в Южной Осетии, Абхазии и Чечне, оказывается весьма полезным в определении и объяснении факторов, влиявших на принятие решений руководством соответствующих стран и регионов.

Рассмотрим, например, как автор использует эту аналитическую модель применительно к событиям в Южной Осетии. Накануне распада СССР Южная Осетия, уже имевшая полуавтономный статус в рамках советской федеральной системы, располагала как собственными морально-историческими аргументами в пользу отделения, так и территорией, ограниченной административными границами, и республиканскими органами власти, что позволило ей провозгласить независимость от Грузии еще до того, как Советский Союз окончательно развалился (с. 17). В тот период, когда грузинское государство еще находилось в стадии формирования и было крайне слабым, центральное правительство в Тбилиси мало что могло предложить Южной Осетии для достижения взаимоприемлемого соглашения. Более того, традиционно тесные связи Южной Осетии с Северной Осетией в составе РСФСР/Российской Федерации, а также с Москвой, в отсутствие таких же тесных связей с новым националистическим грузинским руководством, снижали шансы найти общее решение на базе личных интересов и межнациональных патронажных сетей. Наконец, учитывая, что Южная Осетия не располагала каким-либо значительным экономическим потенциалом и имела мало собственных козырей для ведения полноценных переговоров с Тбилиси, насилие оставалось единственной возможностью для региона противостоять усилиям центрального правительства по восстановлению своей контроля над югоосетинской территорией. Со своей стороны, центральное правительство Грузии, имея перед собой еще более слабого противника в лице Южной Осетии, было готово пойти на риск военного вмешательства с целью восстановить контроль над регионом и таким образом пресечь любые дальнейшие попытки отделения.

Предложенная автором аналитическая модель работает и применительно к другим регионам постсоветского пространства. Выявленное ею сочетание факторов, влияющих на принятие решений элитами, вполне применимо, например, к ситуации в Татарстане. В отношениях с этой и другими национальными республиками российское федеральное правительство располагало гораздо большим потенциалом и рычагами влияния (по сравнению, например, с грузинским правительством в его отношениях с автономными регионами). Однако Татарстану удалось, опираясь на собственные немалые экономические ресурсы и личные связи республиканских властей с высшим руководством страны, избежать «жесткого» варианта сепаратизма (с. 28). Для сравнения, в Чечне такое же сочетание – экономического ресурса (обеспеченного, правда, масштабными «послевоенными» финансовыми вливаниями из федерального бюджета) и прямых личных связей между республиканским руководством во главе с отцом, а потом сыном Кадыровыми с высшим руководством страны – сложилось лишь после двух кровопролитных войн. Однако именно это сочетание в итоге смогло обеспечить отход республики от «жесткого» сепаратизма.

Джулия Джордж приходит к выводу о том, что этническая мобилизация и насилие имеют место при следующих условиях. «Вероятность этнического насилия в России и Грузии возростала тогда, когда центральное правительство было относительно слабым и не могло предложить «проблемному» региону взаимовыгодную сделку, подкрепленную реальным потенциалом, а регионы, в свою очередь, не располагали достаточными возможностями и ресурсами для того, чтобы вынудить центральные власти сесть за стол переговоров, в то время как неформальные структуры и механизмы, включая патронажные сети, связывавшие региональных лидеров с руководителями федерального уровня, либо отсутствовали, либо были нарушены. Именно в регионах, где у властей отсутствуют два этих рычага (экономические ресурсы и прямые неформальные связи с руководством страны), особенно в относительно слабых государствах, формируются наиболее благоприятные условия для вооруженного сепаратизма» (с. 28).

Со своей стороны, правительства могут также быть склонны применять насилие в ответ на этносепаратизм, особенно если само государство переживает переходный период, перестраивает систему власти и стремится предотвратить опасный прецедент сецессии – отделения той или иной территории. Например, в случае с Грузией, центральное правительство как при З.Гамсахурдии, так и при Э.Шеварднадзе пыталось военно-силовыми методами сначала дефедерализировать грузинское государство, чтобы получить полный контроль над его ресурсами, а затем – чтобы укрепить президентскую власть в стране (с. 112–119). Кроме того, «сложившаяся система персонализированного распределения постов, политических привилегий и теневых источников дохода ограничивали заинтересованность как центрального правительства, так и отколовшихся регионов в достижении своих целей путем переговоров друг с другом» (с. 6). В таких условиях конфликт будет продолжаться или останется «замороженным» до тех пор, пока региональным и центральным элитам выгодно противодействовать переговорам. Такое сочетание факторов бросает серьезный вызов тем политическим игрокам, которые нацелены на поиск конструктивного компромисса.

Пожалуй, наиболее болезненным для современных политических лидеров, в том числе на Западе, служит вывод автора книги о том, что «выполнение стандартных рекомендаций в области демократизации и экономической стабилизации далеко не всегда приводит к желаемому и ожидаемому эффекту – т. е. к стабильности и процветанию» (с. 7). В регионах, не имеющих сильных связей с центральным правительством, политика федерализма нередко становится стимулом к мобилизации этнических групп, усиливая их позиции на переговорах федеральным центром. Еще более неортодоксален вывод автора о том, что, вопреки ожиданиям, противодействие неформальным связям, клиентско-патронажным отношениям и коррупции может даже косвенно поощрить насилие в таких регионах – причем в условиях, когда продолжение или возобновление конфликта не отвечает глубинным интересам ни одной из сторон. Автор приводит свидетельства того, как кампании по борьбе с коррупцией, укрепление формальных институтов и попытки быстро взять под жесткий контроль районы, где сильны неформальные рынки и теневая экономика, на деле могут привести к дестабилизации и так хрупкого сотрудничества между этническими группами и по линии центр-периферия (с. 7). Более того, «чрезмерный упор на демократизацию может подстегнуть интерес региональных этнических лидеров к демографическому фактору» и даже стимулировать этническое насилие как средство достижения «демографического превосходства» на выборах в органы власти (с. 8). В этой связи возникает вопрос: как обеспечить здоровое и устойчивое развитие государственной системы в условиях, когда на практике перед вами стоит выбор – либо в приоритетном порядке продвигать развитие прозрачных и подотчетных демократических институтов, либо обеспечить или сохранить мир.

Выводы Дж.Джордж, особенно по поводу патронажно-клиентских отношений между центром и региональными акторами, применимы далеко не только к постсоветскому пространству – они могут быть полезны и в таких политических контекстах, как Ирак и Афганистан. Автор настаивает на том, что долгосрочные цели и стратегии в области регулирования этнополитических конфликтов должны разрабатываться с учетом их возможного дестабилизационного эффекта в краткосрочном плане. Не менее разрушителен и обратный процесс – т. е. полное подчинение долгосрочных стратегий развития «проблемных» с этнополитической точки зрения регионов нуждам сиюминутной стабилизации путем опоры на патронажную систему. Иначе говоря, необходим баланс между долгосрочными целями и поддержанием стабильности в краткосрочном плане. Патронажно-клиентские системы стабильны лишь настолько, насколько стабильны участвующие в них игроки. Если исходить из «минималистского» определения стабильности как отсутствия насилия, она не должна становиться единственным приоритетом или самоцелью – вне зависимости от того, является ли страна или регион зоной этнополитического конфликта. Множество государств на Ближнем Востоке, в Евразии и других регионах мира десятилетиями были стабильными, но не демонстрировали ни эффективного управления, ни прогресса в области человеческого и институционального развития. Определенного уровня стабильности можно достигнуть даже в такой стране, как Афганистан – если, конечно, опираться на многоуровневую патронажно-клиентскую систему, тесно связанную, среди прочего, с неформальной экономикой. Хотя такая система может обеспечить некоторую стабильность, ее ценой будет если не «замороженный конфликт», то своего рода «замороженное государство», хронически

неспособное к устойчивому развитию на благо своих граждан. Это ставит любых игроков, вовлеченных в стабилизацию (пост)конфликтных зон, перед непростым выбором, когда нежелательно ни продолжение вооруженного конфликта, ни его «замораживание» в виде определенной стабилизации ценой создания псевдогосударственных структур, основанных на патронажных, клановых и иных неформальных связях или завязанных на единичные, пусть даже харизматичные, фигуры политических лидеров. Такая стабильность недолговечна, а ее развал порой сопряжен с не менее тяжкими последствиями, чем продолжающееся насилие: все «замороженные конфликты» рано или поздно «размораживаются».

Пер. с англ. Е.Степановой

МИЛИТАРИЗМ ПРОТИВ ПРИРОДЫ

Мамин Р.Г. Экология войны
(исторические факты, прогнозы и версии).
– М.: Экономика, 2011, 493 с.

До недавних пор результаты войн и военных приготовлений оценивались почти исключительно по масштабам людских потерь, приобретенных территорий и иных материальных выигрышей или проигрышей. Экологические аспекты проблемы практически никого не интересовали, а потому и не измерялись. Во многих случаях они даже и не замечались и фиксировались лишь частично, фрагментарно, нередко очень субъективно. Российский эколог Р.Г.Мамин делает первую попытку исправить сложившееся положение – в центре его внимания реальный ущерб, который причиняли войны и военные приготовления природной среде, окружающей человека и внешним факторам его жизнедеятельности. Естественно, что на более или менее адекватные в научном отношении источники автор мог опираться лишь применительно к позднейшим эпохам; в отношении более отдаленных исторических периодов ему приходилось довольствоваться в основном косвенными, а то и мифологизированными версиями.

Тем существеннее то обстоятельство, что один из исходных авторских тезисов – о значительности вредного влияния военной активности на природную среду в древности – оказался в работе вполне основательно фундированным. Кровавопролитные битвы, столкновения на суше и на море, походы армий и перемещения (часто с истреблением) масс племен и народов в Древнем мире и в Средние века не могли не иметь долговременных отрицательных экологических последствий. Так, во время передвижений войск Александра Македонского в ходе греко-персидских войн (III век до н.э.), согласно свидетельствам одного из его полководцев Птолемея и других авторов, ущерб окружающей среде был нанесен на протяжении 20 тыс. км боевого пути его войска, на площади 40 тыс. га, а загрязнение почв на полях сражений, по словам того же Птолемея, достигало таких масштабов, что мухи роями летали в воздухе, залетая воинам в легкие (с. 333–334, 339). По такой схеме разворачивались и другие войны и военные действия, вплоть до рубежа Нового времени, когда прорывы в области военной техники дополнительно ухудшили экологическую составляющую милитаризма. Так, резко возросшая роль артиллерии в период наполеоновских войн способствовала нарастанию разрушительного процесса насыщения почв тяжелыми металлами (основной из них, свинец, держится в почве на протяжении не менее 35 человеческих поколений). Как отмечается в монографии, смыв вредных ингредиентов с почвы в системы водоснабжения создает и в наше время предпосылки для подрыва здоровья человека и животных, особенно в условиях прогрессирующей урбанизации (с. 340–345).

Вершину негативного влияния войн и милитаризма на экологические реалии, согласно оценке Р.Г.Мамина, составляют обе мировые войны, практически определившие общепланетарное развитие в XX в. Применение химического оружия в ходе Первой мировой войне (а в России – и в ходе Гражданской войны) дали пример многостороннего деформирования природных процессов, с массовыми многомиллионными жертвами среди населения и с перспективой глобальных катаклизмов в результате использования или хотя бы только производства боеприпасов и средств доставки оружия массового уничтожения. Вторая мировая война, приведшая к гигантским разрушениям, особенно на территории Советского Союза (подробные подсчеты автор произвел на примере Смоленской области), завершилась использованием ядерного оружия, последствия которого в Японии ощущаются и в наши дни. Печально, что из этих угрожающих событий не было сделано должных выводов – прежде всего, американскими правящими кругами, прибегшими к методам «противоурожайной войны» во Вьетнаме с применением химикатов, действие которых продолжает сказываться до сих пор (с. 383–384).

В данном контексте автор обращает специальное внимание на новейшие достижения в области вооружений и военных действий. В частности, он предвидит противоречивые последствия от развития и распространения некоторых видов высокоточного оружия. С одной стороны, эксперт признает, что во многих случаях высокоточное оружие дает возможность ограничить сферу и область поражения. Однако он предостерегает от чрезмерного оптимизма: противостоящая сторона вынуждена будет прибегать к различным упреждающим мерам и осуществлять их ей придется отнюдь не обязательно столь же высокоточным оружием, что опять-таки повлечет за собой повышенные нагрузки на окружающую среду (с. 445, 453–454). Что касается таких новейших и высокотехнологических видов оружия, как радиологическое, инфразвуковое, генетическое, акустическое и др., то их концентрированное применение в сочетании с обычным, а также ядерным и химическим оружием, попросту сделали бы невозможной жизнь на Земле (с. 455-459). Автор не решается на формулирование в этой связи какого-то ключевого рецепта мировой политике, но настоятельно подчеркивает, что «приоритетным элементом» должна явиться задача сохранения экологической безопасности, окружающей среды и природных «ресурсов» (с. 480).

Ф.Д.РУЗВЕЛЬТ: ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Мальков В.Л. Великий Рузвельт.
«Лис в львиной шкуре». – М.:
Яуза/Эксмо, 2011. 560 с.

В центре очередного труда – фигура Франклина Делано Рузвельта, 32-го президента США, с именем которого связаны основные вехи истории США 1930-х – первой половины 1940-х гг.: «новый курс», участие во Второй мировой войне, разработка атомного оружия, восстановление дипломатических отношений с СССР, создание ООН. В целом, в книге анализируется многое из того, что определило не только место США в предвоенном и послевоенном мире, но и, в значительной степени, саму конфигурацию современной системы международных отношений.

Несмотря на то, что Рузвельт является одним из наиболее выдающихся американских президентов и, безусловно, одним из самых известных в нашей стране, книг, посвященных его биографии, в отечественной историографии совсем немного.¹ При этом интерес к внутренней и внешней политике Рузвельта, в частности к «новому курсу», не только сохраняется, но и получил новый импульс – в том числе в связи с текущим мировым экономическим кризисом, который по масштабу часто сравнивают с кризисом конца 1920-х – начала 1930-х гг. Необходимость новых форм вмешательства государства в экономику во многих странах мира, включая бастион либерализма – США, упреки в социализме, раздающиеся в адрес администрации Б.Обамы, – все это с неизбежностью вызывает ассоциации с акциями «ньюдилеров» в 1930-е гг., направленными на усиление роли государства в социоэкономической, политической и культурной сферах. Тем более что нынешний кризис оказался крахом экономики, базировавшейся на рыночных идеалах, идеологии либеральной экономической модели, до этого, в течение долгих лет доказывавшей свою эффективность.

Еще одним сюжетом, который и сегодня, в первую очередь, интересует общественность и мировое научное сообщество, остается Вторая мировая война, особенно на фоне попыток пересмотра ее итогов, оценок, расстановки знаков «+» и «-», в частности, в Европе. В этой связи заслуживает внимания анализ политики Рузвельта и возглавляемых им США накануне и во время мирового конфликта, роли, которую США сыграли (или наоборот, не сыграли) в эпоху проводимой западноевропейскими демократиями политики «умиротворения» агрессоров, проблем миротворчества и попыток предотвращения конфликта (или воздержания от них).

Разумеется, актуальный интерес к Рузвельту вызван даже самим фактом его уникального долголетия на высшем государственном посту – все-таки он был единственным американским президентом, избранным на эту должность

четыре раза и отработавшим три полных срока. Кроме того, усиление президентской власти, возникновение самого феномена «имперского» президентства по-новому расставляет акценты в соотношении понятий «демократия» и «авторитаризм». В частности, для России этот опыт был, безусловно, поучителен в 2000-е гг., так как в условиях построения «вертикали власти», выбора моделей регулирования государственного вмешательства в экономику и прочих подобных мер, он указывал на необходимость удержаться от перехода зыбкой границы, отделяющей демократическое государство от недемократического, рыночную экономику от нерыночной. Безусловно, прямые параллели проводились, когда обсуждалась возможность третьего подряд президентского срока В.В.Путина и перспектива его выдвижения в 2012 г. после четырехлетнего перерыва. Тогда Рузвельта и его четыре срока вспоминали многие, не исключая самого кандидата, занимавшего пост главы Правительства РФ.

С одной стороны, книгу В.Л.Малькова нельзя считать просто историческим портретом, или «портретом на фоне эпохи». Биография Ф.Д.Рузвельта тесно вплетена в ткань событий первой половины XX в. С другой стороны, именно обращение автора к биографическим сюжетам – происхождению, воспитанию, психологическим особенностям, взглядам, убеждениям помогает лучше понять многое из того, что сделал Рузвельт на высшем государственном посту. Так, например, В.Л.Мальков убедительно доказывает несостоятельность распространенной в ряде работ версии о том, что мероприятия «нового курса» носили спонтанный характер, являлись простым реагированием на возникавшие вызовы. Анализ публичных выступлений и частных высказываний Рузвельта, в том числе сделанных задолго до того, как он стал президентом и за годы до начала кризиса, показывает, что многое из практических мер и инициатив было тесно связано с его политической философией, представлениями о том, каким должно быть американское общество и мировое сообщество.

Работа В.М.Малькова написана с опорой на солидную источниковую базу, включающую в себя обширный комплекс опубликованных и неопубликованных документов, в первую очередь, из американских архивов и библиотек, периодическую печать и современную зарубежную и отечественную историографию. Несмотря на то, что книга издана в научно-популярном формате, она снабжена внушительным справочным аппаратом. В то же время живой язык и занимательность повествования делают ее одинаково доступной как для специалистов, так и для аудитории широкого круга читателей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Наряду с классическими работами Н.Н.Яковлева и А.И.Уткина можно вспомнить лишь несколько монографий, включая одну из ранних работ В.Л.Малькова, хотя она и не является биографией Рузвельта в строгом смысле слова. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. – М., 1988; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. Человек и политик. – М., 1965; Уткин А.И. Рузвельт. – М., 2000; он же. Дипломатия Франклина Рузвельта. – Свердловск, 1990. Из новых работ см. Чернявский Г. Франклин Рузвельт. – М., 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Юрий Валерианович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

БЭЙЛИСС Кристофер (Великобритания), аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге

ВАСИЛЬЕВ Виктор Иванович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН

ВОРОНОВ Константин Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН

ГИГОЛАЕВ Герман Ефимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» Минэкономразвития РФ и РАН

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Совета по изучению производительных сил (СОПС) РАН

ДЕВЯТКОВ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Институт гуманитарных наук Тюменского государственного университета

ЕВТИХЕВИЧ Наталья Сергеевна, кандидат политических наук, программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД)

ИСРАЕЛЯН Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Канады Института США и Канады РАН

ИСТЯГИН Леонид Григорьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, член Академии политической науки

КАЛЯДИН Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

КОРСАКОВ Георгий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН

КРЫЛОВА Ирина Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

КУКЛИНА Ида Николаевна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра модернизации и развития ИМЭМО РАН

МИЗЮРКИН Юрий Александрович, аспирант ИМЭМО РАН, член Клуба учебной аналитики для молодых специалистов при МГИМО-Университете

СЕЙЕР Майкл (США), аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге и Джорджтаунского университета, США.

ФРОЛОВ Александр Владимирович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН